

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО КРЫМА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

«Обыкновенно, историю делят всегда хронологически от такого-то до такого-то периода. С древней историей так поступить нельзя, потому что, во-первых, никто ничего о ней не знает, а во-вторых, древние народы жили бестолково, мотались из одного места в другое, из одной эпохи в другую и все это без железных дорог, без порядка и цели. Поэтому учеными людьми придумано рассматривать историю каждого народа отдельно. Иначе, так запутаешься, что и не выберешься».

*Всеобщая история, обработанная
«Сатириконом» (С.-Пб., 1912)*

Дефиниция «Горный Крым»: географический, «культурно-исторический» и археологический аспекты. В пределах Крымского полуострова выделяется две физико-географические провинции – Крымская степная (на севере) и Горный Крым (на юге) (Подгородский 1988, рис. 8: А, Б) (рис. 1: 1). Однако при определении границ Горного Крыма, несмотря на кажущуюся очевидность решения этой задачи, исследователи, в зависимости от своей специализации, демонстрируют различные взгляды на проблему. В большинстве географических справочников и других работ географов в это понятие объединяется территория, занимаемая всеми тремя субпараллельными грядами (Главной, Внутренней и Внешней) Крымских гор (6,64 тыс. кв. км, 25,5% общей площади полуострова) (см. напр. Корженевский, Клюкин 2000: 9). Традиция такого подхода восходит еще к 1 пол. XIX в. Так П.И. Кёппен упоминает о «Высочайше утвержденном в 5-й день мая 1835 года мнении Государственного совета» (Российской империи) о «черте, отделяющей степную часть Крыма от горной», которая проходит «от устья р. Булганака (Западного) до города Феодосии» (Кёппен 1836: 11). Сходной («широкой») точки зрения придерживаются и некоторые специалисты, изучающие историю и археологию региона (см. напр. Фирсов 1990: 15; Айбабин 1999: 8-9 и др.). В то же время в пределах этого «Горного Крыма» исследователи выделяют 3 ландшафтные зоны: «Предгорье», «Главная гряда (Яйла)», «Южнобережье» (Буров 1991: 17) (см. также Шульц 1959: 235). Дефиниция «Предгорье» – «Предгорный Крым» используется довольно широко. Её содержание наиболее четко отражено в статье М.Е. Кострицкого и В.Н. Тереховой: «Вторая и Третья гряды вместе с двумя продольными депрессиями составляют предгорную часть Крымского горного поднятия – Крымское предгорье. Вторая гряда ... является внутренней предгорной грядой, а Третья – внешней предгорной грядой... Крымское предгорье резко отличается от Главной гряды и... геологическим строением и... рельефом. Это отличие отмечено еще Палассом, выделившим Крым-

ское предгорье под названием «Второго ряда Таврических гор» (1957: 489). В археологической литературе этот термин часто употребляется как понятие того же масштаба, что и «Горный Крым» (см. напр. Пуздровский 2007: 15-16, 198-199), под которым в этих случаях имплицитно подразумевается «Главная гряда» и «Южнобережье». За условную границу между «Горной» и «Предгорной» частями полуострова в таких работах принимается межгрядное понижение между Главной и Второй грядами (Веймарн 1955: 16, прим. 2; Веймарн 1968: 7; Лесков 1965: 5; Соломоник, Домбровский 1968: 30; Крис 1981: 56; Масленников 1990: 187-188, рис. 17: VIII, IX; Колтухов 1991: 77, 88 и др.). Такие взгляды порождены, очевидно, не столько географическими особенностями «Горного» и «Предгорного» Крыма, сколько различиями, прослеженными при картографировании и исследовании расположенных в этих регионах археологических объектов разных эпох (см. напр. Буров 1991). Объясняя это явление, специалисты чаще всего усматривают в Главной гряде существенную преграду, способствовавшую культурной изоляции населения Южного берега, в частности, от влияния кочевых племен Степи (Кондараки 1883: 9; Веймарн 1951: 202; Домбровский 1961: 161; Якобсон 1970: 11; Колтухов, Вдовиченко 1997: 24; иное мнение см.: Новиченкова Н. 2000: 42). В связи с этим, вероятно, следует считать справедливым замечание А.К. Амброза о том, что верховья реки Салгир не входят в «Горный Крым», так как её долина служила коридором, по которому кочевники могли проникать в горы (Амброз 1994: 31). Видимо, ту же роль могли выполнять и долины других относительно крупных рек полуострова (напр. Альмы). Таким образом, при «культурно-историческом» подходе к географическому районированию Крыма в пределах его обособленной горной части окажутся лишь платообразные безлесные вершины Главной гряды (Яйла, ширина – 0,5 – 6-10 км, высота – до 739-1545 м н. у. м.) и её южный макросклон (соединенный с Предгорьем несколькими перевалами) с побережьем от мыса Айя до Судакской долины (1,3 тыс. кв. км, 5% общей площади полуострова).

Северо-западную условную границу этой территории, видимо, следует проводить по перевалам и Яйле, а с юго-запада она естественно ограничена Черным морем. Культура населения южной части Горного Крыма, вероятно, в той или иной мере отличалась от распространенной в Предгорном Крыму как в связи с возможной этнической и политической спецификой этих регионов, так и по причине отличия хозяйственно-культурных типов, сформировавшихся в различных географических условиях (см. напр.: Кёппен 1837: 407; Шульц 1959: 236-237; Буров 1991; Храпунов 2004: 56-58; Буров 2008: 196 и сл.). Видимо, рассматриваемая территория представляет собой отдельную «культурно-хозяйственную зону» (Колпаков и др. 1990: 94), в целом характеризующуюся малыми размерами и незначительным аграрным потенциалом (Фирсов 1979: 108-109). Обособленность Южной части Горного Крыма как объекта археологического исследования проявляется в специфичности геологических условий залегания археологических комплексов. На крутых склонах, занимающих большую её часть, многие памятники, сформировавшиеся до рубежа 1 и 2 тыс. н.э., оказались либо разрушенными и переотложенными экзогенными склоновыми процессами либо перекрытыми мощными напластованиями коллювия, деляпсия, солифлюксия, делювия, пролювия и проч. Эти обстоятельства существенно влияют на степень успешности решения полевых археологических задач и, как следствие, на возможности и степень сложности методики общей объективной интерпретации результатов исследований.

Римское время как отдельный период для рассматриваемой территории, как и для всего Северного Причерноморья, датируется 2 пол. I в. до н.э. – рубежом IV–V вв. (Блаватский 1959: 30). Нижняя дата отмечена началом активного влияния Римской империи на политические процессы в Крыму (Зубарь 1998: 7), в частности, завершением эллинистической эпохи на Боспоре. Верхний рубеж обозначен значительными изменениями в культуре и, видимо, этническом составе населения Южной части Горного Крыма (появление некрополей типа «Суук-Су – Лучистое»), знаменовавшими собой начало эпохи Великого переселения народов и Средневековья в целом.

Горный Крым римского времени у представителей местных центров античной цивилизации (в частности Боспора), а также наиболее информированных древних авторов, видимо, ассоциировался с исторической Таврикой (лит. см. Ольховский 1981: 52-53; Ольховский 1990: 32; Зубарь 2001-2002: 127-128; Зубарь 2004: 130; Лысенко 2014: 102 и сл., 107-108, 116). Достоверных сведений об этом регионе в греко-римской нарративной традиции немного. В них содержится информация как чисто географического, так и этнополитического характера.

Исторические источники о географии Южной Таврики римского периода. В «Географии» Страбона (ок. 63-64 гг. до н.э. – ок. 20 г. н.э.) сообщается, что Таврическое побережье тянулось от бухты Символов (Балаклавская), в которой «тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды», до Феодосии (Strabo, VII, 4, 3; Страбон 1964: 282), указано, что Феодосия была прежде

границей боспорцев и тавров (Strabo, VII, 4, 4), а также упоминается располагающаяся «в гористой области тавров» гора Трапезунт (Strabo, VII, 4, 3; Страбон 1964: 283). С кон. XVIII – нач. XX вв. она традиционно отождествляется с горой Чатыр-Даг (Паллас 1999: 87 и мн. др.; Лысенко 2014: 110-111), хотя это предположение далеко не бесспорно (см. напр. Сидоренко 1991: 110-111, 113; Лысенко 2010: 261, прим. 26). В то же время возможно, что под этим названием иногда воспринималась вся Главная гряда Крымских гор (Сестренцевич-Богуш 1806: 26).

В «Естественной истории» Плиния Старшего (23/24 – 24.08.79 гг.) при описании Таврики отмечено, что «самый хребет» занимают «скифотавры», которые на западе граничат с Херсонесом, а на востоке – со скифами-сатавками. За мысом Крию Метопон находятся «многие гавани тавров» (Plin., NH, IV, 85-86; Скржинская 1977: 96-97). Этот мыс известен по крайней мере с IV в. до н.э. Многие путешественники, краеведы и исследователи XIX в. локализовали его на горе Аю-Даг (лит. см. Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 31-34), С. Сестренцевич-Богуш – на мысе Айя (Сестренцевич-Богуш 1806: 27). М.В. Агбунов соотнес топоним с мысом Ай-Тодор (Агбунов 1992: 209-210). В.Г. Зубарев предлагает понимать под Крию Метопоном весь участок побережья от мыса Сарыч до горы Аю-Даг (Зубарев 2005: 213) (рис. 1: 2).

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (II в.) фигурируют Харакс, а на побережье между ним и Феодосией такие пункты как Лагира, мыс Коракс и устье реки Истрианы (Ptol., III, 6, 2; Латышев 1948: 240). Харакс, ориентируясь на координаты Птолемея, пытались расположить к западу или востоку от Бараньего лба (Ореанда, Никитский мыс, Аю-Даг, Кафель) (лит. см. Репников 1941: 125-126), однако вскоре практически общепризнанным стало его отождествление с городищем на мысе Ай-Тодор (Латышев 1899: 94 сл., прим.; Ростовцев 1900: 158 и др.). Остальные топонимы локализовать сложнее. П.И. Кёппен упомянул традицию помещения Лагиры на месте средневековой Сугдеи, исходящую от географа XVI в. Бодрана (Кёппен 1837: 134, прим. 213). В.В. Латышев предлагал искать этот пункт у современной Ливадии (Латышев 1948: 240, прим. 5). В.Г. Зубарев, проанализировавший сведения Птолемея по оригинальной методике, привел два варианта локализации Лагиры: район современного поселка Малый Маяк и горы Кафель; район современного села Приветное – Карасубазарская балка (Зубарев 2005: 218, 221-222, 224, 226, 442, № 68), причем первый, по мнению автора, предпочтительнее (рис. 1: 2). В связи с этим следует отметить, что на указанном отрезке побережья сохранился топоним, довольно близкий к Птолемею: «Агира» (см. Сестренцевич-Богуш 1806: 28). Такое название носит прибрежная скала (на современных картах мыс Башенный) в 4,8 км к северо-востоку от устья Карасубазарской балки (речка Ускут). На ней располагаются остатки крепости 2 пол. XV в., известной под названием Чобан-Куле. Н.И. Репников полагал, что здесь могло находиться римское сторожевое укрепление (Репников 1941: 124), однако каких-либо материалов

I–III вв. на памятнике, который в начале 90-х гг. XX в. подвергался раскопкам, обнаружить не удалось (Кирилко, Мыц 2004: 205-206). В то же время сама скала могла служить навигационным ориентиром при каботажном плавании с юго-запада на северо-восток (в дневное время хорошо видна на темном фоне берега) (Кирилко, Мыц 2004: 221-222, прим.). В этом же направлении «ориентировано» описание Птолемея. Мыс Коракс С. Сестренцевич-Богуш помещает у Судака (Сестренцевич-Богуш 1806: 29), В.В. Латышев предположительно локализует на мысе Аю-Даг (Латышев 1948: 240, прим. 6), а В.Г. Зубарев – на мысе Меганом (Зубарев 2005: 221) (рис. 1: 2). Реку Истриану С. Сестренцевич-Богуш считает впадающей в море у Феодосии (Сестренцевич-Богуш 1806: 29), В.В. Латышев предлагает искать среди речек в окрестностях современного города Алушта (Латышев 1948: 240, прим. 7), В.Г. Зубарев обоснованно помещает её северо-восточнее мыса Меганом (возможно, на современных картах обозначена как Отуз) (Зубарев 2005: рис. 4) (рис. 1: 2).

В «Перипле Понта Эвксинского» Арриана Флавия (II в.) перечислены прибрежные «покинутый порт скифо-тавров», «Лампада в Таврической земле» и «порт Символов», а также указаны расстояния между ними в стадиях (Агг., PPE, 30; Латышев 1948а: 272). В более позднем (VI в.) перипле Анонимного автора содержится практически та же информация, лишь указано название «порта тавро-скифов» – «Афинеон» и добавлены расстояния в римских милях, а также сообщается, что у Лампады есть стоянка для кораблей (Ps.-Агг., PPE, 78; Латышев 1948б: 235). Лампаду обычно локализируют в окрестностях современных поселков Кипарисное (Утес) и Малый Маяк (бывш. Кучук-Ламбат и Биюк-Ламбат) (Кёппен 1837: 163-165, прим. 246; Латышев 1948а: 272, прим. 11; Зубарев 2005: 221 и др.) (рис. 1: 2). Афинеон Ф. Дюбуа де Монпере (2009: 102), М.И. Ростовцев (1925: 67) и В.В. Латышев (1948а: 272, прим. 10) помещали на месте современного г. Судак (хотя согласно достаточно достоверной заметке 1292 г. на полях Судакского синаксаря город был основан лишь в 212 г. [Хапаев 2008: 91]), П.Н. Шульц – в районе Судака (Онайко 1961: 293), А.Фабр (1859: 54) и В.П. Бабенчиков (1958: 90-92) – на месте средневекового городища Тепсень, а М.В. Агбунов – у современного пос. Курортное Судакского горсовета (Агбунов 1992: 211). С.Б. Ланцов отождествил этот пункт с Кутлакским укреплением рубежа эр (Ланцов 1997: 73). В.Г. Зубарев предлагает искать Афинеон у современного пос. Прибрежное (северо-восточнее мыса Меганом) (Зубарев 2005: 221) (рис. 1: 2).

В целом следует констатировать, что греко-римская нарративная традиция отмечает шесть пунктов, которые с большей или меньшей долей вероятности могут быть соотнесены с рассматриваемым регионом (Криу Метопон, Харакс, Лампад, Трапезунт, Лагира, Афинеон). Все они, видимо, так или иначе связаны с морским делом: три – природные объекты (мысы, гора), возможно, использовавшиеся в древности как навигационные ориентиры; три – населенные пункты

с гаванями. Это в какой-то мере отражает как основную направленность интереса представителей отдаленных центров античной цивилизации к Таврике римского времени (как к побережью, вдоль которого осуществлялся каботаж), так и общий уровень их информированности.

Исторические сведения о этнополитической ситуации в Южной Таврике римского времени. В большинстве произведений древних и средневековых авторов, касавшихся этнографических особенностей населения региона, воспроизводятся устаревшие данные о диких нравах аборигенов (тавров), обнаруженные еще Геродотом (ок. 484-425 гг. до н.э.) в контексте описания перипетий войны персидского царя Дария со скифами (VI в. до н.э.) (Herod., IV, 99, 100, 102, 103, 119; см. Пиоро 1990: 12-17; Пиоро 1998: 139), а также фантастические сведения, содержащиеся в трагедии Еврипида (485/84-480 – 406 гг. до н.э.) «Ифигения в Тавриде» (см. Колотухин 1996: 83-86). Среди трудов, авторы которых пользовались, возможно, независимыми от этой традиции источниками, необходимо упомянуть следующие. В «Землеописании» начала I в. до н.э., приписываемом Скимну Хиосскому, отмечается, что тавры, многочисленный народ, ведут образ жизни горцев и кочевников (Ps.-Scymn., 831-832; Псевдо-Скимн 1893-1900: 88-89). Та же информация содержится в перипле VI в. Псевдо-Арриана (Латышев 1948б: 235). В «Анналах» Тацита (ок. 55 – ок. 120 гг.) сообщается о том, что в 49 г. несколько римских кораблей, возвращавшихся с Боспора, выбросило к берегу тавров, и варвары убили «префекта когорты и множество воинов вспомогательного отряда» (Tac. Ann. XII, 17). В восстановленной Иосифом Флавием (37 – ок. 100 гг.) речи иудейского царя Агриппы 66 г. фигурируют сведения о том, что «народ таврийский», наряду с другими «племенами на Понте и Меотийском море... удерживается тремя тысячами тяжеловооруженных воинов и сорока военными кораблями» (Jos. Flav. Bell. Jud., II, 16, 4). По контексту складывается впечатление, что в источнике повествуется о активности римлян в районе Боспорского государства (Сарновски 2000а: 206-208). Аммиан Марцеллин («История», IV в.) помимо пересказа сведений Геродота характеризует тавров как «разделенных на различные царства» и называет три таврских племени, отличающиеся «чрезмерной грубостью»: арихи, синхи и напеи (XXII, 8, 33; Латышев 1949: 288). Привязка последних этнонимов к Крыму вызывает у некоторых исследователей обоснованные сомнения (см. Пиоро 1990: 14). Кроме того, некие «тавроскифы» упоминаются как субъект межгосударственной политики в контексте сообщений о пленении римского императора Валериана царем персов Шапуром I летом 260 г. Они якобы обещали Риму помощь в освобождении Валериана. Видимо, в данном случае под этниконом понимается Боспорское государство (SHA, Jul. Capit., Valer. Duo, 6; Анохин 1999: 166).

Скептицизм некоторых специалистов в отношении адекватности используемых в источниках римского времени и раннего средневековья этнонимов

«тавры», «скифотавры» и «тавроскифы» (см. Пиоро 1997: 96-97; Пиоро 1998: 139) в большинстве случаев, видимо, оправдан лишь отчасти (в отношении вкладываемого в них смысла: этнический, географический, «профессионально-нарицательный» [см. Лысенко 2014: 104-107]), так как реальность их употребления в первых веках н. э. подтверждается местными эпиграфическими документами (см. Пуздровский 1999: 208; Храпунов 2004: 63), в которых упоминается Таврика как конкретная территория с особым населением (см. Ольховский 1981: 53 и др.). В двух посвященных надписях боспорскому царю Аспургу (10/11-37/38 гг.), одна из которых датируется 23 г., сказано, что он подчинил тавров и скифов (КБН: №№ 39, 40). В энкомии неизвестного боспорского государственного деятеля времени царя Савромата I упоминается поход, совершенный чествуемым через Таврику к Херсонесу, а также сообщается о подчинении им тавров, в частности, видимо, дипломатическим путем – «обратив в страх» их дерзость и образ мыслей (Сапрыкин 2005: 46). Комментаторы усматривают здесь информацию о двух различных акциях, случившихся, соответственно, в 93-96 и 105-110 гг. (Виноградов, Шестаков 2005: 43; Сапрыкин 2005: 65, 73), хотя по сохранившейся части текста определенно можно судить лишь о военно-политической активности Боспора на рассматриваемой территории в 90-х гг. I – нач. II вв. В то же время некоторые исследователи относят этот документ к 194-195 гг. (Bowersock, Jones 2006: 127-128) или кон. I – нач. 2 трети III в. (Иванчик 2013: 64). Из Херсонеса происходит надгробие двух вольноотпущенников и в тексте эпитафии указано, что по крайней мере один из них убит таврами. Специалисты датируют этот памятник временем экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана (Ростовцев 1908: 55 и сл.), кон. I (Соломоник 1983: 43-44) или 2 пол. II вв. (Зубар 1990: 108-109) (лит. см. Сарновски 2000а: 209). Кроме того, в обнаруженном в Африке *cursus honorum* Тиберия Плавтия Феррунтияна упомянута его служба в кон. II в. «препозитом понтийских вексилляций в Скифии и Таврике» в ранге военного трибуна (хотя в этом случае под «Таврикой», возможно, подразумевается весь Крымский полуостров) (CIL, VIII, 619; лит. см. Соломоник 1983: 17; Зубарь 2003: 140). В надписи времени Савромата II (174/175-210/211 гг.), установленной в Танаисе в феврале – марте 194 г., сообщается о том, что он завоевал сираков и скифов, а Таврику «присоединил по договору» (КБН: № 1237). По мнению исследователей это случилось около сер. II в. (Шевченко 1989: 144-145), около 175 г. (Пуздровский 2001: 114), в 186–193 гг. (Зубарь 1998: 112) или в 193 г. (Зубарь 1994: 112; Колтухов 1999: 98; Анохин 1999: 154 и др.). В более позднем эпиграфическом документе времени одного из Рескупоридов (II, III или IV) (лит. см. Зубарь 2003: 145, прим. 2) правитель назван не только царем Боспора, но и тавро-скифов (КБН: № 1008). С обеспечившими «присоединение» военными действиями иногда отождествляют некую «Боспорскую войну», известную по латиноязычному посвящению, поставленному в I пол.

III в. на территории современной республики Болгария её участником – ветераном I Итальянского легиона (лит. см. Зубарь 2003: 141-147). В то же время существуют мнения о том, что надпись свидетельствует о военной помощи Рима боспорским правителям против «готов» во 2 четв. III в. (Овчаров, Овчаров 1988: 127, 129), а также о том, что упомянутая война могла произойти в 196-235 гг. и, возможно, велась против Боспорского государства или неизвестных врагов на его территории, в том числе и вооруженными силами самого Боспора с участием римских подразделений (Сарновски 2000: 248; ср. Зубарь 2003б).

Помимо этого, многочисленные позднеантичные и раннесредневековые источники сообщают о морских походах «скифов» («готов») в пределы Римской империи, осуществлявшихся во 2 пол. III в. с территории Северного Причерноморья, в частности, Боспорского государства (лит. см. Буданова 1990: 72-82; Хайредино-ва 1994а: 517-518; Айбабин 1999б: 242-243 и др.). О проникновении в рассматриваемый период этих варваров в Горный Крым не упоминается (первое сравнительно достоверное свидетельство присутствия в регионе «готов», сообщение о населенной ими «стране Дори», относится к VI в. [Proc. Aed. III, VII, 10-17]), однако вероятность такого хода событий полностью исключать нельзя. Во всяком случае, информация о готах и Готии в Крыму в целом и на Южнобережье в частности содержится в более поздних средневековых текстах. Так, некая «область готов» или «Готия» фигурирует в перечне древних городов «Босфоританской страны» (кон. VII в.) Равеннского Анонима («Getho Githorum»), в «Бревиарии» Никифора под 704/705 гг. в рамках повествования о бегстве Юстиниана II из Херсонеса в Дорос и в 9-й главе «Жития Иоанна Готского» (I пол. IX в.) при описании антихазарского восстания 787 г. («крепость Готии») (лит. см. Пиоро 1990: 63-65). В том же агиографическом источнике в контексте событий VIII в. сообщается, что Иоанн «происходит из... земли тавроскифов, которая находилась под властью готов, а именно из торжища, которое носит название Парфениты...» (Васильевский 1912: 396). В кон. VIII – нач. IX – кон. XVIII вв. на территории региона существует Готская епархия Константинопольского патриархата (лит. см. Могарычев, Сазанов, Шапошников 2007: 177-182; Юрочкин 2007), а во 2 пол. XV в. – генуэзская оффиция «Капитанство Готия» (лит. см. Мыц 2009: 348-349). Западные позднесредневековые путешественники, священнослужители и дипломаты (Гийом Рубрук, 1253 г.; Джованни Монтекорвино, 1305 г.; Иосафат Барбаро; Бусбек, сер. XVI в.; Матвей из Мехова, 1578 г.), описывая в своих сообщениях население Горного Крыма, по крайней мере часть его называют «готами» и свидетельствуют о распространении в регионе диалекта «немецкого» языка (Рубрук 1911: 68; Хенинг 1962: 140; Барбаро 1971: 157; Равдоникас 1932: 10-11; Малицкий 1933: 44; Могарычев, Сазанов, Шапошников 2007: 304-314). В то же время, видимо, нельзя исключать некоторой предвзятости этих авторов (см. Кондаки 1883: 23-24).

Для подтверждения факта присутствия в пределах рассматриваемой территории в позднеантичное время германцев-иудеев иногда привлекается одно из обнаруженных в Партените надгробий с изображением меноры и выполненной ивритом надписью. По мнению Д.А. Хвольсона в тексте упоминается священник-коэн с готским именем Herfidil, написанным еврейскими буквами. В связи с этим высказывались предположения о том, что первые еврейско-германские языковые контакты состоялись в Крыму, коэн Херфидил был готом-иудеем, а идиш является крымско-готским языком, позднее искаженным европейскими евреями. Однако современные гебраисты считают подобные надгробия элементами погребальных комплексов этнических евреев, а германисты не находят имени «Херфидил» ни в германском ни в готском ономастике (лит. см. Кизилев 2011: 43-47).

Еще менее определенны сведения о возможном проникновении в римское время в Южную Таврику аланов. Исследователи, допускающие вероятность такого хода событий, основываются на предполагаемом времени основания населенного пункта (212 г.) и этимологии ойконима Судак (от иран. «чистый», «святой»), этимологии упомянутого Псевдоплутархом «местного» варианта названия мыса Криуметопон (помещен этим автором за пределами Крыма) – Вриксава (Ps-Plut. Fluv. XIV, 4; лит. см. Шапошников 2004: 106) (от иран. «бараний рог» или «древесный», «поросший деревьями»), а также на следующих данных анонимного перипла Понта Эвксинского (2 пол. VI в.): Феодосия «на аланском или таврском языке» называлась Ардабда (Annon. PPE, 77) (от иран. «семибожный»); готы, переселившиеся из Крыма на кавказскую сторону Босфора Киммерийского и получившие название евдусиан, говорили готским и таврским языком. Принимая во внимание эту информацию некоторые специалисты отождествляют упомянутые «аланский» и «таврский» языки и полагают, что употребление «готами» этого наречия наравне с родным было возможно лишь при условии обитания «готов» и «аланов» по соседству друг с другом (во II-III – IV вв., в пределах рассматриваемой территории?) (лит. см. Брун 1880: 122; Миллер 1888: 122-123).

Также, учитывая географическое положение Таврики, можно предполагать, что на этнополитической ситуации в этом регионе так или иначе отразились отдельные эпизоды римско-боспорских, боспоро-херсонесских и римско-херсонесских отношений, в связи с которыми могло осуществляться перемещение более или менее значительных групп населения. В течение рассматриваемого периода Херсонес (видимо, как относительно слабое в военном отношении государство) периодически пребывал под протекторатом Боспора или непосредственно Рима (см. Ростовцев 1900: 141). После гибели Митридата VI Евпатора (63 г. до н.э.) командовавший тогда римскими войсками на Востоке Помпей оставил Боспорское царство (кроме Фанагории) вместе с Херсонесом сыну Понтийского царя Фарнаку (63-56/5; 55/4-51/50; 50/49-48/7 гг. до н.э.) (App.

Mithr., 113). После смерти последнего Херсонес в результате посольства Гая Юлия Сатира (IPE, 691) (май 46 – январь 45 гг. до н.э. [Ростовцев 1917: 3]) получил от Цезаря свободу. Наследовавший Фарнаку на боспорском престоле Асандр, видимо, пытался вернуть полис под свою власть, но потерпел неудачу (Const. Porph., De adm. Imp., 53, лит. см. Анохин 1999: 121-122). Впоследствии, после захвата власти на Боспоре у царицы Динамии неким Скрибонием (15-14 г. до н.э.), военачальник Августа Марк Випсаний Агриппа послал против него Понтийского царя Полемона I, который после непродолжительной вооруженной борьбы взял в жены Динамию и занял боспорский престол (Dio Cass., LIV, 24). При этом он, вероятно, получил прямую военную помощь от Херсонеса (IPE, 419, 704) а также, возможно, от Агриппы и иудейского царя Ирода (Jos. Ant. XVI.2. 2; Oros. VI.21.28; Панов 2002). В кон. I в. до н.э. – I пол. I в. н.э. правители Боспора (Динамия и Аспург), видимо, поддерживали с Херсонесом некие взаимовыгодные дружественные отношения (IPE, 354. 573; лит. см. Анохин 1999: 131-133). В дальнейшем, в рамках борьбы за власть между Митридатом VIII, проводившим независимую от Рима политику и его братом Котисом I, поддержанным Империей, весной-летом 46 – 48/9 гг. состоялась экспедиция на Боспор проконсула провинции Азия Авла Дидия Галла, в которой, возможно, участвовало и херсонесское ополчение (лит. см. Зубарь 2001-2002: 11-12; Зубарь, Шмалько 1993: 225-230). На завершающей стадии конфликта, как уже упоминалось, несколько римских кораблей потерпели крушение у берега тавров (FHG, IV, 185, fr. 3; Tac. Ann., XII, 15, 17, 20, 62-63; лит. см. Анохин 1999: 137-141). В 60-х гг. I в. легат провинции Мезия Тиберий Плавтий Сильван Элиан защитил Херсонес от осадивших его варваров (скифов) (CIL, XIV, 3608 = ILS, 986; лит. см. Сарновски 2006). В кон. I – нач. II вв., при Савромате I, Боспор оказывал Херсонесу помощь против тавров, скифов и аланов (см. Сапрыкин 2005: 65, 73). Есть основания полагать, что именно этого царя по постановлению декурионов удостоила статуей римская колония Юлия Счастливая Синопа (CIL III. 783), хотя некоторые специалисты считают этот памятник вотивом в честь Савромата II (Зубарь 2003а: 43, 44). Кроме того, ряд исследователей приписывает Савромату I неудачную попытку выступить против Рима, но эта гипотеза недостаточно аргументирована (лит. см. Парфенов 2011). Позже, на протяжении II – I пол. III вв., на Боспоре эпизодически пребывали части римских войск (флота и сухопутных подразделений) (лит. см. Сапрыкин, Ермолин 2010: 79-82). Судя по эпиграфическим памятникам нельзя исключать того, что в I пол. II в. они периодически стояли и в Херсонесе (см. Зубарь 2001-2002: 19-23). В то же время из свидетельства вольноотпущенника Флегонта Траллийского следует, что император Адриан передал Херсонес в подчинение боспорскому царю Котису II (123-132 гг.) (Phlegon Trall. Olymp. 15, fr. 20 [XXII]). Исходя из нумизматических и эпиграфических источников можно предполагать,

что такое положение установилось не ранее 125 г. и сохранялось до 142-145 гг. (лит. см. Сидоренко 2001: 447-453). В этот период по крайней мере дважды Херсонес направлял успешные посольства царю Реметалку (IRE, 423), а боспорские войска принимали участие в римской операции против аланов в Каппадокии (136 г.) (Agr., *Acies c. Alanos*, 3, 18). В кон. 40-х гг. II в. – 2 – нач. 3 четв. III в., судя по многочисленным эпиграфическим документам и другим данным, римские войска на постоянной основе дислоцировались в Херсонесе и его окрестностях (лит. см. Зубарь 2001-2002: 24-134), а затем, видимо, были выведены. Впоследствии пребывание римских регулярных формирований фиксируется в городе в кон. III – 1 четв. IV вв. (эпиграфика) и в нач. 70-х гг. IV – кон. 60-х гг. V вв. (эпиграфика, «Жития св. епископов Херсонских») (лит. см. Цукерман 1994). С кон. 30-х гг. III в. по нумизматическим данным отмечается ослабление влияния Римской империи на Боспорское государство (Катюшин 2009). Возможно вследствие этого позже, во время Рескупорида IV, в период примерно с 250 по 275 гг., Боспор периодически служил исходным пунктом (базой) для походов готов в пределы Империи (Zosim., I, 31, 33; SHA, Fl. *Vopisc.*, Div. Aurel., 16). Также к поздне-римскому времени относятся сведения о трех войнах между Херсонесом и Боспором, изложенные Константином Багрянородным в главе 53 трактата «Об управлении империей» (948-952 гг.). Первый конфликт состоялся при императоре Диоклетиане и херсонесском «венценосце и протевоне» Фемисте, сыне Фемиста. Некий Савромат «из боспориан», сын Крискорона, собрал войско из «сарматов» с берегов Меотиды и выступил против римлян, захватил страну лазов и дошел до р. Галис (провинция Понт). Преградивший ему путь трибун Констант I предложил Диоклетиану направить на Боспор войско Херсона, чтобы заставить Савромата отказаться от войны. Херсониты, при венценосце и протевоне Хресте, сыне Папия, собрав «мужей из соседних крепостей», захватили город Боспор, что вынудило Савромата отступить из Малой Азии. Впоследствии, при Константине Великом, в Скифии случился антиримский мятеж. В боевых действиях на Истре военную помощь империи вновь оказал Херсонес, за что получил подтверждение данной ранее «свободы», освобождение от налогов, золоченую статую императора, а также пайки и материалы на содержание подразделения баллистариев. Через некоторое время Савромат, внук Савромата, воевавшего в Лазике, желая отомстить за поражение, выступил против Херсонеса. Сражение, выигранное херсонитами, произошло в местности Кафа (возможно, между Феодосией и Судакской долиной [см. Катюшин 1994]), где были установлены пограничные столбы. Третью войну вел другой Савромат. Боспорское войско перешло границу в области Кафы. Херсонитов возглавлял протевон Фарнак. Судьба противостояния решалась в поединке между командующими, в котором победил Фарнак. Граница Боспора была отодвинута к «Кивернику» (городище Киммерик на горе Опук?). Фарнак

«удержал» часть плененного войска («людей из Боспора, у которых «была отнята земля») для занятия земледелием (Const. Porph., *De adm. imp.*, 53, сткк. 124-161). Исследователи, признающие историчность изложенных сведений полагают, что Константин VII при составлении своего труда пользовался некими не сохранившимися позднеантичными или раннесредневековыми хрониками Херсонеса Таврического. Сопоставляя с этими данными исторические и археологические источники, специалисты датировали упомянутые конфликты по-разному. Большинство в качестве основного хронологического ориентира принимает имена римских императоров Диоклетиана (284-305 гг.) и Константина Великого (306-337 гг.). Ранние комментаторы, видимо воспринимая рассматриваемый текст, помимо прочего, как источник по династической истории Боспора, нумеровали фигурирующих в нем Савроматов IV, V и VI (см. Сестренцевич-Богуш 1806: 306, 307; Сестренцевич-Богуш 1806а: 17) или V, VI и VII (см. Ашик 1848: 112-116). При этом А. Ашик полагал, что причиной 1-го конфликта были действия Савромата – соправителя Фофорса, а 3-й конфликт датировал 330 г. П.И. Кёппен указал, что первое столкновение произошло «около 304 г.» (Кёппен 1837: прим. 143). Современные исследователи имя «Савромат» считают нарицательным и «Савромата сына Крискорона» обычно отождествляют с боспорским правителем Фофорсом. Они относят 1-й конфликт к 284-285/6 (Сидоренко 1994: 66-67; Сидоренко 1994а: 12), 291 (Харматта 1967: 204-206), 292 (Сестренцевич-Богуш 1806: 300) или 303 (Сестренцевич-Богуш 1806а: 17) гг.; 2-й – 318-319 – 318-320 (Сидоренко 1994: 67; Сидоренко 1994а: 12), 328 (Юрочкин 1999: 281), 331 (Анохин 1999: 176) или 340 (Сестренцевич-Богуш 1806: 306) гг.; 3-й – 328-333 (Сидоренко 1994: 67; Сидоренко 1994а: 12), 337 (Юрочкин 1999: 281) или 344 (Сестренцевич-Богуш 1806: 307) гг. Предполагается также, что результаты этой борьбы отражены в географическом тексте Исторического музея, где Херсонес упоминается в одном административном контексте с Кафой и Символоном. При публикации документ датировали 360-386 гг. (Шангин 1938: 252-255), однако есть основания полагать, что он был создан не ранее X в. (Цукерман 1994: 560, прим. 47). Сторонники более ранней датировки рассматриваемых событий исходят из того, что Константин Багрянородный, руководствуясь общими геополитическими соображениями, мог умышленно вставить в повествование имена соответствующих римских императоров как напоминание об основателях Византии, а также о легитимности присоединения к ней Херсонеса и таким образом исказить хронологию использовавшихся источников. Тогда под именами боспорских царей «Савромат сын Крискорона», «Савромат внук Савромата» и «другой Савромат», возможно, подразумеваются соответственно Савроматы II (174/5-210/11), III (229/30-231/232) и IV (275/76 гг.). В этом случае, принимая во внимание содержание херсонесского декрета 174 г., в котором упомянуты

первый архонт Фемист, сын Стратона и Хрест (Христ), сын Папия, по именам схожие и, видимо, являющиеся предками херсонесских правителей сообщения Константина, первый херсоно-боспорский конфликт следует датировать концом правления Савромата II (Грацианская 2004).

Определенное значение для рассматриваемой темы имеют сведения о христианизации Северного Причерноморья. Все они содержатся в трудах авторов-христиан (Квинт Септимий Флорент Тертуллиан (ок. 160-220 гг.), Епифаний епископ Констанцкий (ок. 314-367 гг.), Афанасий Александрийский (ок. 330-373 гг.), Иоанн Златоуст (ок. 347-407 гг.), Евсевий Иероним (ок. 30-40-х гг. IV в. – 420 г.) и др.) и носят панегирический характер – повествуют об успехах в распространении новой веры. В этом контексте фигурирует историческая область «Скифия», а среди новообращенных упоминаются «скифы», «сарматы» и «готы». По свидетельствам нарративной традиции (напр. Филострогий) первыми миссионерами среди восточноевропейских варваров были пленные-христиане, захваченные в ходе готских (скифских) войн III в. в основном в Малой Азии (Каппадокии) (лит. см. Брайчевский 1989: 13-18). Кроме того, «Жития св. епископов Херсонесских» сообщают о прибытии в Херсонес Таврический во времена императора Диоклетиана палестинского епископа Василея, а при Константине Великом – Капитона. В связи с этим сформировалось по крайней мере два традиционных взаимодополняющих(?) взгляда на обстоятельства и время начала христианизации населения Крыма – через Боспор в 50-х гг. III в. и через Херсонес в нач. IV в. (лит. см. Васильев 1921: 2-25; Могарычев 2014).

В целом можно заключить, что по представлениям античных историков, а также граждан Боспора и Херсонеса в I в. до н.э. – сер. III в. в рассматриваемом регионе обитали «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы» – «племена», вероятно, не обладавшие государственностью (рис. 2: 1, 2). По крайней мере до кон. II в. они иногда занимались пиратством и, видимо, нападали на представителей античных государств Крыма (в основном, граждан Херсонеса). Среди других их занятий отмечено горное подвижное скотоводство и, возможно (судя по наличию «гаваней»), морские промыслы. По крайней мере с I четв. I в. борьбу с этим населением вели боспорские правители и части римских войск. После её завершения (кон. II – нач. III вв.) Таврика оказалась «присоединенной» к Боспору. В кон. III – I пол. IV вв., после серии боспоро-херсонесских военных конфликтов, эта территория перешла под контроль Херсонеса (см. Лысенко 2014: 107-108). По мнению некоторых раннесредневековых авторов, в позднеантичный – раннесредневековый период регион «находился под властью готов», которые принесли в Северное Причерноморье христианство.

Археологические источники и историография. В истории изучения Южной Таврики римского времени по характеру и динамике накопления фактического материала, а также методическим подходам к его

обработке, обобщению и интерпретации выделяется 4 этапа.

I этап (кон. XVIII – нач. XIX – I четв. XX вв.).

Начало изучению расположенных в регионе археологических объектов римского времени было положено в первой половине XIX в. В 1837 г. в книге П.И. Кёппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» охарактеризованы местоположение и сохранность укрепления на мысе Ай-Тодор в окрестностях Гаспры, а также приведен его «шагомерный план» (Кёппен 1837: 190-193). Первые раскопки здесь произведены в 1849 г. графом Шуваловым (Кондараки 1873: 169, прим. 1) и, в кон. 80-х гг. XIX в., вел. кн. Ольгой Федоровной (ИТУАК № 10: 150), однако результаты этих работ остались неопубликованными. Во 2 пол. XIX – нач. XX вв. при различных земляных работах вблизи укрепления периодически находили остатки древних кладок и отдельные артефакты (Дьяков 1930: 44; Репников 1941: 121). Иногда на этих местах проводились раскопки (Виноградов 1910: 5). Так были обнаружены остатки святилища у восточного фланга внешней оборонительной стены крепости (Ростовцев 1911: 4), рельефы с изображением Артемиды у западного фланга (Ростовцев 1911: 12), известняковый алтарь с посвятельной надписью (Ростовцев 1911: 5), части гончарного водопровода (Виноградов 1910: 5), остатки древней дороги (Орлов 1988: 21). В 1873 г. В.Х. Кондараки издал латинскую надпись «на раковистом камне», найденную смотрителем Ай-Тодорского маяка, и упомянул другой подъемный материал с мыса Ай-Тодор, а также кратко описал расположенные здесь остатки древних построек (Кондараки 1873: 86-88). До 1892 г. в музей Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба поступили найденные тут же «погребальная урна», «горлышко погребальной урны», «кусок мраморной плиты» и «кусок мраморной колонны», а также 6 римских монет (Отчет... 1894: 19, 21). Регулярные раскопки памятника (вел. кн. Александром Михайловичем) начались в 1896 г. В 1900 г. вышла посвященная публикации полученных материалов статья М.И. Ростовцева, сопровождаемая «общим планом раскопок в Ай-Тодоре» (Ростовцев 1900). Позже этот автор продолжил издание результатов исследований (Ростовцев 1911; Rostowzew 1902). Ученый констатировал, что здесь располагалась «укрепленная стоянка римских войск», которая может быть отождествлена с «Хараксом» Птолемея и, принимая во внимание особенности техники кладки её внешней оборонительной стены, предположил, что римский форт возник на месте *oppidum* тавров, схожего с укреплением на г. Аю-Даг. За время функционирования крепости у её стен, видимо, сформировался небольшой посад. В целом за 15 лет раскопок Харакса было получено общее представление о его оборонительной системе, водоснабжении, застройке, хронологии, этническом и количественном составе гарнизона, определены названия базировавшихся в укреплении воинских частей.

В 1838-1843 г. издан капитальный труд швейцарского путешественника Ф. Дюбуа-де-Монпепре «Voyage autor du Caucase, ches les Tcherkesses et

les Abkhases; en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc., ouvrage qui a remporté le prix de la Société de Géographie à Paris en 1838. Автор кратко описал остатки поселения («guines très anciennes») в верхней части Кучук-Ламбатского Хаоса (Сунун-Кая, Чугунун-Кая), отнес его к «эпохе диких тавров» и отождествил с упомянутым в исторических источниках «городом или селением Лампады» (Дюбуа-де-Монпере 2009: 148-149, 151, л. XXIII).

В 1905 г. в урочище Селим-Бек (Аутка) выше г. Ялты при подъеме плантажа было найдено большое количество монет римского времени. Доследование места произвел А.Л. Бертье-Делагард. В последовавшей вскоре публикации исследователь охарактеризовал местоположение объекта, привел некоторые сведения о его стратиграфии и планиграфии, проанализировал обнаруженный археологический материал и предположил, что памятник представляет собой остатки святилища, посвященного женскому божеству, функционировавшего в нач. I – I пол. IV вв. (Бертье-Делагард 1907: 19-27).

В 1890 г. опубликована информация о случайно открытом в 1877 г. на южном склоне г. Чатыр-Даг погребальном комплексе, содержащем одиночное трупоположение, сопровождавшееся инвентарем римского времени. По одной из входивших в его состав монет («истертой») объект отнесен к V в. (Третья..., 1890: 199-200), хотя не исключена и более ранняя датировка памятника (Лысенко 2010: 275, прим. 92).

В XIX в. в Партените были обнаружены четыре надгробия с изображениями семисвечников и надписями на иврите. Д.А. Хвольсон датировал их II и VII–IX вв. (Хвольсон 1884: 138-143, № 190-192).

В 1886 г. действительный член ИМАО В.Ф. Миллер в деревне Алушта осмотрел «плиту из серого гранита...» (возможно, местный диабазовый порфирит) «...с... изображением семисвечника и... еврейской надписью из 13 букв» (Миллер 1888: 132-133, табл. II: I), стилистически сходную с иудейскими надгробиями II–IV вв., происходящими с территории Азиатского Боспора (Могаричев 2003: 292, рис. 2; Кашовская, Кашаев 2002: 136-137; Кашаев, Кашовская 2008: 340-349).

В 1896 г. издан фрагмент грекоязычной посвятельной(?) надписи на плите, «вставленной в... стену... церкви монастыря св. Георгия... километрах в трех от пос. Судак» (Латышев 1896: 130, № 73а, прим.) (на хребте Манджил в левом борту Судакской долины). Впоследствии издателями КБН она предположительно отнесена к боспорским (КБН: № 954). По мнению некоторых исследователей, в документе читаются имена Деметры и Гермеса (Саприкин, Баранов 1995: 138).

В 1907 г. при раскопках Партенитской базилики (X в.) Н.И. Репниковым найдены переотложенные обломки беломраморной плиты с почетной надписью, представляющей собой, видимо, запись о посвящении, совершенном боспорским царем (Савромат II?) в честь римской императрицы(?) (Репников 1909б: 114; КБН: № 955).

В 1909 г. опубликована происходящая из Гурзуфа и хранившаяся в Берлинском музее бронзовая фибула (по формальным признакам – I в.) с нанесенной на нее тамгой (Ebert 1909: 69-71; Драчук 1975: 19-20, 140, табл. XIV, рис. 5-6) – знаком (гербом) боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (Латышев 1892: 64).

В нач. XX в. на шельфе напротив Симеиза рыбаками выловлена позднеэллинистическая амфора (с «двуствольными» ручками?) (Кузьменко 1913: 48-49), возможно, происходящая из остатков кораблекрушения.

Были сделаны также отдельные нумизматические находки. В музей Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба до 1892 г. поступили «медная монета какого-то римского императора» из Ялтинской долины, «Босфорская... неизвестного царя» из Верхней Аутки, императора Веспасиана из Ай-Даниля, «по-видимому Босфорская...» из Алупки, серебряная императора Антонина Пия из Гурзуфа (Отчет... 1894: 20, 21). Разрозненные античные монеты обнаружены в Кикенеизе («медная римская... II–III столетия») (Данилевич 1907: 60), Кореизе («римская... Адриана») (Кропоткин 1961: № 607), на холме Дарсан близ Ялты (1911 г., «серебряная... времен Митридата Понтийского»). Некие римские монеты были найдены при строительстве дачи Жуковского в Кастрополе (Дьяков 1930: 49). В 1909 г. в печати появилась информация о кладе боспорских и римских монет (около 2000, удалось собрать 582) 2 пол. III – 1 пол. IV вв. из села Малый Таракташ (Судакская долина) (Стивен 1909: 99).

В числе обобщающих работ – экскурсии общественных деятелей, путешественников, краеведов и историков, отражающие наиболее распространенные в кон. XVIII–XIX – нач. XX вв. взгляды на историю Таврики, а также немногочисленные научные труды.

Первый всплеск интереса к рассматриваемой теме наблюдается после присоединения Крыма к Российской империи. Тогда, еще до начала археологического изучения Южной Таврики, появились произведения, формирующие общее представление о её истории. По полноте хронологического охвата выделяются исследования католических священнослужителей польского происхождения, несколько различные по методическим подходам. Профессор А.С. Нарушевич при создании своего практически научного очерка, видимо стремясь к сбалансированности и корректности использования нарративной традиции, привлекает лишь сведения древних историков, пренебрегая данными менее достоверных (литературных) источников. Автор воспринимает тавров и скифо-тавров как один этнос (Нарушевич 1788: 8), считает их дикими грабителями и пиратами (Нарушевич 1788: 24-25), обитавшими в горной Таврике по крайней мере с эпохи Геродота до времени Прокопия Кесарийского (Нарушевич 1788: 26) и периодически нападавшими на античные государства Крыма (Нарушевич 1788: 32). Для римского времени он констатирует общую власть Империи над всем полуостровом (Нарушевич 1788: 35), воен-

но-политическую силу Боспора и претензии его правителей на доминирование над всей Таврикой (Нарушевич 1788: 28, 31, 32), наличие на её территории зон влияния Херсонеса и Боспора (Нарушевич 1788: 36), а также установление контроля Херсонеса над Крымом после боспоро-херсонесских конфликтов (Нарушевич 1788: 36-39). Роль готов в истории рассматриваемого региона незначительна и автору, видимо, не ясна (Нарушевич 1788: 40-41). В энциклопедическом труде С. Сестренцевича-Богуша содержится реконструкция истории Крыма с XVIII в. до н.э. до 1783 г., созданная по информации широкого круга источников (библейских и эллинских мифов, греко-римских античных, а также более поздних разнообразных литературных и научных трудов). Этот автор считает тавров древнейшим населением полуострова, пришедшим сюда во время патриарха Иакова (ок. 1800 г. до н.э.) через Малую Азию (массив Тавр) из Персии, со склонов горы Арарат, к которой причалил ковчег Ноя во время Всемирного потопа (Сестренцевич-Богуш 1806: 46-47, 53-54). В 1700 г. до н.э. Таврию завоевали амазонки, установившие здесь традицию жертвоприношений в честь Марса и Дианы (Сестренцевич-Богуш 1806: 46, 101). До 1514 г. до н.э. эту территорию занимали киммерийцы (кельтский народ, «строили города и жили обществом») (Сестренцевич-Богуш 1806: 47, 116, 119, 131-132), после чего пришли скифо-тавры (Сестренцевич-Богуш 1806: 54, 119). В 1254 г. до н.э. Тавриду посетили аргонавты (Сестренцевич-Богуш 1806: 56), в 1250-1206 гг. до н.э. ею управлял прибывший с о. Лемнос царь Фоас, привнесший в ритуальную культуру скифо-тавров элементы греческой обрядности (Сестренцевич-Богуш 1806: 55, 61, 64-65, 76). В 1219 г. до н.э. на полуостров переместилась Ифигения (Сестренцевич-Богуш 1806: 72-73, 87). В 380 г. до н.э. скифов истребили сарматы, которые затем покорили и горы (Сестренцевич-Богуш 1806: 88-91). До установления над Таврикой протектората Понтийской державы Митридата VI ею владели Боспор и Херсонес, а после гибели царя эта территория стала «римской областью». При этом на Боспор была возложена охрана границ империи от скифов. Тавров победили аланы, которые начали терроризировать Боспор и Херсонес. Но аборигены, укрывшись за Главной грядой, вскоре усилились и уже в сер. I в. н.э. вновь начали пиратствовать (Сестренцевич-Богуш 1806: 90-91, 209, 246). В целом автору ясно, что после рубежа эр скифо-тавры подразделялись на три части: аланы, зихи и готы (Сестренцевич-Богуш 1806: 241-242, 248). Около сер. III в. (после 214 г.?) скифы, известные под именем готов, покорили тавров, а в кон. IV в. «другое колено готфов» (трапезиты) проникло в Юго-Западный Крым и основало там республику, а затем княжество со столицей на Мангупе (Сестренцевич-Богуш 1806: 92, 247, 257, 276). Очевидно, все упомянутые этносы автор считает родственными и по сути являющимися готами. Так, по его мнению «...наидревнейший народ, пришедший с берегов Аракса и поселившийся в окрестностях Черного и Азовского моря, назывался Гог. Он поклонялся

всевышнему под именем Gott» (Сестренцевич-Богуш 1806: 249, 262). Название «гот» произошло от имени этого народа (Сестренцевич-Богуш 1806: 139-140). Германцы продвинулись в Причерноморье из Персии, где были известны еще в V в. до н.э. (Сестренцевич-Богуш 1806: 248). «Готы» – истинное имя «скифов» (Сестренцевич-Богуш 1806: 217, 253). Митридат VI после поражения от Лукулла приказал им идти к нему в Азию, но они под предводительством Одина ушли в Скандию и впоследствии наводнили всю Европу (Сестренцевич-Богуш 1806: 207-208, 255-256, 262-264. Ср. Стюлегар 2010). После смерти понтийского царя этноним «скифы» (греческого происхождения) стал исчезать и история этого народа продолжалась под именем «гетов» и «готов» (собственное имя, возвращенное им римлянами) (Сестренцевич-Богуш 1806: 210, 250-251, 258). Аланы – соотечественники готов, говорили по-скифски и тавро-скифски. Готский язык – древнее немецкое наречие (язык скифский) (Сестренцевич-Богуш 1806: 242, 261). В христианство готов обратили католические священники в кон. III – нач. IV вв. (Сестренцевич-Богуш 1806: 227, 265).

В составленном во многом на базе этого экскурса очерке В.Х. Кондараки указано, что так как дочь Агамемнона «не нашла ничего противного своим верованиям служить в их храме», то тавры по языку и происхождению были народом греческим, проникшим в Крым из Малой Азии. Уже тогда они строили города и храмы, знали монархическую форму правления, а впоследствии сохраняли свою идентичность вплоть до позднего средневековья (в составе Османской империи были известны как «таты»). Основным местом их обитания был Южный берег Крыма. Длительность существования этноса объясняется плохой проходимость Главной гряды и неудобством края для кочевников, а также организованной таврами «мастерской системой укреплений». На протяжении своей истории они пребывали в зависимости от сарматов, а также под номинальной властью Митридата Понтийского и Римской империи, но затем «окрепли и пользовались независимостью» (Кондараки 1883: 6-9, 30-32, 41). Тавроскифов автор локализует «на северо-западных пригорных долинах». Этот народ, «единоплеменный» таврам, создал многочисленные замки и пещерные города, постоянно воевал с «гераклеотами», основавшими Херсонес, владел «обоими склонами гор» (см. также Кеппен 1837: 105, 326). Первый царь тавро-скифов – Скилур. После поражения от Диофанта (полководца Митридата Понтийского) их царство номинально было присоединено к Боспору и Херсонесу, но вскоре распалось на независимые княжества (Мангупское, Судгайское и Дорийское (город Феодоро на мысе Ай-Тодор), платившие Митридату дань. Впоследствии они сохраняли самостоятельность либо до образования Восточно-римской империи, либо до утверждения в Крыму христианства и перехода его под эгиду Константинопольского патриархата. Дольше всех (до присоединения к Оттоманской Порте в кон. XV в.) просуществовало Мангупское княжество

(Кондараки 1883: 19-20, 31-32, 41). Оценивая в целом римское присутствие в Таврике автор отмечает, что оно было вызвано, в основном, необходимостью противодействия Митридату (Кондараки 1883: 77), а затем стремлением воспрепятствовать созданию здесь сильного государства, в том числе путем провоцирования междоусобиц (Кондараки 1883: 79). Рассматривая «готский вопрос» В.Х. Кондараки недоумевает по поводу причин именованья «туземцев Тавриды» «готфами», а занимаемой таврами страны «Готфией» и предполагает, что готы подступили к берегам Черного моря в нач. III в. Часть их могла вступить в Таврию и с позволения местных жителей поселиться с ними. Пришельцы осели на юго-восточной части побережья Крыма (между Алуштой и Судаком) (Кондараки 1875: 24; Кондараки 1883: 21). Ф.А. Браун также считал, что готы продвигались в Таврику с юга и удерживались в Крымских горах почти тысячелетие (Браун 1899: 18-20, 325-331).

Методический интерес представляют попытки определения происхождения тавров по элементам обрядовой практики, приписываемой им древними авторами. Ф. Дюбуа де Монпере, базировавшийся, в основном, на сведениях Геродота, не обосновывает своего подхода, однако из изложения ясно, что он считает комплекс ритуальных действий элементом этнической культуры. Попутно в том же качестве привлекаются отдельные специфические особенности хозяйственной деятельности (пиратство). Для решения поставленной задачи исследователь подыскивает аналогии в известных ему исторических и этнографических материалах Евразии, видимо, сообразно со своими представлениями об историческом процессе на территории Восточной Европы эпохи раннего железа. В итоге он делает вывод о том, что тавры родственны населению Кавказа (чеченцы, лезгины, черкесы) и о том, что и те и другие принадлежат к «финским» народам, нашедшим в долинах Кавказа и Тавриды убежище от оттеснивших их «индогерманских» племен (Дюбуа де Монпере 2009: 155-157).

Среди научных работ следует отметить статью М.И. Ростовцева о римском военном присутствии в Крыму. В ней на основании комплексного анализа исторических и археологических источников выделено два периода оккупации Таврики, которую автор, видимо, считал практически тотальной (занятие важнейших пунктов и гаваней Крыма римскими постоянными гарнизонами) (Ростовцев 1900: 142). Центром первого, осуществлявшегося «легионерами из Мезии» и Равенским флотом, состоявшегося вскоре после похода Т. Плавтия Сильвана Элиана, по мнению автора, был Пантикапей (Ростовцев 1900: 142, 149). Штаб-квартирой войск (солдаты I Итальянского, а затем XI Клавдиева легионов и вспомогательные части), обеспечивавших второй этап (нач. II – сер. III вв.), был Херсонес, освободившийся от протектората Боспора (Ростовцев 1900: 144-149, 158).

Ю.А. Кулаковский в связи с публикацией обнаруженного в Старом Крыму боспорского эпиграфическо-

го документа предположил, что в результате присоединения к Боспору Скифии и Таврики при Савромате II (до 193 г.) граница царства переместилась западнее Старого Крыма (Кулаковский 1899), т. е., возможно, прошла по исследуемой территории.

А.Л. Бертье-Делагард, пытаясь интерпретировать изученные им остатки святилища, предположил, что возникновение культового комплекса связано с приходом нового населения, а прекращение его использования – с христианизацией Южной Таврики. Исходя из сопоставления нумизматического материала Аутки и Харакса, а также особенностей местоположения и взаиморасположения этих объектов исследователь заключил, что крепость в сер.-кон. I – сер. III вв. служила пограничным пунктом владений Херсонеса, а территория восточнее, по крайней мере до I пол. IV в., находилась под политическим и экономическим влиянием Боспора. Адепты святилища сохраняли независимость и поддерживали торговые контакты с обоими государствами (Бертье-Делагард 1907: 23-26).

Позже появились и популярные работы, составленные с учетом новейших достижений науки. Среди них очерк А.С. Башкирова, который предполагал, что ко времени прихода готов (сер. III в.) тавры (древнейшие аборигены Крыма) и скифы (появились в Крыму не позднее V в. до н.э.) слились «в одну этнографическую особь», затем были ассимилированы пришельцами, которые захватили всю Таврику и стали её автохтонами, а уже в IV в. – православными христианами. С ними исследователь связывает некрополь Суук-Су и подобные ему объекты (Башкиров 1914: 171-176, 242-243). Римское военное присутствие он охарактеризовал в соответствии с трудами М.И. Ростовцева и А.Л. Бертье-Делагарда. При этом укрепление на мысе Ай-Тодор названо «передовым ответственным дозорным пунктом против Боспора» (Башкиров 1914: 215-216, 277-279). Кроме того автор предположил, что в результате первого из упомянутых Константином Багрянородным херсоно-боспорского конфликта херсонеситы взяли под контроль побережье Таврики до Алуштинской долины и г. Чатыр-Даг (см. Башкиров 1914: 217). А.И. Маркевич считал, что тавры родственны киммерийцам, отличались дикостью, жестокостью и кровожадностью, были носителями «каменной и медной культур» (Маркевич 1923: 172-173). После того, как их покорили скифы, население Тавриды стало называться тавро-скифами (Маркевич 1923: 174).

Детальный анализ исторических источников о германских племенах в пределах Крыма предпринял А.А. Васильев. Видимо, автор допускал обитание части «готов» в Таврике в «догуннское» время (Васильев 1921: 45), хотя и специально отметил отсутствие ясности в этом вопросе (Васильев 1921: 49). Рассмотрев особенности написания названия части крымских готов в различных списках труда Прокопия Кессарийского «Война с Готами», исследователь выявил два экзотонима: «тетракситы» и «трапезиты». По его мнению, второй вариант предпочтительнее и позволяет, основываясь на сведениях Страбона о горе

Трапезунт и широко распространенном отождествлении этого оронима с горой Чатыр-Даг, локализовать место обитания «трапезитов» (как и город Трапезунт римской картографии) в окрестностях Чатыр-Дага. Город впоследствии (во 2 пол. V в.) мог быть полностью разрушен гуннами, вследствие чего в дальнейшем в источниках практически не упоминается (Васильев 1921: 75-79). Кроме того, автор отождествил «сарматов»/«савроматов» сообщений Зосима и Константина Багрянородного с готами и предположил, что после 362 г. «Боспор перешел» в их «руки», а Херсонес, защищаемый Империей, оставался независимым от варваров (Васильев 1921: 24-25).

В целом в течение I этапа исследование археологических объектов римского времени в Южной части Горного Крыма осуществлялось, в основном, благодаря частной инициативе: либо в рамках освоения территории под застройку или сельхозпользование, либо исключительно для удовлетворения модного в то время в российском обществе интереса к классическим древностям (см. Формозов 1986: 34-43). В связи с этим раскопки обычно проводились эпизодически, без осмысленного плана и с низким уровнем фиксации (см. Блаватский 1938: 321; Клейн 2001: 54-55). Масштабные работы выполнены на одном наиболее хорошо сохранившемся и ярком объекте – римском укреплении, отождествленном с Хараксом. Создан частный музей его раскопок (Ростовцев 1911: 1-2). Осуществлено обобщение добытых материалов. Сравнительно репрезентативные сведения получены при исследовании Ауткинского святилища (Бертъе-Делагард 1907: 24-26). Кроме того, изданы данные о других археологических памятниках Горного Крыма I–IV вв. (погребальные комплексы, клады и проч.), однако объем этих сведений не был достаточен для обобщения.

Исторические источники о Таврике доримского и раннеримского времени, очевидно, воспринимались без особой критики. Под влиянием содержащейся в них информации уже в кон. XVIII – нач. XIX вв. сформировалось мнение о том, что Горный Крым на протяжении практически всего античного периода населяли тавры – скифо-тавры – тавро-скифы (см. напр. Дюбуа-де-Монпере 2009: 154-160; Кондараки 1883: 6-9), а граница между владениями или зонами влияния Боспора и Херсонеса пролегла где-то в районе г. Чатыр-Даг(?) («*montagna di Trapezunte*») (Formaleoni 1789: 82; Кёппен 1837: 97; Ашик 1848: 16; Башкиров 1914: 217), западнее Феодосии и Старого Крыма (Кулаковский 2002: 117), вблизи Феодосии (Маркевич 1923: 181). По археологическим данным в качестве «пограничного района» указана Ялтинская долина (Бертъе-Делагард 1907: 24-26) (рис. 3: 1). Собраны исторические источники, получены археологические материалы и сформировано целостное представление о римском военном присутствии в регионе. На основании сведений нарративной традиции о населении всего Северного Причерноморья и рассматриваемой территории позднеримского – раннесредневекового времени многие исследователи XIX – нач. XX в. по-

лагали, что во II(?)–III – IV вв. на Южнобережье проникли готы, ставшие христианами и впоследствии долго проживавшие здесь либо ассимилировавшись с таврами (Кондараки 1883: 21, 23-24), либо сохраняя самобытные язык и культуру (лит. см. Заморяхин 2003: 171-176, 178-182; Колтухов, Юрочкин 2004: 100). Профессиональный комплексный анализ тех же материалов (Васильев 1921) не дал оснований для столь однозначных выводов.

II этап (2 четв. – сер. XX в.).

Археологические исследования на этом этапе также проводились, в основном, на мысе Ай-Тодор. В начале 30-х гг. XX в. (1931, 1932 и 1935 гг.) здесь работала экспедиция Московского отделения ГАИМК, ГИМ, ГМИИ (рук. В.Д. Блаватский), возобновившая раскопки Харакса. Выполнена топосъемка городища, обмеры и фотофиксация вскрытых руин, получены общие сведения о стратиграфии культурных отложений памятника (путем закладки траншеи через всю его территорию), уточнено время возведения некоторых архитектурных сооружений, конкретизированы данные о характере использования отдельных частей укрепления. У стен крепости обнаружен и частично изучен некрополь позднеримского времени с погребениями остатков кремации. По инвентарю памятник датирован кон. III – 1 пол. IV вв. (Блаватский 1933, 1938, 1951; Орлов 1988: 18). Погребенные определены как представители местного населения (земледельцы, рыбаки, ремесленники) – потомки жителей не выявленного пока поселка, связанного с Хараксом. Специально отмечено, что в памятнике нет ничего «специфически готского». Господствовавший на некрополе погребальный обряд В.Д. Блаватский связывал с традициями римских военнослужащих (Блаватский 1951: 274). В целом, исходя из особенностей местоположения памятника и общего характера нумизматических находок из крепости и некрополя, он заключил, что Харакс до сер. III в. являлся форпостом Херсонеса, а позже «... могло появиться некоторое тяготение...» его к Боспору (Блаватский 1938: 335).

Кроме того, исследовалось еще несколько объектов, возможно, возникших в римское время. В 1927 г. в городе Алушта «возле маяка» Н.Л. Эрнст раскопал семь «готских» погребений «III–V вв. н.э.» (Дьяков 1942: 65). В 1947 г. Бахчисарайским горным отрядом Тавро-скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИИ (рук. Е.В. Веймарн) изучались остатки укрепления (стены) на перевале Кебит-Богаз. Основываясь на технике кладки Е.В. Веймарн атрибутировал памятник как фортификационное сооружение тавров. В одном из шурфов было обнаружено «несколько обломков керамического сосуда, исполненного на гончарном круге» (Веймарн 1947: л. 44). О.И. Домбровский датировал эту керамику первыми веками н.э. (Домбровский 1961: 159). В 1950 и 1955 гг. КФ АН УССР совместно с Ялтинским музеем краеведения исследовали (рук. П.Н. Шульц) укрепление на г. Кошка. В результате раскопок выделено пять основных «культурных» и три строительных периода. Возведение

фортификационных сооружений, по мнению автора, связано с «культурным» периодом «в» («средний таврский»), который по керамике датируется 2 пол. I тыс. до н.э. Первая реконструкция стен осуществлена в период «г» («поздний таврский»), по «керамическому материалу» (неорнаментированные лепные сосуды, сходные с найденными в Херсонесе, среди которых присутствуют не характерные для более раннего времени кувшины) отнесенный «скорее всего... к первым векам нашей эры». Гончарной керамики римского времени «почти» не найдено. Признаков присутствия римских легионов не отмечено (Шульц 1957: 63-64).

В это же время было написано большое количество обобщающих работ.

Н.И. Репников предпринял попытку систематизации сведений о древностях тавров. Помимо некрополей с «каменными ящиками» VI–V вв. до н.э. и исаров X–XV вв. к ним причислено Ауткинское святилище и внешняя стена «крепостцы на Ай-Тодоре» (Репников 1927: 137-140).

А.Н. Зограф в работе о античных причерноморских святилищах включил в их число и Ауткинское. Коснувшись особенностей формирования нумизматического комплекса памятника исследователь отметил его исключительно культовый характер и в связи с этим предположил, что в его составе должны быть представлены «...все категории монет, обращавшихся в Крыму, независимо от того, в сферу обращения каких монет входит сама территория святилища» (Зограф 1941: 156). Позже этот тезис вызвал обоснованную критику (Голенко 1963: 111-112, прим. 11).

В 1946 г. вышла статья Г.И. Мосберг «К изучению могильников римского времени Юго-западного Крыма», в которой приведена археологическая карта всех известных к тому времени погребальных памятников региона VI в. до н.э. – IX в. н.э., составленная по материалам, собранным Н.И. Репниковым. Из объектов, расположенных на Южном берегу, к разряду «катакомбные» могильники I–II вв. н.э.» отнесен раннесредневековый некрополь на горе Кошка, к «рядовым могильникам I–IV вв. н.э.» – раннесредневековый некрополь в урочище Тоха-Дахыр («группы погребения в грунтовых могилах») и памятник на мысе Ай-Тодор (с остатками кремаций). Принимая во внимание разнообразие погребального обряда, практиковавшегося на этих некрополях, автор сделала вывод об этнической неоднородности населения региона (Мосберг 1946: 118, рис. 1).

В 1930 г. опубликована статья В.Н. Дьякова «Древности Ай-Тодора». Основываясь на материалах, изданных М.И. Ростовцевым, высказанных им идеях, а также на некоторых собственных наблюдениях, автор привел общее описание руин Харакса и выдвинул ряд предположений относительно периодизации крепости, её внутренней застройки, общего характера укрепления, его места в системе древностей доримского и римского времени. Соглашаясь с мнением о «таврской» подоснове крепости В.Н. Дьяков, исходя из особенностей географического положения Харакса

и окружающих его средневековых «исаров» (интерпретированных как «таврские»), определил памятник как центр «укрепленного рубежа», ориентированного на оборону с суши (закрывающего перевалы через яйлу) и созданного «народом, уверенным в своем морском господстве и именно с моря оккупировавшем эту... часть Крымского побережья». Прямую аналогию Южнобережному «укрепленному рубежу» автор видит в «римском *limes'e* Германии» (Дьяков 1930: 31-32, 47). По его мнению, в процессе своего существования римская крепость «понемногу обращалась в мирный... провинциальный город (*civitas*)». За пределами укрепления располагался посад («*canabae*»), населенный «ветеранами, солдатскими женами, ремесленниками, ... замиренными туземцами», занимавшимися различного рода промыслами (рыболовством, земледелием, гончарным производством) и торговлей (судя по монетам, в основном, с Херсонесом) (Дьяков 1930: 43-44). На основании анализа найденных у стен крепости votивных рельефов и алтарей с посвящениями божествам, почитавшимся солдатами гарнизона, В.Н. Дьяков сделал вывод «о глубочайшей варваризации мирозерцания солдат...» и высказал предположение о возможной «культурной преемственности, особенно религиозной» между местным варварским населением (таврами, поклонявшимся некоему женскому божеству на Ауткинском святилище) и римлянами (Дьяков 1930: 45-46). Эвакуирован «таврический *limes*» около 245 г., а оставшиеся «колонисты» дожили здесь до начала морских походов готов и герулов. Варвары заняли южное побережье Крыма и, возможно, преднамеренно разрушили покинутые святилища Харакса (Дьяков 1930: 47-48).

Впоследствии В.Н. Дьяков в специальных трудах предложил варианты реконструкции этнополитической ситуации в Таврике до появления здесь римлян и в период их присутствия в регионе. В работе, посвященной «доримскому» времени, исследователь, обращаясь к проблемам хозяйства, социальной структуры и политической принадлежности тавров, видимо, воспринимал их культуру как некое практически статичное явление, в связи с чем без особой критики использовал для своих реконструкций разновременные свидетельства древних авторов и археологические материалы, относящиеся, в основном, к VI–V вв. до н.э. В итоге были сделаны следующие заключения. Тавры «стояли на крайне низкой хозяйственной ступени – несравненно ниже скифов», «в связи с неблагоприятными условиями для земледелия и скотоводства, для древних обитателей южного крымского побережья оставались доступными... лишь охота и рыболовство». Предполагается также наличие «мелкого скотоводства, ... мотыжного женского земледелия» и производства «грубой керамики». Регулярно практиковалось пиратство и набеги на соседей. «Примитивному хозяйству тавров соответствовал и общий низкий уровень... материальной культуры». «Загнанные в неудобные для хозяйства... горы, теснимые... врагами, тавры... замкнулись и в культурном отношении.

Они сохранили старые обычаи, нравы, хозяйственные приемы... Эта замкнутость их культуры приводила лишь к дальнейшей её деградации». Таврское общество, по мнению автора, также было примитивным и характеризовалось «клановой допатриархальной организацией с явными признаками матриархата» при наличии населявших укрепления «по-военному организованных коллективов» и отсутствии рабовладения. «О существовании матриархата свидетельствует... примитивный культ великого женского божества», предусматривавший человеческие жертвоприношения. В политическом отношении тавры сохраняли независимость «вплоть... до конца I в. н.э.», видимо, в связи с неудобством их местообитания (Дьяков 1939).

В статье, посвященной оккупации Таврики Римом, В.Н. Дьяков реконструировал этот процесс опираясь на аналогию – действия римских войск в Британии, описанные Цезарем и Дионом Кассием. Автор предположил, что в 60-х гг. I в. римляне при отсутствии организованного сопротивления тавров осуществили морской десант в Ялтинской долине (стратегически наиболее удобное место) и взяли штурмом все таврские укрепления. Затем, «подойдя к вершинам Яйлы, римские отряды могли встретить крупные соединения таврских воинов», консолидировавшихся после первых поражений. Вследствие этого началась затяжная война, «усложнявшаяся очень опасными для римлян партизанскими действиями», что, в свою очередь, вызвало «систематическое истребление непокорного населения». Одновременно с этим римляне осваивают захваченное побережье и закрепляются на нем (строительство Харакса и других укреплений на месте разрушенных таврских). Отсутствие остатков монументальных архитектурных сооружений римского времени среди руин южнобережных исаров автор объясняет особенностями «бивучачной жизни» дислоцировавшихся в них римских воинов (Дьяков 1941).

В работе «Таврика в эпоху римской оккупации» исследователь, в основном, развил и конкретизировал свои идеи о «Таврическом лимесе» и тотальной оккупации Южного Крыма римлянами, сформулированные ранее (Дьяков 1942).

Н.И. Репников также осуществил обобщение результатов изучения римского военного присутствия в Южной Таврике. Рассмотрев итоги раскопок Харакса и обозначив основные аспекты их интерпретации ученый уделил особое внимание определению общего характера комплекса и выявлению обстоятельств его появления. Привлекая сведения Арриана Флавия о укреплении Фазис (совр. г. Поти, Грузия) исследователь признал его подобным крепости на мысе Ай-Тодор и предположил, что возведение обоих объектов обусловлено сходными предпосылками. Исходя из данных Иосифа Флавия о первом этапе римского военного присутствия в Причерноморье сделан вывод о том, что в качестве таковых следует рассматривать необходимость осуществления охраны трасс каботажной вдоль берегов Черного моря без существенных территориальных захватов на суше. По мнению автора

аналогичные по функциональному назначению комплексы располагались по всему побережью (г. Кошка, г. Аю-Даг, м. Сарыч, м. Ласпи, м. Аяя-Бурун, Балаклавская скала, г. Кагель, Чабан-Куле, г. Караул-Оба) (Репников 1941: 123-125).

В 1932 г. вышла статья В.И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья», представляющая собой попытку применения к крымским материалам «яфетической» теории Н.Я. Марра, обладавшей в то время статусом официальной. Касаясь «готского вопроса» автор подверг критике миграционистские построения, основанные на сведениях письменной традиции и на данных, полученных путем формально-типологического анализа археологического материала, указал на проявление в них «идеологии империалистического пангерманского национализма». Сам В.И. Равдоникас, не отрицая реальности исторических готов, полагал, что они «автохтонно и стадийно образовались из ранее здесь бывших племен путем скрещения в период возникновения феодализма», т. е. в связи с «социально-хозяйственной трансформацией». Как «сложившаяся народность» готы по массовым археологическим памятникам (некрополи типа Суук-Су и другие, более поздние группы древностей) «пока известны только в Крыму». Общность некоторых элементов западноевропейской культуры с крымскими носит стадийный характер (Равдоникас 1932: 38-40, 44-45, 86-87, 92-93).

Во время Второй Мировой войны ученые и пропагандисты Третьего рейха активно занимались проблематикой крымских готов. Соответствующие публикации появлялись как в местной оккупационной, так и в германской прессе. Так в статье А.А. Шевелева «Готское государство в Крыму» утверждалось, что Крым со II в. принадлежал предкам нынешних немцев – готам, которые в течение длительного времени сохраняли здесь свою культуру, независимость и государственность (Крымская Готия, существовавшая во II–XV вв.). Последних представителей этого народа некоторые исследователи (проф. Штампус, «Рассвет и закат одного германского племени») предлагали искать среди греков, депортированных из Крыма в Приазовье в 1778 г. (см. Андросов 2004: 174).

В мае 1952 г. в г. Симферополь состоялась объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная истории Крыма. В ходе её работы подверглись критике взгляды ученых, использовавших в своих разработках идеи Н.Я. Марра, уделено внимание «разоблачению готских фальсификаций в истории Крыма», а также сформулированы основные задачи дальнейшего исследования. В числе приоритетных направлений – изучение культуры варварского населения полуострова и выявление ее взаимосвязей с культурой земледельческого населения Русской равнины (славянского) (см. Колтухов, Юрочкин 2004: 108-119). Вскоре выходят работы Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржеleckого (1952), а также А.П. Смирнова (1953), в кото-

рых авторы, анализируя погребальный обряд крымских некрополей римского времени с захоронениями остатков кремаций (в том числе и на мысе Ай-Тодор), делают вывод о его близости погребальным традициям носителей Черняховской археологической культуры, оставленной славянами, и указывают на возможность миграции этого населения в Крым в III–IV вв.

Через некоторое время Е.В. Веймарн закончил рукопись обстоятельной статьи «Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья» (Веймарн 1951). В качестве исходных для работы избраны материалы раскопок некрополей Горного и Предгорного Крыма. Её хронологические рамки охватывают II–VII вв. (Веймарн 1951: 6-11). В главе, посвященной письменным источникам по теме, исследователь указал на слабую осведомленность большинства древних авторов, особенно относительно поздних, об этническом составе и культуре местного населения позднеантичной – раннесредневековой Таврики (Веймарн 1951: 18-30). Здесь же значительное внимание уделено всесторонней критике А.А. Васильева, в частности, примененной им методики работы с источниками (Веймарн 1951: 30-34). Исследователь считает, что данные нарративной традиции не подтверждают «тенденциозного, антинаучного положения А.А. Васильева о готах в Крыму в III–V вв. н.э.». По его мнению, в это время о готах на полуострове можно говорить только как «об отдельных, случайных дружинах, пришедших... в первых веках нашей эры вместе с сарматскими и славянскими дружинами, которые с III в. начинают проникать на берега всего бассейна Черного моря и далее в восточную часть Средиземноморья» (Веймарн 1951: 38-39). В разделах, посвященных южнобережным некрополям, автор привел сведения о памятнике на мысе Ай-Тодор. По его мнению, отмеченный здесь обряд кремации «нельзя приписывать влиянию римского гарнизона» Харакса, более всего он схож с погребальными традициями, прослеженными при исследовании Чернореченского некрополя (Веймарн 1951: 109-111), а использовавшее это кладбище население, пришедшее из Восточной Европы – «ранние славяне» (Веймарн 1951: 229-230, 288). В итоговом очерке, касаясь политического и социально-экономического аспектов жизни населения Горного Крыма в первые века н. э., Е.В. Веймарн декларирует следующее. «В горных частях полуострова, по-видимому, ... входивших в той или иной мере в состав Скифского государства, обитали племена тавров. Судя по дошедшим до нас памятникам материальной культуры, здесь развитие производственных отношений несколько отставало от того, что уже развилось в степных районах и в предгорьях. Надо полагать, что племена тавров на рубеже нашей эры стояли на последнем этапе разложения первобытнообщинного строя – на этапе военной демократии, с патриархальными формами семьи и выделившейся родовой аристократией. Жили тавры в открытых поселениях, во время опасности уходили в специально сооруженные временные, но достаточно хорошо укрепленные убежища. Основным их заня-

тием было земледелие и пастушеское скотоводство, а на побережье – морской промысел. Горные условия, а отсюда изолированность отдельных племен тавров друг от друга, а также и от более развитых районов скифского государства и греческих городов-полисов, влияли на степень развития отдельных племен тавров...». В «этническом отношении» автор признает тавров «наиболее однородной массой» и считает, что граница их обитания на северных склонах Крымских гор «к I–II вв. не далеко отступала к югу от линии 2-й гряды, заходя вглубь гор только по долине реки Салгира» (Веймарн 1951: 267-269).

Видимо, к этому же этапу следует отнести работу П.Н. Шульца (1959), посвященную комплексному анализу и обобщению данных по истории тавров. По методическим подходам и сделанным выводам статья во многом повторяет труды В.Н. Дьякова, Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна. Выделено 4 хронологических этапа развития «таврской культуры»: ранний (I пол. I тыс. до н.э.); средний (V–II вв. до н.э.); поздний (I в. до н.э. – I–IV вв. н.э.); позднейший (раннее средневековье). Древнюю Таврику автор подразделил на 5 районов, различающихся по географическим особенностям и предположил, что на их территории «проживали различные таврские племена, ... отличавшиеся по уровню развития и локальным особенностям в хозяйстве и культуре» (Шульц 1959: 236-237). Среди археологических памятников, связываемых с таврами, помимо уже фигурировавших в этом контексте Ауткинского святилища, а также укреплений на Ай-Тодоре и г. Ай-Йори в Алуштинской долине, упомянуты «длинные стены» на перевалах Главной гряды (Шульц 1959: 241). При рассмотрении позднего этапа истории тавров указано, что он протекал, в основном, на Южном берегу Крыма (в пределах района № 5) (Шульц 1959: 237-238, 251), «в условиях понтийской, а затем и римской оккупации», а также «обострения борьбы таврских племен за свою независимость». Последняя реконструирована по данным нарративной традиции, а также особенностям взаиморасположения и объемно-планировочного решения находящихся в регионе средневековых укреплений (Шульц 1959: 251-253). Констатировано усиление связи тавров с Херсонесом, выразившейся, в основном, в «местном варварском облике» херсонесских надгробий первых веков н.э., в наличии изображений на них «тавров» и в установлении в Херсонесе эры царствования Девы (Шульц 1959: 253-254). Отмечена, также, активизация связей Таврики с Боспором, подтверждаемая большим количеством боспорских монет в Ауткинском святилище и лапидарными памятниками, свидетельствующими о борьбе Боспора за овладение Таврикой, «продолжавшейся долго и..., вероятно, с переменным успехом» (Шульц 1959: 254). Зафиксированы существенные изменения в погребальном обряде тавров, в частности, постепенное исчезновение «обычая хоронить в каменных ящиках» (Шульц 1959: 255). Высказано предположение о процессах «смешения тавров и скифов», имевших место в «пограничных районах скифских предгорий и горной области тавров», под-

тверждающееся помимо сведений нарративной традиции и лапидарных источников наличием позднескифской и позднеатавской лепной посуды в слоях укрепленных поселений, возникших в пограничном регионе в первые века н.э. Кроме того, указано на возможность «слияния таврских и скифских культовых представлений», примером проявления которого может служить глиняная пластинка из Херсонеса, опубликованная Н.В. Пятышевой (Шульц 1959: 256-257).

Таким образом, на II этапе археологические исследования памятников Горного Крыма римского времени также проводились эпизодически, однако они осуществлялись государственными, в основном столичными, научными учреждениями. Благодаря этому были произведены более или менее планомерные и профессиональные раскопки (экспедиция В.Д. Блаватского на Ай-Тодоре), выполнявшиеся в рамках решения чисто академических задач. Кроме того, появились довольно многочисленные обобщающие труды, большинство из которых в целом было направлено на характеристику культуры «местного населения» региона.

III этап (3 четв. XX в.).

Во 2 пол. XX в. археологическое исследование Горного Крыма значительно активизировалось, в основном, в связи с началом масштабного курортного строительства. Со 2 пол. 50-х гг. в регионе отрядами ОАК ИА АН УССР проводились целенаправленные разведочные работы.

В 1956 г. Горным отрядом (рук. О.И. Домбровский) обследовались перевалы восточной части Главной гряды с целью выявления и изучения «длинных стен», которые еще П.И. Кёппен соотнес с фортификационными сооружениями, упомянутыми в трактате Прокопия Кессарийского («De aedificiis»), посвященном строительной деятельности Юстиниана I (Кёппен 1837: 108, 111, 140-150, 158). У одной из стен, на перевале Чигинитра-Богаз (Караби-яйла), были обнаружены «обломки позднеатавской посуды первых веков н. э.» (Домбровский 1961: 160).

В 1959 г. в окрестностях г. Судак местными жителями найден клад (более 1000 монет) – боспорские статеры 238-292/3 гг. и римская монета Гордиана III (Шульц 1960; Голенко 1963: 114; Фирсов 1990: 265-266; Анохин 1999: 170, прим. 1).

В 1967 г. в Судакской бухте аквалангисты подняли фрагменты амфор III-II вв. до н.э. и рубежа н.э., что позволило М.А. Фронджуло предполагать наличие «у восточного склона Крепостной горы» в античное время пристани (Фронджуло 1971: 259).

В 1965-1969 гг. Южнобережным отрядом осуществлялись исследования, связанные со строительством шоссе Ялта – Севастополь. При этом в нескольких местах (Ай-Даниль [Домбровский 1969а: 228], Ореанда [Домбровский 1969: 42], Симеиз [Домбровский 1969: 41; Домбровский 1974: 29; Махнева 1971: 84], Форос [Махнева 1969: 71]) были зафиксированы культурные отложения и отдельные артефакты римского времени, однако, в связи с незначительностью полученных дан-

ных, эти памятники не удалось определенно атрибутировать. Более конкретными сведениями обеспечено несколько объектов.

Над Верхней Массандрой выявлены следы поселения эллинистического – римского времени. Изучена часть одного жилищно-хозяйственного комплекса (Кружилин 1968: 12-13; Махнева 1971: 83-84; Фирсов 1990: 194).

Восточнее, на левом берегу речки Яузлар, обследована «катакомба» (узкий коридор с вырубными нишами в стенках), пройденная в мощных отложениях известкового туфа. На полу сооружения отмечен золистый грунт с мелкими фрагментами обожженных костей. Датировочного материала не обнаружено. Авторы находки интерпретировали комплекс как колумбарий, в нишах которого некогда были установлены урны с прахом и аргюги датировали его первыми веками н. э. (Домбровский 1969: 21-22; Махнева 1971: 84).

При исследовании скалы Дженевет-Кая, на которой располагается средневековое укрепление Горзувиты, в одной из стратиграфических траншей вскрыта могила с одиночным погребением и инвентарем римского времени, возможно, являющаяся частью некрополя (Домбровский 1969б: 204; Домбровский 1972: 83). Предполагаемый могильник практически аргюги отнесен ко II-V вв. (Заключение... 1969: 233).

На территории пгт. Партенит обнаружены остатки разрушенного культурного слоя римского времени. Объект датирован I в. до н.э. – III в. н.э. (Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 51) – II-IV вв. (Махнева 1972: 150-151).

В кон. 50-х – нач. 60-х гг. проведено дополнительное исследование ряда южнобережных укреплений. Установлено, что они возведены в эпоху средневековья, чем существенно подорвана доказательная база гипотез о «Таврическом лимесе» римского времени (в частности, исторических реконструкций В.Н. Дьякова) и о наличии многочисленных укреплений тавров в Южной части Горного Крыма (Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 99-106; Фирсов 1990: 337-338).

В 1963 г. произведены раскопки (рук. П.Н. Шульц, О.И. Домбровский, Л.В. Фирсов) участка нижней (внешней) стены укрепления Харакс. Помимо прочего констатировано единообразие техники строительства внутренней и внешней линий обороны и опровергнута гипотеза о существовании на месте Харакса предримского укрепленного поселения тавров (Фирсов 1990: 258-259, 269-278). Кроме того, на западном склоне горы Аю-Даг исследовался многослойный археологический памятник в урочище Осман. Вскрыты залегающие in situ культурные отложения, датированные авторами работ эллинистическим и римским временем (Домбровский 1969: 228) (IV-I вв. до н.э. [Домбровский 1972: 41; Фирсов 1990: 130-131] или IV в. до н.э. – IV-V вв. н.э. [Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 51, 110]). Интерпретирован объект как «таврское» поселение первых веков н.э. (Домбровский 1969: 228; Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 51, 110).

В этом же году К.В. Голенко издал часть нумизматического комплекса (21 монета, IV в. до н.э. – III в. н.э.), обнаруженного в 1947 г. при земляных работах на западном склоне горы Аю-Даг. Исходя из состава находки автор предположил, что она маркирует святилище античной поры, прекратившее свое существование в период готских морских походов в начале 2 пол. III в. лишившись охраны Харакса, эвакуированного «около 245 г. н.э.» (Голенко 1963: 112, 115). К.В. Голенко прямо не определил принадлежность оставившего памятник населения, однако из текста как будто следует, что он считал этих людей выходцами с территории Боспорского государства и противопоставлял аборигенам.

В 1972 г. здесь же пионерами под руководством заведующего музеем пионерлагеря «Артек» А. Фролова собран выразительный подъемный материал римского времени (в том числе статеры Рескупорида V) (Орлов 1976: 5).

Среди вышедших в этот период обобщающих трудов следует отметить следующие.

Э.И. Соломоник, рассмотрев особенности употребления этнонимов «скифотавры» и «тавроскифы» в нарративной традиции и эпиграфике, пришла к следующим выводам: эти этнонимы обозначают одно и то же население; под ними следует понимать «тавров» Горного и частично Предгорного Крыма, которые находились под влиянием скифской культуры и, возможно, в какой-то мере смешались со скифами (Соломоник 1962: 154-155).

К.В. Голенко опубликовал сводку известных к тому времени монетных находок с Южного берега Крыма (располагающегося, по мнению автора, «в основной области расселения тавров»), констатировал их единичность и сделал вывод о том, что появление здесь монет связано «с римской оккупацией части южного побережья Крыма» (Голенко 1963: 110). Исследователь согласился с мнением А.Л. Бертье-Делагарда о границах зон влияния Херсонеса и Боспора на побережье в римское время, а также привел подтверждающие эту версию данные эпиграфики о борьбе Боспора за овладение Таврикой. Впоследствии эту точку зрения принимали и другие специалисты (см. напр. Соломоник 1983: 19, карта 2).

О.И. Домбровский, обобщив данные о «длинных стенах» на перевалах Главной гряды и принимая во внимание находки обломков керамики римского времени на Кебит-Богазе и Чигинитра-Богазе предположил, что эти стены могли быть возведены еще в период «римской оккупации» и впоследствии частично отстроены при Юстиниане I (Домбровский 1961: 166) для защиты страны Дори Прокопия Кесарийского (Соломоник, Домбровский 1968: 17-44). Позже Е.В. Веймарн, соглашаясь с «Южнобережным» вариантом локализации страны Дори, населенной готами, отметил, что последние, вероятно, проникли в этот регион во 2 пол. III в. со стороны Боспора, возможно, морским путем, и не пересекали Главную гряду Крымских гор (Веймарн 1971: 61-65).

В целом этап III ознаменован проведением в пределах рассматриваемой территории целенаправленных

археологических разведочных работ. В процессе этих исследований опровергнута гипотеза о принадлежности к эпохе раннего железа средневековых укреплений Таврики. Кроме того, выявлено значительное количество разнородных объектов римского времени, однако добытые при этом материалы не были должным образом обработаны, занесены в отчетную документацию и опубликованы, что затруднило их дальнейшее использование. Проанализированы исторические источники об аборигенном населении Южной Таврики в раннеримское время. Выполнена обобщающая работа по античным нумизматическим находкам в регионе.

IV этап (с посл. четв. XX в. по настоящее время).

На этапе IV археологические объекты римского времени Южной части Горного Крыма подверглись масштабным комплексным исследованиям.

В 1975 г. отрядом ОАК ИА АН УССР (рук. О.А. Махнева и К.К. Орлов) проводились разведочные работы у юго-западного подножия г. Аю-Даг. При этом в пределах таврского некрополя на холме Тоха-да-Хыр, при зачистке одного из ограбленных в древности «каменных ящиков» обнаружены обломки красноглиняной амфоры римского времени (Орлов 1976: 4). Кроме того, производился сбор подъемного материала и шурфовка в урочище Осман. Вскрытые переотложенные культурные напластования К.К. Орлов интерпретировал как остатки поселения I–III вв., погибшего в результате обвала, и отметил, что нет оснований связывать его с таврами (Орлов 1976: 5-10). При подготовке отчета впервые для объекта римского времени рассматриваемого региона предпринята попытка создания типологии лепной керамики.

С 1977 г. разноплановые исследования в Горном Крыму осуществлялись Южнобережным отрядом ИА АН УССР (рук. К.К. Орлов). В 1977-1985 гг. продолжилось систематическое изучение Харакса. Удалось уточнить планиграфию, устройство и периодизацию архитектурных комплексов укрепления, пополнить сведения о внутрикрепостной застройке и стратиграфии культурных отложений памятника. Выдвинуто предположение о том, что покидая крепость римляне частично разрушили её, а также засыпали пристенное пространство доставленным со стороны грунтом (Орлов 1978а; Орлов 1980; Орлов 1982; Орлов 1983; Орлов 1983а; Орлов 1984; Орлов 1985 г; Орлов 1988). В 1977, 1982-1984 гг. продолжены раскопки некрополя на мысе Ай-Тодор (Орлов 1978: 366-367; Орлов 1983; Орлов 1985в; Орлов 1987). В 1982-1984 гг. на юго-восточном склоне г. Могаби, примерно в 2 км к северо-западу от Харакса, на территории санатория «Ясная поляна» обнаружен подъемный материал римского времени (Орлов 1985: 19-20, рис. 35). В 1985 г. собран подъемный материал на археологическом объекте того же периода у пос. Симеиз, выявленном еще в 60-х гг. (Орлов 1985а: 36, 155-159; Орлов 1985б: рис. 160-164).

С начала 80-х годов активное исследование античных памятников Южного берега Крыма ведется Ялтинским краеведческим (впоследствии историко-литературным) музеем. В 1983-1993 гг. его археоло-

гической экспедицией (рук. Н.Г. Новиченкова) стационарно изучалось святилище на перевале Гурзуфское седло (Гурбет-Дере-Богаз), в структуре которого выявлены и культурные напластования римского времени (Новиченкова Н. 1994: 55). В 1982 г. разведано несколько памятников римского времени: на территории пос. Форос, Ореанда и Ботаническое (совр. Никита), а также на отроге горы Парагильмен (2 объекта), на отроге горы Урага, в окрестностях г. Ялта (4 объекта). На всех памятниках собран подъемный материал, автором работ они определены как «открытые поселения» (Новиченкова Н. 1984: 308). Позже исследование объекта Урага произвел сотрудник ОАСА Крыма ИА АН УССР К.К. Орлов (Орлов 1985а: 25-26). В 1985 и 2004 гг. его осмотр и сбор подъемного материала осуществляли сотрудники соответственно Горно-Крымской экспедиции ОАСА Крыма ИА АН УССР (Мыц 1987: 161; Мыц 1989: 77) и Алуштинского отряда Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ (Лысенко, Тесленко 2006: 20-21, 104, рис. 56-57, 193: 2; Лысенко 2010: 267). В 1980, 1989 и 2001 г. сотрудниками ЯГО ИЛМ осуществлялись сборы подъемного материала на объекте «Верхняя Массандра» (Турова 2004: 71-75). В начале XXI в. ими выполнено верификационное топографическое исследование нижней оборонительной стены Харакса. На основании новых данных и историко-архивных сведений уточнен её контур (Новиченков, Новиченкова Н. 2002).

В 1991-1995 гг. подводно-археологической экспедицией Киевского университета им. Т.Г. Шевченко (рук. С.М. Зеленко) выполнено изучение шельфа Южного берега Крыма. При этом северо-восточнее мыса Плака был обнаружен подъемный керамический материал эллинистического – римского времени (в основном – I в. до н.э. – IV в. н.э.). Это позволило автору работ присоединиться к мнению исследователей, локализующих у мыса Плака древний Лампад, а также сделать вывод о том, что гавань этого поселения располагалась в бухте северо-восточнее мыса под прикрытием скалистой гряды, которая в начале нашей эры, возможно, значительно возвышалась над поверхностью воды, образуя естественный мол (Зеленко 1999: 66-69). Здесь же зафиксированы остатки кораблекрушения римского времени (Зеленко 2008: 88-89).

В 80-х гг. в процессе исследования Судакской крепости в предматериковой части культурных напластований памятника выявлен слой с лепной керамикой первых веков н. э. Здесь же найден побывавший в огне(?) фрагмент мраморной плиты с боспорской грекоязычной строительной(?) надписью, в тексте которой восстанавливается сокращенная титулатура правителя (Савромата сына Реметалка?) и имени Папас, Фарнак, Фарнакион. По палеографическим признакам документ датирован временем Савромата II (Саприкин, Баранов 1995: 137-138). Некоторые исследователи, основываясь на созвучии имен из надписи и из рассказа, содержащегося в главе 53 трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного полагают, что текст на плите мог быть каким-то образом связан

с боспоро-херсонесскими конфликтами позднеимского времени (Юрочкин 2002: 282). В 2004-2005 гг. в портовой бухте Судака Лимена-Кале экспедицией (рук. В. Булгаков) ИА НАН Украины и Берлинского свободного университета (Германия) обнаружены переотложенные артефакты позднеимского времени, в частности довольно многочисленные монеты, среди которых определены статеры Фофорса и Рескупорида IV (Джанов 2006: 333; Зеленко 2008: 181-182). Также опубликована информация о том, что специалистом НИИ геохимии и рудообразования НАН Украины Н.Н. Ковалюхом были выполнены работы по радиоуглеродному датированию остатков наиболее ранних фортификационных сооружений городища (известкового раствора из их субструкции), показавшие, что две башни в портовом районе и оборонительная стена на северном склоне Крепостной горы возведены во 2 пол. III – нач. IV вв. (Булгаков, Булгакова 2006: 42). По археологическим данным эти объекты датируются временем не ранее X в. (раскопки С.Г. Бочарова, не опубликовано).

В 1982 г. обнаружено, и в 1983 г. (И.А. Баранов), 1984 г. (Е.А. Паршина), 1991-2001 гг. (С.Б. Ланцов) исследовалось укрепление рубежа н.э. на западном отроге г. Караул-Оба над Кутлакской бухтой (Паршина 1986: 288-289; Баранов, Ланцов 1993; Ланцов 1999: 121-136; Ланцов 1999а: 162-170; Ланцов 2004).

С конца 70-х – начала 80-х гг. целенаправленные работы по выявлению и исследованию археологических объектов римского времени в регионе осуществляются отрядами Горно-Крымской экспедиции ОАСА Крыма ИА АН УССР (с 1992 г. КФ ИА НАНУ).

В 1980 г. открыт (В.Л. Мыц), и в течение 1982, 1988, 1990, 1993, 1994 и 2002 гг. исследовался (рук. В.Л. Мыц, А.В. Лысенко) некрополь 2 пол. III–IV вв. на южном склоне горы Чатыр-Даг с захоронениями остатков кремаций (Мыц 1981: 133-134; Мыц 1983: 153-156; Мыц 1987: 144-164; Мыц 1991: 2-9; Мыц и др. 1994; Мыц и др. 1997; Лысенко 2004: 36-39; Лысенко 2004а; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006).

В 1978–1984 гг. в Алуштинской долине картографировано (В.Л. Мыц) пятнадцать пунктов с отдельными находками, массовым подъемным материалом и культурными отложениями 1 пол. I тыс. н.э. (Мыц 1989; Лысенко 2010). Из них римским временем достоверно датируются следующие объекты: культурные отложения в 0,5 км к востоку от с. Изобильное (ныне в черте села) (Лысенко 2010: 269, рис. 1: II, 7, 9: 10-13), в 0,5 км к северо-востоку от с. Лаванда-I (Лысенко 2010: 268, рис. 1: II, 5, 9: 1), в 0,5 км к востоку от с. Лучистое (ныне в пределах села) (Лысенко 2010: 268-269, рис. 1: II, 6, 9: 2-6) и у пос. Подсобное (вошел в с. Верхняя Кутузковка); подъемный материал в 1,5 км к северо-востоку от с. Розовое, в 1 км к северо-востоку от с. Верхняя Кутузковка; переотложенные фрагменты амфор и боспорский статер 227 г. царя Иненфимея (Мыц, Адаксина 1999: 123) в средневековых культурных напластованиях крепости Алустон. Впоследствии, в 1982, 1993, 1994 и 2002 гг., объект у пос. Подсобное (Чатыр-Даг – 2), ис-

следовался в процессе работ на Чатыр-Дагском некрополе, а в 1995-1996, 2001-2002 гг. изучался целенаправленно (совместно со Славяно-Сарматской экспедицией ГЭ РФ) (рук. А.В. Лысенко, М.Б. Шукин) (Мыц 1987: 145; Мыц и др. 1997а: 218-221; Шукин 2001; Лысенко 2004: 37-38; Лысенко 2010: 261-267, рис. 1: II, I, 2-4).

В 1983 г. обнаружен (В.Л. Мыц), а в 1987 г. исследовался (С.М. Жук) пещерный некрополь III в. на горе Ай-Никола близ Ореанды (Мыц 1984: 16-19; Мыц, Лысенко, Жук 1999; Мыц 1999).

В 1984-1988 гг. изучался (В.Л. Мыц, А.В. Лысенко) пещерный некрополь III в. Глазастая (Бай-Су) на восточном краю Караби-яйлы (Мыц 1984: 7-15; Мыц 1988: 299-300; Лысенко 2003: 90-92).

С 1994 г. в печати анонсируется открытие двух некрополей с погребениями по обряду кремации в Нижней Ореанде и в Партените (Сидоренко 1994а: 13-14; Сидоренко 1994б: 68; Айбабин 1999: 14; Айбабин 1999а: 244-245; Пиоро 1999: 76). О первом памятнике известно лишь примерное местоположение и сам факт его существования. Второй, расположенный на скале Алигор, представляет собой святилище римского времени, исследованное Партенитским отрядом (рук. С.М. Жук) Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ в 1994 г. (Мыц и др. 1997: 202-204).

В 1995 г. начаты раскопки (рук. В.Л. Мыц, М.Б. Шукин) святилища I-IV вв. на холме Дегермен-Тепе у с. Дачное (бывш. Таракташ). Здесь же обнаружены остатки синхронного поселения (Мыц и др. 1998; Мыц, Лысенко 2001; Мыц и др. 2007: 102-110; Шукин и др. 2003; Шукин и др. 2003а; Шукин и др. 2004; Гарбуз 2005; Гарбуз 2008; Потехина 2009; Шаров 2009).

В 1998 г. в урочище Осман выделен участок культурного слоя III-IV вв., датированный помимо керамического материала статерами боспорских правителей Савромата IV и Фофорса (Лысенко 1999: 42-44; Лысенко, Тесленко 2002: 63).

В том же году Южнобережным отрядом (рук. С.А. Черныш) Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ выявлен и в 2001 г. обследовался культурный слой римского времени на г. Кизил-Кая (Турова 2004: 76-77).

В 1997 г. на вершине г. Чатыр-Даг Эклизи-Бурун обнаружено, а в 2000, 2002, 2005-2006 и 2010 гг. исследовалось (рук. И.Б. Тесленко, А.В. Лысенко) святилище, в структуре которого выявлены культурные отложения римского времени (Тесленко, Лысенко 2002: 251; Лысенко, Тесленко 2006: 8-18, 69-98, рис. 13-47; Лысенко, Тесленко 2009; Лысенко 2005-2009: 383-384; Lysenko 2013).

В 2001 г. на восточном склоне г. Парагильмен зафиксированы остатки высокотемпературной (производственной?) печи (рук. И.Б. Тесленко). По обломкам керамики, образующим под, объект датирован рубежом II-III – нач. IV вв. (Тесленко, Лысенко 2002: 249-251).

В 2004 г. произведено обследование с шурфовкой поселения II-III вв. в пределах Кучук-Ламбатского ханоса (рук. И.Б. Тесленко). Установлено, что памятник

сильно разрушен в результате перманентных землетрясений (Тесленко, Лысенко 2005: 292-294; Лысенко 2005).

В 2005-2007 гг. обнаружены остатки и следы поселений римского времени в Алуштинской и Лименской долинах: на северо-восточном склоне г. Мутул (Лысенко 2010: 267, рис. 1: II, 2, 5, 6); у северо-западной окраины г. Алушта (2 объекта) (Лысенко 2010: 271, рис. 1: II, 15, 16, 9: 7-9, 15-20); у северо-западной окраины с. Изобильное (Лысенко 2010: 269, рис. 1: II, 8); на северо-западной окраине с. Верхняя Кутузовка (2 пункта) (Лысенко 2010: 269, 271, рис. 1: II, 9, 10); у северо-западной окраины с. Нижняя Кутузовка (Лысенко 2010: 271, рис. 1: II, 11); у северо-западной окраины пос. Красный Рай (Лысенко 2010: 271, рис. 1: II, 14, 9: 22-24); у пос. Голубой залив (Тесленко, Лысенко 2005а: 296). Выявлены признаки наличия святилищ римского времени на гг. Ай-Петри и Пахкал-Кая (Тесленко, Лысенко 2005а: 295-296; Лысенко, Тесленко 2006: 56; Лысенко 2011).

В 2011, 2013-2014 гг. в Алуштинской долине обнаружен и частично изучен (рук. И.Б. Тесленко) некрополь римского времени у с. Лучистое (Лучистое-2). Зафиксированные на его территории погребальные комплексы образуют два культурно-хронологических горизонта, кардинально различающихся между собой по общим особенностям погребального обряда. «Нижний» представлен могилой с труположением, «верхний» – объектами, демонстрирующими остатки комплекса ритуальных действий, предусматривавшего кремацию тел умерших. Нижняя дата (не позже 2 пол. I в.) и дислокация объекта «по праву времени и места» позволили предположить, что «раннее» кладбище использовалось скифо-таврами (Тесленко, Лысенко, Масыкин 2014; Тесленко, Лысенко, Масыкин 2014а: 24-25). «Верхний» горизонт по местоположению, нижней(?) дате (не позже I пол. III вв.) и погребальному обряду сопоставим с Чатыр-Дагским некрополем.

В кон. XX – нач. XXI в. в регионе распространилась практика сбора подъемного материала (в основном металлических предметов) частными лицами. Некоторые такие артефакты, обстоятельства находки которых установлены с той или иной степенью достоверности, были опубликованы. В 2003-2004 гг. у мыса Плака самостоятельные аквалангисты обнаружили два свинцовых штока «греко-римских» якорей (Лысенко, Герасимов 2008). Подобные предметы во 2 пол. XX в. найдены, также, у мыса Ай-Тодор (Назаров 2003: 89) и у скал Адалары напротив Гурзуфа (Назаров 2003: 87; Лысенко, Герасимов 2008: 120). На мысе Ай-Тодор и на Гурзуфском Седле собраны элементы римского военного снаряжения (Дорошко 2005). В 2011 г. на юго-юго-западном склоне г. Чатыр-Даг местными жителями выявлен клад из 18 медных херсонесских и римских(?) монет (Сидоренко 2013: 388-389, рис. 6).

Также в посл. четв. XX – нач. XXI вв. вышло большое количество обобщающих трудов и разделов в публикационных работах, посвященных археоло-

гии и этнополитической истории Херсонеса, Боспора и Крымской Скифии римского времени. Многие из них представляют собой комплексные исследования, отличающиеся обстоятельной аргументацией большинства выдвигаемых положений. В некоторых из этих трудов затронута и история Таврики рассматриваемого периода, в частности, подведены некоторые итоги изучения таких её аспектов как «Римское военное присутствие», «Готский вопрос» и «Культура автохтонного населения». Опубликована монография, посвященная построению модели этнической ситуации в Юго-Западном Крыму на рубеже античности и средневековья, в которой проанализирована часть материалов по Южной Таврике позднеимперского времени (Ушаков 2010).

Проблема римского военного присутствия в Таврике довольно полно и разносторонне (на основании анализа эпиграфических, исторических и археологических источников) разработана в многочисленных трудах В.М. Зубаря, Т. Сарновского, К.К. Орлова и др. (лит. см. Зубарь 2001-2002; Зубарь 2004а). Результаты этих исследований в целом состоят в следующем. Впервые в рассматриваемом регионе римляне, возможно, появились в 49 г., когда, согласно сообщению Тацита, команды выброшенных на побережье штормом военных кораблей были уничтожены местным населением. Видимо, это были солдаты вспомогательных войск из Малой Азии, которые во главе с Г. Юлием Аквиллой участвовали в заключительной фазе римско-боспорской войны и после её завершения следовали в Херсонес (Зубарь 2001-2002: 11-12). О времени и обстоятельствах появления укрепления Харакс сформулировано два мнения. Согласно одному из них сооружение опорного пункта (и, возможно, маяка) на мысе Ай-Тодор начато в 62-63 гг. в рамках экспедиции Т. Плавтия Сильвана. Строительство осуществлялось, вероятно, силами морских пехотинцев Равеннской эскадры Римской империи с целью обеспечения безопасности каботажного судоходства вдоль побережья Таврики (как в навигационном отношении, так и от пиратов). Моряки и солдаты, видимо, пробыли здесь до конца 60-х гг. I в. (Зубарь 2001-2002: 14-18; Дорошко 2005: 447-449). Обычно эти даты обосновываются значительным количеством в слоях укрепления денариев Веспасиана и Домициана, обнаружением ранних монет в нижней части культурных напластований (Ростовцев 1900: 154; Блаватский 1951: 281), наличием в керамическом комплексе памятника переотложенных(?) (в контексте сер. II – сер. III вв.) обломков кровельной черепицы с латинскими клеймами в виде аббревиатуры, содержащей (по восстановлению М.И. Ростовцева) наименование Равеннской эскадры (Ростовцев 1900: 155-157), а также сопоставлением этих материалов с данными нарративной традиции (восстановленная Иосифом Флавием речь Агриппы 66 г. [Jos. Flav. Bell. Jud., II, 16, 4]) и эпиграфики (элогий Т. Плавтия Сильвана Элиана [CIL, XIV, № 3608]) о римском военном присутствии в Понте Эвксинском и Таврике в 3 четв. I в. (лит. см. Зубарь 2001-2002: 12-19). В то же время критики этой

точки зрения указывают, что строительные остатки и массовый археологический материал 2 пол. I в. в Хараксе пока не найдены (Орлов 1988: 24-26; Камелина 2012: 47, 57-58), новое прочтение упомянутых клейм датирует их временем Антонина Пия – Коммода (Сарновски 2005: 124, № 13), некоторое количество римских денариев сер. I – 2 пол. II вв. н.э. стабильно присутствует в кладах Центрального и Юго-Западного Крыма кон. I четв. III в. н.э. (Филиппенко, Алексеенко 2000: 169-170), а интерпретация перечисленных исторических источников может быть осуществлена и без предположений о физическом присутствии римлян в Южной Таврике в 3 четв. I в. (лит. см. Сарновски 2000а: 206-208; Сарновски 2006). Второй вариант нижней даты укрепления – 20-30-е гг. II в., когда, по предположению исследователей, здесь могли находиться римские военнотруженики I Италийского легиона (Зубарь 2001-2002: 19-22). Свидетельством этого считается алтарь «из местного твердого известняка» с посвящением Юпитеру от имени М. Геминия Фортиса, бенефициария Уммидия Квадрата, случайно обнаруженный в 1906 г. Контекст этой находки не ясен (примерно в 85 м к СЗ от внешней стены Харакса) (Ростовцев 1911: 4, 5), а датировка неоднозначна и варьирует в рамках нач. 20-х гг. II в. (лит. см. Зубарь 2001-2002: 19) – 138-155 гг. (Ростовцев 1911: 10-12). Наиболее надежно документированная нижняя дата строительной деятельности римлян на мысе Ай-Тодор сейчас определяется по эпиграфическому материалу в рамках кон. 60-х гг. II в. (лит. см. Зубарь 2001-2002: 116-117, 164-165). В 3 четв. II – 2 четв. III вв., здесь постоянно дислоцировалась вексиляция, подчинявшаяся (по крайней мере во 2 пол. II в.) префекту всех воинских подразделений в Таврике с резиденцией в Херсонесе. Военная часть состояла из солдат подразделений Мезийской армии – XI Клавдиева легиона (в частности, кавалеристов I Фракийской когорты) и I Италийского легиона. Вероятно в основном в этот период осуществлялось возведение укрепления, отождествляемого с Хараксом Птолемея. Не исключено, что здесь же производилась и часть необходимых для этого керамических стройматериалов (часть завозили из Балаклавы и, возможно, Херсонеса) (лит. см. Сарновски 2005: 128-131). Одна из прилегающих к мысу Ай-Тодор с юго-востока бухт, вероятно, использовалась как гавань (см. Репников 1941: 121). Помимо военных в крепости, видимо, проживало и некоторое количество гражданских лиц. Перед эвакуацией вексиляции в 30-х – 40-х гг. – сер. III в. оборонительные сооружения и водопровод городища были намеренно разрушены (Орлов 1988: 22, 27; Зубарь 2001-2002: 102-120, 127). Исследователи полагают, что в период своего существования вексиляция Харакса контролировала прилегающую к укреплению более или менее обширный район Горной Таврики. Северо-восточная граница этой территории (во всяком случае с кон. II в., после упомянутой в эпиграфических документах «Боспорской войны» и раздела Таврики, часть которой оказалась под контролем римской военной администрации и Херсонеса, а

часть перешла к боспорским правителям [Зубар 1991: 127-129; Зубарь 1994: 76-77, 111-112, рис. 11: 7]), видимо, проходила по Алуштинской долине, где также, возможно, располагался пункт дислокации римских войск (Зубарь 2001-2002: рис. 119: 7) (рис. 3: 2). Распространена точка зрения о том, что для связи между Херсонесом и Хараксом римляне, возможно, помимо морских коммуникаций использовали сухопутную дорогу (Ростовцев 1911: 9; Зубарь 2001-2002: 120-121), но она недостаточно аргументирована (см. Сарновски 2006: 272, прим. 16, 17).

Интерес специалистов к теме предполагаемого присутствия германцев в Южной Таврике в поздне-римское время обусловлен, в основном, наличием на её территории некрополей с погребениями остатков кремаций Ай-Тодор и Чатыр-Даг. Эти объекты по особенностям местоположения и погребального обряда объединены М. Казанским в отдельную группу – памятники типа «Ай-Тодор» (Казанский 1991: 56 и сл.; Казанский 1997: 51 и сл.), хотя её гомогенность вызывает у некоторых исследователей сомнения (Стржелецкий и др. 2003-2004: 190). По поводу их происхождения еще в 50-х гг. сформулировано два основных мнения (В.Д. Блаватского и Е.В. Веймарна/С.Ф. Стржеleckкого – В.Д. Смирнова).

Согласно первому прослеженный при исследовании этих некрополей погребальный обряд мог распространиться в Таврике либо в результате влияния на регион Херсонеса, часть жителей которого практиковала кремацию умерших по крайней мере с эпохи эллинизма до III (а, возможно, и IV) в., либо под влиянием традиций римских военнослужащих (Блаватский 1951: 204; Высотская 1972: 99; Высотская 2000: 91; Масленников 1984: 57; Орлов 1987: 131; Амброз 1994: 39-40; Юрочкин 1999: 280). В соответствии со вторым обряд кремации привнесен мигрантами из Восточной, Центральной, Северной Европы. Авторы этой версии определяли их как носителей Черняховской культуры – славян (Веймарн, Стржелецкий 1952; Смирнов 1953). Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения принадлежат германцам – участникам «готских» походов (носителям Вельбарской, Пшеворской, Черняховской культур) (Пиоро 1990: 89-108; Пиоро 1999: 76; Мыц 1987: 160; Айбабин 1987: 193; Айбабин 1990: 66; Айбабин 1999: 36; Айбабин 1999а: 244-245; Казанский 1991: 57; Пуздровский 1992: 132; Пуздровский 1994: 56; Айбабин, Герцен, Храпунов 1993: 215; Сидоренко 1994а: 13-14; Сидоренко 1994б: 66-68; Зубарь 1994: 124; Гей, Бажан 1997: 34; Ушаков 2001: 9-10; Ушаков 2004: 26 и др.).

В соответствии с этими взглядами разработаны две концепции развития этнополитической ситуации на полуострове в III–IV вв. В системном виде первой сформулирована вторая (по времени появления) концепция, представленная несколькими схемами. В основе наиболее популярной из них, изложенной в трудах И.С. Пиоро и А.И. Айбабина, лежит сопоставление анализа хронологии (Айбабин 1999б: 244) и погребального обряда (Пиоро 1999: 76-77; Пиоро 1999: 231-233;

Айбабин 1999а: 244-245) некрополей с историческими данными о вторжении в 1 пол. III в. в Северное Причерноморье «готов» («скифов»). В общем виде реконструируемая последовательность событий выглядит следующим образом. Проникнув в Причерноморские степи, германцы поселились у северных берегов Меотиды, на землях алан. После того как римляне в 30-х – 40-х гг. III в. вывели свои войска из Таврики, варвары («готы» с примкнувшими к ним «аланами») прошли по суше на Боспор, переправились через пролив и разорили хору неких городов. А.И. Айбабин полагает, что они попали в пределы Боспора через Перекопский перешеек, по пути разрушили позднескифские города, после чего проникли в Юго-Западный Крым (рис. 4: 2). Вследствие этого на Южном берегу и на границе хоры Херсонеса в 252-256 гг. возникли некрополи с погребениями остатков кремаций (Айбабин 1996: 296-298; Айбабин 1999: 32-36, 38; Айбабин 1999а: 242-244). На Южный берег, по мнению некоторых исследователей, германцы прошли через Ангарский перевал между горами Чатыр-Даг и Демерджи (Пуздровский 1992: 132; Пуздровский 1994: 56). По другому варианту развития событий они пришли на Боспор с востока и впоследствии продвигались на запад по побережью (в отличие от алан, перемещавшихся по предгорьям). По пути варвары, видимо, расселялись, в результате чего на Южном берегу возникли некрополи типа Ай-Тодор (Храпунов 1995: 75-76).

Иная концепция представлена схемой, изложенной в трудах В.Ю. Юрочкина и А.А. Труфанова. Она построена на анализе хорошо датированных крымских погребальных комплексов II–IV вв., а также на информации Константина Багрянородного о римско-боспоро-херсонесских отношениях. В результате изучения совстречаемости типов вещей в погребениях авторам удалось разбить процесс развития местной культуры в III–IV вв. на 6 фаз протяженностью 20-40 лет. При наложении на эту периодизацию данных археологических, эпиграфических и исторических источников получена следующая гипотетическая последовательность этнополитических событий в регионе в поздне-римское время. В эпоху «готских» войн существенных изменений в этническом составе населения Таврики не произошло. В то же время часть жителей Крымской Скифии могла принимать участие в этих походах, так как среди инвентаря захоронений предгорных могильников появляются отдельные вещи западноевропейского и балканского происхождения. После победы боспорского правителя Тейрана над «готами» Боспор вновь контролирует прежнее территорию. Более или менее существенные подвижки населения произошли в ходе трех боспоро-херсонесских войн. Во время первого конфликта боспорский правитель (Фофорс?) использовал в качестве воинов варваров с северного берега Меотиды, в культуре которых сочетаются позднесарматские и германские черты, а херсониты – жителей ближайших окрестностей города, характерной чертой погребального обряда которых по крайней мере с середины II в. был

«биритуализм». После победы Херсонеса в 293 г. Империя возлагает на него охрану стратегически важных пунктов побережья. Здесь размещаются гарнизоны, сформированные из жителей Инкерманской долины – участников войны 291–293 гг. Они и оставили памятники типа «Ай-Тодор», сходные по обряду с некрополями «Совхоз № 10» и Чернореченский. Новый этап херсонесо-боспорского противостояния начинается при Константине I. Херсонес побеждает в двух войнах подряд, в результате чего граница территориальных владений враждующих сторон отодвигается сперва к местности Кафа (328 г.?), а затем до Узунларского вала (337–341 гг.). Боспорских пленных (среди которых были и меотийские варвары) победители расселяют на запустевших землях Крымской Скифии. Здесь распространяются могильники типа Озерное-Инкерман (Труфанов, Юрочкин 1999: 338–343; Юрочкин 1999: 279–281).

«Промежуточный» вариант объяснения наличия на Южном берегу некрополей типа Ай-Тодор приводится в диссертационной работе В.А. Сидоренко. Она основана на сопоставлении всех исторических, нумизматических, эпиграфических и археологических источников по теме с упоминавшимися выше сведениями Константина Багрянородного. По мнению автора, готы и герулы проникают на Южное побережье и в Юго-Западный Крым летом – осенью 268 г. и, видимо, частично оседают здесь (рис. 8). После окончания правления Тейрана, победившего варваров (279 г.), Боспор выходит из-под контроля Рима и приступает к грабежу провинций Империи. По этой причине, начиная со времени правления императора Диоклетиана между Боспором и Херсонесом, выступившим на стороне Рима, происходит серия военных столкновений, победы в которых одержали херсониты. Одним из результатов последнего конфликта стало принудительное переселение части побежденного войска (гото-сарматов северного побережья Меотиды) на новые земли херсонских владений, т. е. на Южный берег. Контингент переселенцев влился в родственную им среду уже находившихся здесь герулов, готов и сармат Приазовья. Характерный обряд кремации доминирует на южнокрымских некрополях вследствие главенствования герулов в среде перемещенных варваров (Сидоренко 1994а: 12–14; Сидоренко 1994б: 66–68).

В рамках этой же схемы, видимо, находится вариант развития этнополитической ситуации в позднеантичной Таврике, предложенный В.М. Зубарем. Не касаясь перипетий военно-политических событий в эпоху «готских» походов исследователь указывает, что могильники с захоронениями остатков кремаций возникли уже после этих войн. Оставило их население, входившее в готский союз племен. Вероятно, варвары осели в стратегически важных пунктах полуострова в результате мероприятий, предпринятых римской администрацией по согласованию с Херсонесом, в качестве военных поселенцев (квазифедераты или *summacharii*) (Зубарь, Козак 1992: 130; Зубарь 1994: 124–126). Этому мнению в какой-то мере соот-

ветствует определение использовавших некрополи людей как римских ауксилляриев (Stylegar 2011: 231). Позже В.М. Зубарь, видимо, признал возможность проникновения участников упомянутых походов в Юго-Западную и Южную Таврику с севера в конце 60-х – начале 70-х гг. III в. Пришельцы поселились здесь и вскоре «стали союзниками Империи» (Зубарь 1998: 145–146, 150, рис. 76) (рис. 4: 1).

При подготовке к публикации результатов изучения некрополя «Совхоз № 10», появился «комбинированный» вариант объяснения сложной обрядности этого памятника. По нему участники «готских» походов – смешанные носители «аланской» и Черняховской культур – в III–IV вв. н.э. проникли со стороны Боспора на территорию Юго-Западного Крыма и поселились в округе Херсонеса. Здесь они восприняли обряд кремации от местного романизованного населения. Не исключается, также, возможность того, что эти люди и ранее, до проникновения в Крым, сжигали своих покойников (Высотская 2001: 173–174).

О возможных причинах исчезновения в среде населения Таврики практики кремации существует несколько мнений. Исследователи считают, что это произошло в V в. «безусловно, под воздействием христианства» (Пиоро 1990: 109; Пиоро 1999: 77; Амброс 1994: 39; Айбабин 1987: 194), в результате ассимиляции «готов» «аланами» (Айбабин 1987: 194; Ушаков 2001: 11) или готами-христианами, перемещенными в Таврику из Италии византийскими императорами в качестве федератов (Сидоренко 1987: 137–139).

Попытки «узкой» этнической атрибуции некрополей типа Ай-Тодор предпринимались специалистами, считающими, что эти памятники оставлены участниками «скифских» войн – германцами. Часто авторы соответствующих работ вслед за древними историками называют их «готами» (Айбабин 1987: 193; Айбабин, Герцен, Храпунов 1993: 215; Ушаков 2001: 10 и др.), хотя в большинстве случаев, вероятно, имеются в виду представители «союза племен» вообще, вне зависимости от их этноса (Пиоро 1999: 76). В источниках среди наименований народов, входивших в состав этого объединения и, возможно, находившихся некоторое время в пределах Боспорского государства, помимо готов упоминаются бораны, герулы, бургунды. На основании различных косвенных исторических данных их считают германцами, иранцами (или скифо-сармато-аланами), славянами (лит. см. Хайрединова 1994а: 517–523). Этнос населения, оставившего рассматриваемые некрополи, исследователи определяют в соответствии со своими взглядами на хронологическую позицию памятников и обстоятельства их появления на том или ином этапе «скифских» войн. Странники версии о «раннем» (сер. III в.) проникновении варваров на побережье и о германском происхождении боранов, готов, герулов считают носителями обряда кремации боранов и готов (Айбабин 1996: 297; Айбабин 1999: 33; Айбабин 1999а: 245). В качестве дополнительного аргумента в пользу этого предположения привлекаются строки из

трактата византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского «Война с готами», где при описании событий середины V в. сообщается о готах-тетракситах или готах-трапезитах, а также построения А.А. Васильева (Vasiliev 1936: 64-69; Мыц 1994: 44-45; Айбабин 1990: 67; Айбабин 1999а: 245-246). Исследователи, связывающие возникновение некрополей с погребениями остатков трупосожжений с походом варваров 268 г. указывают на герулов, как на возможных носителей необычных для полуострова погребальных традиций (Сидоренко 1994б: 67-68). В частности М.М. Казанский, принимая во внимание наличие в погребальной обрядности памятников типа «Ай-Тодор» североевропейских черт, приписывает эти могильники варварам, соответствующее (скандинавское) происхождение которых предполагается по тем же письменным источникам – евдусианам или герулам (Казанский 2006: 29-32). При этом указывается на присутствие в составе их коллективов элемента негерманского происхождения (Казанский 1997: 51). С этой версией перекликается также мнение некоторых лингвистов о связи языка герулов с «крымско-готским» (Топоров 1983: 240-241). В то же время норвежские исследователи считают такую точку зрения недостаточно аргументированной и обращают внимание на аналогии в могильниках римского времени Саксонии, Мекленбурга и Померании (Stylegar 2011: 231).

Проблема культуры местного населения Южной части Горного Крыма в римское время оказалась наименее разработанной. Некоторые исследователи считают, что археологические свидетельства наличия в этот период на рассматриваемой территории какого-либо оседлого автохтонного населения вообще отсутствуют, а упоминаемые нарративной традицией и эпиграфическими документами I–III вв. в контексте Таврики тавры – тавро-скифы – скифо-тавры, ко II в. до н.э. – I в. н.э. уже ассимилированные «поздними скифами» (и утратившие свои этнографические особенности), входили в число жителей предгорных поселений (Ольховский 1981: 56, 64; Ольховский 1990: 32-33; Храпунов 2004: 63-65), хотя, судя по эпиграфическим источникам I–II вв., боспоряне и римляне четко различали «скифов» и «тавров» (Храпунов 2004: 63-64). Попытки более обстоятельной характеристики «тавров» римского времени единичны. Допускающие их существование современные авторы, как и их предшественники, видимо считают, что культура этого этноса практически не менялась в течение всей эпохи раннего железа. Выводы, полученные в результате реализации такого подхода, мало отличаются от сделанных ранее и, в основном, представляют собой довольно гипотетические логические построения. Предполагается, что это население занималось низкопродуктивным экстенсивным производящим хозяйством (яйлажным отгонным скотоводством и примитивным земледелием), а также дополняющим его пиратством. Катализатором последнего стало развитие сельскохозяйственной базы Херсонеса на Гераклеяском полуострове и торгового

каботажа вдоль Южного берега. Пиратские действия осуществлялись сравнительно небольшими мобильными вооруженными отрядами, основное место жительства которых находилось достаточно далеко от побережья (в предгорьях). На Южном берегу пираты, скорее всего, использовали временные стоянки, трудноуловимые археологически. Процесс дифференциации «таврского» общества практически еще не начался и, следовательно, его можно рассматривать как родовое, позднепервобытное, находившееся на предклассовой стадии развития, на стадии родовой общины или перехода к первобытной соседской общине (см. Зубарь 2004: 80-88). Из археологических памятников римского времени Южной Таврики с местным населением (в частности, с деятельностью «подвижных» морских разбойников) ассоциируют, в основном, расположенные в регионе культовые объекты (Новиченкова Н. 2002: 174-177; Зубарь 2004: 86-87). К настоящему времени более или менее полно опубликованы и осмыслены лишь материалы святилища у перевала Гурзуфское седло (Новиченкова Н. 2002). Автор его раскопок полагает, что этот объект использовали «тавры», а затем «скифо-тавры», находившиеся под культурным воздействием носителей «позднескифской» археологической культуры (Новиченкова Н. 1993: 231-232), в сфере политического влияния Боспора, а в первых веках н.э. и Рима. Вопрос о том, что стоит за этим определением – «самостоятельный народ» или «военно-политический союз разных племен и народностей» – оставлен открытым (Новиченкова Н. 2002: 168-173). Однако отдельные исследователи, принимая во внимание состав вотивов, обнаруженных на святилище и усматривая несоответствие некоторых элементов прослеженной при его исследовании ритуальной культуры (отсутствие человеческих жертвоприношений) сведениям античной нарративной традиции о «диких нравах тавров», предполагают, что этот памятник мог быть и эллинским (Храпунов 1995: 25; Русяева 2005: 63).

Методический интерес представляет предпринятая в рамках изучения населения Боспорского государства первых веков нашей эры попытка комплексной объективной характеристики коренных жителей Южной Таврики римского времени с применением методов статистики (Масленников 1990: 171-216). В процессе работы Крымский и часть Таманского полуостровов были разделены (по естественно-географическим и «культурным» («специфика поселений, некрополей, плотность заселения») признакам) на девять зон (историко-географических областей) (Масленников 1990: 177). Рассматриваемая территория образует основную часть зоны IX, признанной наименее археологически изученным регионом Крыма (рис. 2: 2). Он охарактеризован предположительно (в основном по географическим особенностям и данным нарративной традиции) как сопредельный с Боспором, «варварский», населенный в основном тавроскифами (с отдельными греческими поселениями и стоянкой вспомогательных римских войск), не знавшими государственности,

а также городов и усадеб, занимавшимися нетоварным земледелием, скотоводством (овцеводство), примитивным ремеслом, охотой, пиратством. «Религия» – «примитивная система представлений и культов», основной вид погребальных сооружений – «плитовая могила – каменный ящик» (Масленников 1990: 188, 202). Объектом исследования избраны погребальные памятники. В его ходе предполагалось при помощи многофакторного дисперсионного анализа определить степень влияния на морфологические характеристики некрополей различных факторов. В итоге (по убыванию степени значимости) они выстроились в следующей последовательности: «демографии» (форм расселения), рельефа, форм хозяйства (производства), «религии», ландшафта, «традиций древнего этноса», социального фактора («государственность»), наличия водоисточников (Масленников 1990: 172-177, 206). Автор работы указал на уникально сильное влияние «фактора религии» в регионе, а его население предположительно охарактеризовал как «отсталое общество с неразвитой экономикой и большой зависимостью хозяйства от природных условий, с сильными родовыми отношениями и несложившимися этническими особенностями» (Масленников 1990: 206).

Таким образом, на IV этапе в южной части Горного Крыма активно работали постоянно действующие экспедиции местных научных учреждений, целенаправленно занимавшиеся выявлением и исследованием комплексов римского времени (ЯГОИЛМ и ОАСА – КФ ИА НАНУ). В результате их деятельности археологическая карта Таврики римского времени по количеству выявленных объектов увеличилась вдвое. Методический уровень изучения нескольких памятников (2 некрополей с погребениями остатков кремаций, 2 пещерных некрополей, 4 святилищ, 1 поселения, 2 укреплений) позволяет составить целостное представление об этих объектах. Написан ряд обобщающих работ, в которых подведены некоторые итоги изучения основных аспектов истории Таврики рассматриваемого периода.

Методические подходы к изучению истории Южной Таврики римского времени и основные результаты их применения. Репертуар методических подходов, реализуемых при формировании общего взгляда на исторический процесс в пределах какой-либо территории на определенном хронологическом отрезке, обусловлен, в основном, содержательным характером исследовательской задачи (свойствами изучаемой реальности), а также ассортиментом/объемом исходных материалов (см. Ковальченко 2003: 229-231). Их набор и интерпретационные возможности в значительной степени зависят от местоположения, размеров и границ изучаемого региона, хронологических рамок рассматриваемого периода, уровня изученности исследуемой и сопредельных территорий, состояния методологии гуманитарных наук (см. Антонова 1990: 20). Кроме того, на принципах отбора подлежащих анализу данных, а также на характере применения избранных методов существенно отражаются не свя-

занные напрямую с предметом и объектом исследования факторы: степень хозяйственной освоенности и развитости современной инфраструктуры региона, местоположение изучающих его научных центров, мировоззрение, менталитет, уровень компетенции/квалификации, место жительства и работы, психотип, образ жизни и круг общения специалистов, политическая конъюнктура и её изменения в государствах, гражданами которых они являлись и проч. (см. напр. Антонова 1990: 31; Тункина 2002: 8-10).

На различных стадиях изучения истории Южной Таврики римского времени к работе в том или ином объеме и сочетании привлекались данные древних авторов и археологические материалы, а также разнообразная дополнительная информация из области эпиграфики, нумизматики, географии, топонимики, лингвистики, этнографии и т. п.

Использовавшаяся специалистами, явно либо имплицитно, нарративная традиция представлена сохранившимися в более или менее искаженной форме, благодаря средневековым переписчикам, мифами, легендами (библейские, эллинические), трудами географов и историков эллинистического – средневекового времени, содержащими связанные с изучаемым регионом римского периода данные о местоположении (пределах) и географических особенностях территориальных политических образований и исторических областей, наименованиях, границах ареалов и/или путях перемещения этносов и надэтнических структур, а также сведения о происходивших здесь исторических (в основном военно-политических) и природных событиях. В связи с рассматриваемой территорией и её ближайшими окрестностями в различных источниках упоминаются: государства – Херсонес и Боспор; исторические области – Таврика, Скифия, Готия и страна Дори; пришлые и местные этносы и надэтнические структуры – тавры, скифо-тавры, тавро-скифы, скифы, римские войска, готы; события и процессы – римское военное присутствие, «скифские» (готские) войны, боспоро-херсонесские конфликты, появление и «утверждение» христианства в Крыму. Эта информация практически полностью была доступна специалистам уже на начальном этапе исследования (см. Кулаковский 2002: 219-220) и при отсутствии других (в частности, археологических) материалов использовалась независимо от них. Это обусловило специфику ранних работ по истории Крыма, представляющих собой компилятивные исторические экскурсии, построенные на пространственно-временной локализации упомянутых явлений, субъектов и объектов исторического процесса. В них впервые выполнено обобщение нарративной традиции, причем по принципам подбора и осмысления материала прослеживается два основных взаимодополняющих направления, несколько различающихся по целям и, соответственно, методическим подходам – политическая история и этногенетические/этноисторические построения. В исследованиях, характеризующихся преобладанием первого вектора,

заметна некоторая избирательность по отношению к исходному материалу, что выразилось в стремлении использовать произведения наиболее объективных (по мнению специалистов) древних и средневековых историков (Нарушевич, Васильев). Трудам, преимущественно или в значительной степени ориентированным на этническую историю, присуще отношение с высокой степенью доверия, как к целостной, непротиворечивой, полной и достоверной, ко всей легендарной и исторической информации. При этом объективная критика источников обычно либо не предпринимается, либо подменяется тенденциозным (часто в связи с конфессиональной принадлежностью и, видимо, политическими убеждениями писателей) сопоставлением и толкованием различных сведений (наиболее яркие и полные по хронологическому охвату труды – С. Сестренцевич-Богуща и В.Х. Кондараки).

В результате реализации этих подходов в указанном жанре проявилось несколько устойчивых тенденций: к созданию полных (непрерывных, без «белых пятен») схем развития этнополитической ситуации в Таврике в целом, без её осознанного культурно-исторического районирования (при этом Южная Таврика, видимо, рассматривалась как географически несколько изолированный и своеобразный [см. напр. Дюбуа-де-Монпере 2009: 87-88] регион); к оценке всех встречающихся в источниках этнических как эндо- или экзотэтнонимов однородных этносов – субъектов международной политики, т. е. достаточно крупных и развитых социальных организмов; к восприятию Южной части Горного Крыма как удобной (по природным условиям) для постоянного проживания и в связи с этим всегда плотно заселенной (занятой носителями оседлой культуры) (Миллер 1888: 120, 126; Репников 1904: 39-40; см. также Маслов, Миллер, Никольский 1930: 9-10); к априорному представлению о континуитете культуры населения рассматриваемого региона с начала эпохи раннего железа до позднего средневековья и, соответственно, к «размытости» (и/или неостребованности) взглядов на периодизацию его истории (Нарушевич 1788: 26; Кондараки 1883: 19-20, 31-32, 41).

На базе «этноисторических» компиляций в рамках перечисленных тенденций сформировалось несколько противоречивых стереотипов, часть которых в дальнейшем существенно повлияла на взгляды исследователей. Наиболее примечательны среди них следующие. Рассматриваемая территория являлась основным местом обитания тавров (тавроскифов), населявших регион с «незапамятных времен» до позднего средневековья, уничтожая или ассимилируя пришельцев и сохраняя в той или иной степени политическую независимость. Они строили крепости, города и храмы, знали монархическую форму правления (Сестренцевич-Богуща, Кондараки). Длительность существования этноса объясняется плохой проходимость Главной гряды и неудобством края для кочевников, а также организованной таврами «мастерской системой укреплений» (Кондараки). Все упомянутые в источниках

этносы были родственными и по сути являлись готами. Готы появились в Южном Крыму в римское время (II – сер. III вв.), заняли его тотально (ассимилировали или уничтожили тавров–тавроскифов), и проживали здесь до позднего средневековья, сохраняя свой язык и культуру (Сестренцевич-Богуща, Тунманн). Римское присутствие в Таврике было вызвано необходимостью противодействия Митридату Евпатору, а затем стремлением воспрепятствовать созданию здесь сильного государства, в том числе путем провоцирования междоусобиц. В целом влияние на регион со стороны античных государств (Римской империи, Боспора и Херсонеса) было несущественным (номинальным) (Кондараки).

В трудах, более или менее свободных от этно-конфессиональной предвзятости, были сделаны такие заключения. В римское время власть Империи над Крымом была практически тотальной (Нарушевич). Боспор в течение большей части этого периода являлся наиболее значительной местной военно-политической силой, и его правители претендовали на доминирование над всей Таврикой (Нарушевич). На её территории существовали зоны влияния Херсонеса и Боспора (Формалеони, Нарушевич). После херсонско-боспорского и боспоро-херсонесских конфликтов кон. III – нач. IV вв. над полуостровом установился контроль Херсонесского государства (Нарушевич). Роль готов в истории Таврики римского времени не ясна (Нарушевич, Васильев).

Таким образом, в процессе изучения нарративной традиции определились практически все направления исследования, применительно к рассматриваемому региону ставшие впоследствии традиционными («Культура автохтонного населения», «Римское военное присутствие», «Боспоро-херсонесские отношения», «Проникновение на полуостров северных варваров»). Связанным с ними проблемам посвящено большинство всех последующих работ, касавшихся истории Горного Крыма.

Существенное значение для изучаемой темы имеют данные эпиграфики (палеографии) и нумизматики (см. Кулаковский 2002: 219, 220). Их количество постоянно увеличивается, в прямой зависимости от масштабов археологических исследований Южной части Горного Крыма и всего Циркумпонтийского региона. Эпиграфические памятники римского времени, касающиеся рассматриваемой территории, по характеру причастности к ней подразделяются на две группы: а) содержащие упоминания Таврики, ассоциируемых с ней этносов или относящихся к ней событий; б) найденные (и иногда, возможно, изготовленные) непосредственно в Южной Таврике. По происхождению среди них выделяются связанные с Боспором и Римской империей, по содержанию – «частные» и «официальные». Боспорские документы сравнительно немногочисленны, найдены как в «традиционных» пределах Боспора, так и в Южной части Горного Крыма (строительная надпись, энкомий выдающегося государственного деятеля, посвящения боспорским пра-

вителям и представителям высшей римской власти, еврейское надгробие, а также условно, по значению семантической нагрузки в рамках данного исследования, причисляемые к этой группе источников знаки боспорских царей на металлических элементах военного костюма). Римские памятники более широко представлены, выявлены на изучаемой территории, в Херсонесе, а также по всему Римскому миру (напр. Преслав, Дура-Европос и проч.) (итинерарий, строительные надписи, клейма на керамических стройматериалах, *cursus honorum* и элогий крупных военачальников, посвящения действующих военнослужащих и ветеранов богам, надгробия). Вероятность обнаружения документов, содержащих новую информацию о рассматриваемом регионе, достаточно высока (см. напр. Сапрыкин 2005; Зубарь 2005а: 68). Также из-за специфики самого источника (фрагментированность/«испорченность» многих надписей, косвенный характер оснований для датировки большинства из них) периодически осуществляется пересмотр содержания и хронологической позиции известных памятников (см. напр. Соломоник 1983: 15-16; Зубарь 1990: 108-109; Зубарь 2003: 141-144; Сарновски 2005; Сарновски 2006: 126-128; Bowersock, Jones 2006; Иванчик 2013).

В процессе исследования Южной Таврики римского времени боспорские эпиграфические материалы лишь иногда применялись (путем картографирования находок) для определения западной границы Боспора или зоны его влияния (Кулаковский 1899 и др.), а также для конкретизации представлений о хронологии и характере военно-политической активности боспорских царей в пределах рассматриваемого региона (Сапрыкин 2005). В то же время, на информации римских эпиграфических документов построены довольно многочисленные обобщающие труды, посвященные решению широкого круга проблем, связанных с изучением военного присутствия Рима в Таврике (Ростовцев, Зубарь, Сарновски). Возможно, это отчасти связано с обусловленными спецификой функционирования империи многочисленностью и идеоматичностью текстов, в которых часто использовались «стандартные» формулы и сокращения, что расширяет возможности их понимания на основе сравнительного анализа. Кроме того, некоторые из упомянутых эпиграфических памятников используются как дополняющий нарративную традицию сравнительно объективный источник, позволяющий уточнить смысл некоторых топонимов и этнонимов (Соломоник 1962).

Особенно существенно значение эпиграфики для понимания эволюции содержания хоронима (названия исторической области) «Таврика» и связанных с ним этниконов (см. Лысенко 2014: 102-108). При рассмотрении возможностей их атрибуции необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Названия исторических областей, вне зависимости от особенностей происхождения (напр. из оронимов или этнонимов), часто являются/становятся этнотопонимами (см. напр. Соломоник 1976) и свидетельствуют о

пребывании на той или иной территории какого-либо этноса (Соломоник 1962: 153; лит. см. Моця 2011: 10). Возникают они обычно в периоды достаточно продолжительной относительной политической стабильности, характеризующиеся континуитетом культуры в обозначаемом регионе. В письменные тексты, создаваемые в рамках доиндустриальных социумов, этнохоронимы, как и другая информация, проникают, обычно, с некоторым «запаздыванием» (после своего появления в устной речи) (см. напр. Подосинов 2002: 27-28) и сохраняются до полного исчезновения формирующейся в таких условиях нарративной традиции (см. напр. Rostowzew 1931: 4). После дезинтеграции «титального» социума (см. Моця 2011: 11-12) они принимают чисто географический (причем часто во всех существовавших вариантах) смысл, в то же время иногда провоцируя перенос «старого» этнонима на «новое» для региона население и таким образом в какой-то степени меняя взгляды последующих авторов и позднейших исследователей на этническую историю (о таких свойствах нарративов см. напр. Rostowzew 1931: 4). «Таврика» – один из наиболее древних известных для Крымского полуострова этнотопонимов. В различных источниках он, видимо, несет разную смысловую нагрузку (Соломоник 1962: 155). В хронологическом порядке (по времени появления) её варианты можно расположить следующим образом. В большей части греко-римской нарративной традиции, вероятно, отражены представления, сформировавшиеся на основании информации, содержащейся в «Истории» Геродота, где приведено описание Таврики (территории, населенной «таврами») с довольно четким определением её границ (в целом – Горный Крым, Предгорье и южная часть Степи) (Колотухин 1996: 71-80). В текстах, более близких к местным реалиям римского времени («География» Страбона [Strabo, VII, 4, 3, 5]), «Таврика», похоже, воспринимается как часть Малой Скифии (Strabo, VII, 4, 1, 5). В боспорских официальных надписях II в. (Сапрыкин 2005: 46; КБН: № 1237) это, видимо, некая территория, расположенная между Херсонесским и Боспорским государствами. В некоторых римских эпиграфических документах общеимперского значения I пол. III в. (напр. CIL, VIII, 619), судя по контексту, «Таврикой» считается или весь Крымский полуостров или его горная часть (лит. см. Зубарь 2001-2002: 127-128). В историко-археологических трудах представлены все перечисленные варианты трактовки топонима. Наиболее обоснованным выглядит мнение о том, что к началу рассматриваемого периода аборигенное и пришлое население Крыма вкладывало в термин «Таврика» в основном довольно узкий географический смысл, и понимало под ним либо Южную часть Горного Крыма (лит. см. Ольховский 1981: 52-53; Зубарь 2001-2002: 127-128; Зубарь 2004: 83, 130), либо участок Предгорного и Горного Крыма между Херсонесским и Боспорским государствами (см. Лысенко 2014: 107-108). Взгляды на значение дефиниции «Таврика» в какой-то мере связаны с топографической привязкой и

пониманием различных вариантов однокоренных этнонимов. «Тавры» в позднеэллинистическое – раннеримское время, судя по описанию в нарративной традиции их образа жизни (Ps.-Scymn., 831-832) и места обитания, могут быть локализованы в пределах рассматриваемой территории – в физико-географической провинции «Горный Крым» в целом или в ландшафтной зоне «Южнобережье» (Strabo, VII, 4, 3; Tac. Ann. XII, 17). Из боспорских эпиграфических документов следует, что в нач. I в. н.э. в Крыму «тавров» отличали от «скифов» (КБН: №№ 39, 40), и еще в I пол. II в. считали, что они обитают в «Таврике» (между Боспором и Херсонесом) (Сапрыкин 2005: 46). Позже термин «тавров» часто использовался в широком хронологическом диапазоне: в пересказах ранних авторов, а также для обозначения различных социальных организмов (в частности отличающихся особенностями образа жизни и «профессиональной» деятельности), связываемых с Крымом или всем Северным Причерноморьем (Пиоро 1997; Пиоро 1990: 12-17). В то же время для некоторых периплов и периегез I–II вв., как «направленных» от «области скифов» к «области тавров» (Плиний), так и прочих (Птоломей, Плутарх, Арриан), характерен сложный этноним «скифотавры» (Соломоник 1962: 153) (в эпиграфических документах пока не зафиксирован). Исходя из содержащейся в источниках информации (Plin., NH, IV, 85-86), подразумевающееся под ним население может быть локализовано в Южной части Горного Крыма, в ландшафтной зоне «Главная гряда (Яйла)» (Новиченкова Н. 2002: 171-172) и у восточной границы ландшафтной зоны «Южнобережье» (Агг., PPE, 30). Возможно, форма этнонима объясняется тем, что его первая часть является с одной стороны «географическим указателем» (см. напр. Шульц 1959: 262; Ольховский 1981: 54; Пуздровский 1999: 208), а с другой маркирует наличие достаточно высокоорганизованной этносоциальной структуры, в рамках или на территории, находившейся под контролем которой существовал обозначаемый этнос. Таким образом, в целом под «скифотаврами», вероятно, следует понимать «тавров», обитавших в «Скифии» («тавров, скифское племя» [Strabo, VII, 4, 3]), а появление и применение этнонима, возможно, связано либо с восприятием Крыма как части «Малой Скифии» (Strabo, VII, 4, 5; Пуздровский 1999: прим. 2), либо с существованием позднеэллинистического Скифского царства Скилура и Палака (лит. см. Зубарь 2002; Попова 2012: 13-14). Не исключено также, что форма этнонима в какой-то мере обусловлена влиянием на географическое мышление древних авторов римской хорографической традиции, например карты, изготовленной по данным «Хорографии» Марка Випсания Агриппы (составлена, вероятно, по материалам, *terminus ante quem* которых – кон. I в. до н.э.), где два слова *Scythia Taugica*, видимо, фигурировали рядом (см. Plin. NH, IV, 91; Подосинов 2002: 30, 58). Кроме того иногда, путем сопоставления результатов попыток пространственно-временной локализации различных этнонимов из разных источников, «скифотавров»

отождествляют с «тавриками» Помпония Мелы (Mela, II, 3, 4), помещаемыми у причерноморского края западной границы Боспора (Пуздровский 1999: 209). Позже (2 пол. II – 1 пол. III вв.) в нарративах и боспорских эпиграфических документах появляется сложный этноним «тавроскифы», который впоследствии использовался очень широко. В текстах начала позднееримского времени (II–III вв.) определенные указания на его локализацию в пределах Крыма отсутствуют (КБН: № 1008; SHA, Jul. Capit., Valer. Duo, 6; Соломоник 1962: 153; Пуздровский 1999: 208), но по содержанию некоторых из них можно предполагать, что речь идет о населении, проживающем либо в пределах Боспорского государства, либо на территории, находившейся под его политическим влиянием (см. напр. Анохин 1999: 166). Кроме того, этноним фигурирует в значительной части посвященной Северному Причерноморью греко-римской нарративной традиции IV–XII вв. в значении «тавров» (в основном при пересказе сведений более ранних авторов) (Соломоник 1962: 153-154; Пиоро 1990: 13-14) или «скифы обитающие в Таврике» (Соломоник 1962: 154). Последний вариант представляется более адекватным позднееримскому времени. Возможно, в нем отражено «римское» или «боспорское» понимание топонима «Таврика» (весь Крымский полуостров или территория между Боспором и Херсонесом) и политическая ситуация, сложившаяся на полуострове после присоединения «Таврики» к Боспору в кон. II – нач. III вв. (КБН: № 1237), а также присущий этому периоду и последующему времени собирательный (условный) характер этнонима «скифы», употреблявшегося для обозначения «аланов», «готов», «славян» и проч. (Миллер 1888: 122, 133; Хайретдинова 1994; лит. см. Буданова 1990: 13, 49, 68, 70-71; Хайреддинова 1994а: 520-522; Пуздровский 1999: 211; Ярцев 2011). В целом же среди исследователей, похоже, преобладает мнение (в системном виде изложенное Э.И. Соломоник) о том, что под терминами «скифотавры» и «тавроскифы» подразумевается одно и то же население – тавры, находившиеся под влиянием скифской культуры и, возможно, частично смешанные со скифами (Соломоник 1962: 153, 155; Новиченкова Н. 2001; Зубарь 2004: 82). Такой взгляд, очевидно, порожден представлением о существовании в ландшафтной зоне «Южнобережье» во II–III вв. и позже неких независимых «тавров», а в Степи и Предгорьях – Скифского государства, воевавших с Римом и Боспором (Соломоник 1962: 154-156).

Античный нумизматический материал в Южной Таврике представлен всеми основными категориями находок (экономические, культовые и этнографические, документировано 31, уверенно атрибутируется 18). Основная масса монет – выпуски Рима и других центров Империи (в том числе отдельных удаленных от побережья Восточно- и Центральноевропейских), Боспора и Херсонеса. Образцы продукции других Причерноморских и Средиземноморских эмитентов единичны. Учитывая многочисленность и разнообразие находок и их контекстов, видимо, можно полагать,

что доступная для анализа выборка позволяет составить целостное представление о характере использования и датирующих возможностях античных монет, обнаруженных на изучаемой территории (см. Лысенко 2012: прим. 2, 16-22, 26, 27, 29, 30, 32, 35, 36). На этом материале еще в I пол. XX в. предпринимались попытки установления хронологической позиции отдельных памятников, выяснения пределов сфер денежного обращения (зон политико-экономического влияния) в рассматриваемом регионе Боспорского и Херсонесского государств, а также определения местоположения границы между ними и, соответственно, политической принадлежности частей Южной Таврики в римское время (см. Бертье-Делагард 1907; Блаватский 1938: 335; Голенко 1963). Несмотря на то, что при этом использовалось сравнительно небольшое количество нумизматических находок, сделанные выводы поныне сохраняют свое значение, хотя и нуждаются в уточнении (в основном в связи с существенным увеличением археологической базы данных по исследуемому региону) (см. Лысенко 2012: 86-91). В нач. XXI в. обновленные сведения о нумизматическом материале Южной части Горного Крыма римского времени привлекались для характеристики денежного обращения хоры Херсонеса, однако методические подходы к этому процессу не обосновывались и, видимо, не всегда были достаточно корректны, что не позволяет адекватно оценить полученные результаты (практически не принимались в расчет особенности интерпретации различных категорий монетных находок, не учитывалась возможность длительного обращения некоторых выпусков, все монеты, в том числе из кладов, часто рассматривались как поступившие в место находки непосредственно из государства-эмитента в период или год чеканки, многие клады аргентом считались комплексами длительного накопления [сравн. Шувалов 1999: 377], а хронологические лакуны между датами составляющих их монет воспринимались как периоды отсутствия денежного обращения на территориях, где эти комплексы были обнаружены и т. п.) (Сапрыкин 2005а).

Этнографические сведения при изучении рассматриваемой территории изначально использовались эпизодически – для интерпретации данных нарративной традиции в рамках попыток определения происхождения и конкретизации представлений об образе жизни коренного этноса (тавров). В частности предпринималось сопоставление элементов их этнической культуры (приписываемые аборигенам древними авторами комплекс ритуальных действий и особенности хозяйственной деятельности) с соответствующими этнографическими материалами Евразии (Дюбуа-де-Монпере). Обнаруженные при этом параллели расценивались как свидетельство единства происхождения этносов, хотя они, очевидно, иллюстрируют лишь сходство хозяйственно-культурных типов. Кроме того, на базе общей субъективной оценки географических условий места обитания тавров выполнялась экстраполяция на них этнографических

данных по образу жизни и социальной структуре других горных народов (Зубарь 2004: 85 и сл.). Более или менее обоснованно этнографические материалы в связи с изучаемой темой применяются с кон. XX – нач. XXI вв. – при интерпретации результатов исследования отдельных археологических объектов Южной Таврики римского времени (Мыц, Лысенко, Жук 1999: 177; Лысенко 2003: 98-99; Мыц и др. 2007: 109; Лысенко 2005-2009: прим. 11, 14, 27, 30; Лысенко 2012: 96-97).

Лингвистическая принадлежность дохристианского населения Южной части Горного Крыма также реконструировалась по нарративной традиции: путем логических построений на основе легендарной информации (Кондараки) и при помощи атрибуции некоторых упомянутых в источниках топонимов (Миллер 1888: 120, 122-123). Достоверность полученных результатов, видимо, следует считать сомнительной, в первом случае из-за специфичности источниковой базы, во втором – по причине отсутствия обоснования методики такого рода операций (не предпринимались попытки установить взаимосвязь между политико-экономическими обстоятельствами образования географической номенклатуры и культурной принадлежностью её создателей (см. напр. Бертье-Делагард 1920: 21, прим. 2; Фирсов 1990: 269 и т. п.).

Данные древней топонимики использовались, также, в исторических реконструкциях или для иллюстрирования их результатов путем попыток локализации поименованных объектов (см. Лысенко 2014: 108-116). При этом применялись следующие основные методы или их комбинации (с учетом всей сообщенной древними авторами разнообразной дополнительной информации, которую можно воспринять как пространственный ориентир). В случае присутствия в источнике прямого указания на разновидность топонима (ороним, гидроним, хороним, ойконим, экклезионим и т. п.) с ним, как правило, отождествлялись наиболее аттрактивные элементы ландшафта или археологические памятники соответствующей категории: г. Трапезунт – г. Чатыр-Даг (лит. см. Лысенко 2010: 261, прим. 26); м. Криуметопон – м. Аю-Даг (лит. см. Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 24-25); порт Афинеон – Судак (Дюбуа де Монпере 2009: 102; Ростовцев 1925: 67; Латышев 1948а: 272, прим. 10; Шульц 1961: 293) или Кутлакское укрепление (Ланцов 1997: 73); Лампада – поселение в Кучук-Ламбатском хаосе (Дюбуа-де-Монпере 2009: 148-149, 151, л. XXIII); стоянка для кораблей у Лампады – скальная гряда, детали якорей и другие остатки кораблекрушений у м. Плака (Зеленко 1999: 66-69); Харакс – крепость на мысе Ай-Тодор (Ростовцев 1900: 158). При наличии количественных сведений о расстоянии от некоего известного (напр. Феодосия, Херсонес) до рассматриваемого объекта или о его координатах исследователи при помощи разноплановой критики старались привести эти данные к современным величинам и на этой основе определить местоположение искомого пункта (Афинеон, Лагира, Лампада) (Кёппен 1837: 165-166, прим. 246, 247; Домбровский, Столбу-

нов, Баранов 1975: 31-34; Фирсов 1990: 95-96; Зубарев 2005: 218, 221-222, 224, 226, 442). Некоторые топонимы приурочивались к тем или иным местностям посредством поиска соответствий с сохранившимися созвучными географическими названиями (Лампада – пос. Кучук-Ламбат (Кёппен 1837: 1-2), Лагира – м. Агира и др.). Кроме того, в случае наличия в топонимах информации о характерных особенностях формы обозначаемой реальности или вызываемых ими ассоциациях (Криуметопон – «Бараний Лоб», Трапезунт – «Стол»), существует возможность топографической атрибуции таких названий путем отождествления с соответствующими этим сведениям элементами современного ландшафта: Криуметопон – м. Аю-Даг; Трапезунт – г. Чатыр-Даг (Васильев 1921: 76-77) или г. Опук (Голенко 2007: 130). Наиболее достоверными, видимо, следует считать варианты локализации, подтвержденные совпадением результатов применения различных подходов (Лагира, Лампад, Харакс), хотя и к таким случаям необходимо относиться критически, особенно когда в процессе аргументации выстраиваются длинные логические цепочки (напр. гора Чатыр-Даг – гора Трапезунт, на склоне которой находился город Трапезунт, готы-трапезиты – обитатели расположенного на склоне горы Чатыр-Даг города Трапезунт [Васильев 1921: 77], Чатыр-Дагский некрополь с погребениями остатков кремаций оставлен готами-трапезитами, расположенное рядом с ним пятно культурных отложений римского времени – остатки города Трапезунт, верхняя дата этих памятников – V в. н.э.) (лит. см. Лысенко 2010: прим. 26).

Изучение рассматриваемой территории археологическими методами началось несколько позже появления исторических работ по теме. Видимо в связи с этим практически на всех его этапах проявилось влияние на специалистов упомянутых выше тенденций и стереотипов, сформировавшихся под воздействием данных нарративной традиции.

Набор и объем привлекавшихся к исследованию археологических материалов изменялись в зависимости от целей проводившихся работ, а также в связи с эволюцией представлений об этнополитической – хронологической принадлежности известных и выявлением новых памятников. Количество картографированных и изученных археологических объектов, достоверно ассоциируемых с римским периодом, резко возросло в кон. XX – нач. XXI вв. (лит. см. Лысенко 2005-2009: 377-388, прим. 4, 26, 32, 33). До этого времени они были малочисленны и на различных стадиях исследования помимо результатов изучения памятников 2 пол. I в. до н.э. – IV в. н.э. использовались материалы расположенных в регионе разнородных и разновременных комплексов (от некрополей эпохи раннего железа до позднесредневековых укреплений). Формирование археологической базы данных осуществлялось путем эмпирических исследований с обобщениями и частными интерпретациями (см. Клейн 2005-2009: 43). В этом процессе выделяется несколько основных фаз, при реализации которых на различных этапах изуче-

ния Южной части Горного Крыма римского времени проявились некоторые особенности.

При выявлении археологических объектов практиковались следующие подходы. Целенаправленный поиск памятников: обследование элементов ландшафта, морфологически соответствующих данным нарративной традиции об особенностях местоположения объектов определенной категории с учетом соответствующего смысла связанных с этими местами «поздних» топонимов (напр. мысы Аю-Даг, Ай-Тодор и Айя иногда воспринимались как места расположения святилищ «тавров» [Дюбуа-де-Монпере 2009: 88, 96, 160, 167, 181, 195, прим. 94; Голенко 1963: 112; Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 29-30]) (этап I); ориентация на выраженные в наземных объемных формах наиболее крупные и аттрактивные архитектурно-археологические комплексы, функциональная принадлежность которых очевидна (этап I) (Кёппен 1837: 191-193); выявление скоплений массового подъемного материала (этапы III–IV) (Новиченкова Н. 1984: 308; Паршина 1986; Джанов 2004: 50-51; Тесленко, Лысенко 2005: 295-296; Лысенко 2005: 230-236; Лысенко, Тесленко 2006: 21), в том числе на шельфе с применением водолазного оборудования (этапы III–IV) (Фронджуло 1971: 259; Зеленко 1999: 66-69) и при помощи металлодетекторов (этап IV); попытки обнаружения остатков крупных архитектурно-археологических структур методами аэрофоторазведки (этап IV) (Karasiewicz-Szczypiorski 2011: 184-185). Фиксация объектов, вскрытых случайно: при осуществлении хозяйственных работ (этапы I, IV) (Третья... 1890: 199-200; Бертъе-Делагард 1907: 19; Ростовцев 1911: 12-13, 32, 35, 41; Кузьменко 1913: 48; Блаватский 1951: 252; Махнева 1972: 150-151; Мыц 1983; Орлов 1985: 19-20; Орлов 1985а: 36; Мыц и др. 1997: 202; Новиченкова Н. 2002: 5; Тесленко, Лысенко 2002: 249-251; Турова 2004: 76-77; Тесленко, Лысенко 2005а: 295-297; Мыц и др. 2007: 102, 110; Тесленко, Лысенко 2007: 26-27, 36-37; Лысенко 2010: прим. 83; Тесленко, Лысенко, Масякин 2014: 84); в рамках любительской спортивно-туристической деятельности (спелеология, дайвинг – этап IV) (Мыц, Лысенко, Жук 1999: 169; Лысенко 2003: 90; Лысенко, Герасимов 2008: 120); при научных раскопках комплексов более позднего периода (этапы II–IV) (Домбровский 1972: 83; Саприкин, Баранов 1995: 137-138; Джанов 2006: 333; Домбровский 1969: 42; Мыц 1989: 78).

В процессе исследования объектов выполнялись такие процедуры: а) картографирование – путем упоминания ближайшего населенного пункта или другого приметного географического объекта (этапы I–III[?]) (Бертъе-Делагард 1907: 19 и др.), с использованием крупномасштабных карт (этапы I, IV) (Кёппен 1836; Лысенко 2010: рис. 1 и др.), на мелкомасштабных картах и схемах (этапы I–IV) (Дьяков 1930: рис. 3, 5, 7; Мосберг 1946: рис. 1; Мыц 1987: рис. 1 и др.), с применением GPS- или других спутниковых навигаторов (этап IV) (Адаксина и др. 1999: 29); б) изучение наземных объемных форм памятников – осмотр, описание

и простейшие обмеры (этапы I–IV) (см. напр. Кеппен 1837: прим. 149), зарисовка (этапы I–III) (см. напр. Дьяков 1930: рис. 10), фотофиксация, топографическая съемка и сбор подъемного материала (этапы I–IV); в) раскопки – расчистка архитектурных сооружений от полностью или частично покрывающего их грунта без изучения структуры культурных напластований и фиксации хода работ с фотографированием и вычерчиванием планов отдельных строений (см. Дьяков 1930: рис. 8, 13), а также отбором наиболее «ярких» артефактов (этап I) (см. напр. Ростовцев 1900: 151–152; Ростовцев 1911: 1–4), вскрытие культурных отложений с фотофиксацией и/или словесным описанием хода работ (в том числе стратиграфии напластований и массового археологического материала) (Бертъе-Делагард 1907: 19–21), изготовлением общих планов раскопок и отдельных архитектурных объектов, фотографированием, зарисовкой и описанием некоторых ярких находок (этапы I–III) (см. Блаватский 1951), раскопки (иногда предваряемые магнитной съемкой [Смекалов 2007]) с полномасштабной фиксацией (в т. ч. архитектурные обмеры, стратиграфические разрезы, послойные планы расположения артефактов), отбор и полная обработка всего археологического, антропологического и фаунистического материала (этап IV) (см. напр. Новиченкова Н. 2002: 9–18). Из отдельных «случайных» находок на этапах I–III регистрировались и иногда публиковались в основном эпиграфические (Кондараки, Ростовцев) и нумизматические (Крымско-Кавказский горный клуб, Голенко, Шульц и др.). При этом их связь с конкретными архитектурно-археологическими комплексами часто не устанавливалась или не обосновывалась. Практика целенаправленного сбора массового подъемного материала (обломков керамики) в отношении памятников римского времени Южной части Горного Крыма, видимо, возникла на этапе III, однако его фиксация в этот период выполнялась крайне лаконично – путем общего краткого словесного описания в отчетной документации (см. напр. Махнева 1969: 31; Домбровский 1969: 41). Эффективное применение этого метода в исследуемом регионе началось лишь на этапе IV (Орлов 1975: 10; Орлов 1985а: 36, 155–159; Орлов 1985б: рис. 160–164; Мыц 1989; Лысенко, Тесленко 2002: 61, 63–65, 78; Турова 2004; Лысенко 2010: 274).

Публикация и первичное обобщение добытого материала осуществлялись в работах, посвященных отдельным памятникам или их группам, выделенным по функциональному назначению (укрепления [Кеппен 1837; Ростовцев 1900; Блаватский 1951; Фирсов 1990; Орлов 1988; Ланцов 1994; Ланцов 1997; Ланцов 1999; Ланцов 1999а; Ланцов 2004; Ланцов 2007; Зубарь 2000; Новиченков, Новиченкова Н. 2002 и др.], поселения [Махнева 1971; Мыц 1989; Лысенко 2005; Лысенко 2010 и др.], святилища [Ростовцев 1911; Бертъе-Делагард 1907; Зограф 1941; Мыц и др. 1997; Мыц, Лысенко 2001; Новиченкова Н. 2002; Мыц и др. 2007; Новиченкова Н. 2008; Лысенко 2005–2009; Лысенко 2011; Лысенко 2012; Lysenko 2013 и др.], некрополи в целом

[Мосберг 1946], пещерные некрополи [Мыц 1988; Мыц, Лысенко, Жук 1999; Мыц 1999; Лысенко 2003], некрополи с погребениями остатков кремаций [Блаватский 1951; Мыц 1983; Орлов 1987; Мыц 1987; Мыц 1994; Мыц и др. 1997; Лысенко 2004; Лысенко 2004а; Мыц и др. 2006 и др.], якорные стоянки и кораблекрушения [Зеленко 1999]), по хронологической («поздняя античность» [Мыц 1989]) или предполагаемой этнополитической (таврские [Репников 1927 и др.], римские [Ростовцев 1900; Зубарь 2001–2002; Зубарь 2003; Зубарь 2004а и др.]) принадлежности. При этом в публикационных частях большинства трудов этапов I–III археологический материал иллюстрировался выборочно, ракурсными фотографиями и рисунками некоторых ярких находок (эпиграфические документы, торевтика, отдельные металлические предметы вооружения и орудия труда, целые керамические и стеклянные сосуды) (напр. Ростовцев 1911; Дьяков 1930; Блаватский 1951 и др.). Лишь на этапе IV появились работы, содержащие детальные чертежи планов и разрезов исследованных объектов, а также рисунки большинства обнаруженных предметов (Орлов 1987; Мыц 1987; Мыц, Лысенко, Жук 1999; Новиченкова Н. 2002; Мыц и др. 2006 и др.). В этот же период вышли первые публикации, посвященные отдельным группам артефактов, сформированным по функциональному, хронологическому, технологическому признакам (Зубарь 1993а; Новиченкова Н. 1998; Новиченкова К. 2000; Новиченкова Н. 2000а; Новиченкова К. 2001; Новиченкова К. 2002; Щукин 2002; Новиченкова Н. 2004а; Гарбуз 2005; Дорошко 2005; Сарновски 2005; Зубарь 2005а; Лысенко 2007; Шаров 2007; Гарбуз 2008; Лысенко, Герасимов 2008; Новиченкова-Лукичева 2008; Новиченкова М. 2009; Новиченкова Н., Новиченкова-Лукичева 2009; Новиченкова Н., Новиченкова-Лукичева 2009а; Новиченкова М. 2011; Новиченкова М. 2011а; Новиченкова-Лукичева 2011; Lysenko, Masyakin 2012 и др.), а также естественнонаучным исследованиям (по изделиям из металла [Вознесенская, Левада 1999], керамическому [Дашкевич, Шнайдер 2005], антропологическому [Потехина 2009] и фаунистическому [Гольдин, Старцев 2011] материалу).

Функциональная атрибуция памятников производилась чаще всего, видимо, по результатам оценки соответствия их внешнего вида и структуры общим представлениям исследователей об особенностях морфологии и топографии объектов различных категорий («внеисточниковое знание» [см. Ковальченко 2003: 236], стереотипы, не связанные с практическим жизненным опытом [см. напр. Лысенко 2010: прим. 36, 42]), а также с использованием специально разработанных критериев (Лысенко 2005–2009: 377; Лысенко 2010: прим. 91). В отдельных случаях дополнительное влияние на интерпретацию оказывали существующие концепции развития этнополитической ситуации в регионе в тот или иной период, сформированные по данным нарративной традиции и материалам исследования археологических комплексов определенной функциональной и культурно-хронологической при-

надлежности (напр. попытка рассмотрения святилища Алигор как одного из некрополей типа Ай-Тодор, которые по мнению авторов, видимо, должны быть обнаружены по всему Южнобережью). При этом затруднения или разночтения возникали (этап IV), в основном, в рамках предварительной характеристики вновь выявленных и недостаточно изученных объектов, лишенных хорошо выраженных архитектурных форм (напр. святилище на скале Алигор) (Мыц и др. 1997; Сидоренко 1994: 68; Сидоренко 1994а: 13-14; Айбабин 1999: 244-245; Айбабин 1999а: 14). Значительная часть таких пунктов к настоящему времени оставлена без четкой атрибуции (см. напр. Лысенко 2010: 274). Кроме того, более или менее убедительная функциональная интерпретация ряда памятников может быть выполнена лишь по результатам комплексного анализа особенностей их местоположения, морфологии и археологического окружения с учетом этнографических параллелей (напр. пещерный некрополь Глазастая [Лысенко 2003: 97-99]), а некоторые объекты невозможно определить однозначно в связи с их сложной «природой» и недостаточной разработанностью терминологии (напр. пещерный «некрополь» Ай-Никола [лит. см. Лысенко 2005-2009: прим. 2]).

Обоснование хронологической позиции археологических комплексов Южной Таврики римского времени на этапах I–II для объектов, упомянутых в нарративной традиции, осуществлялось по времени создания соответствующих трудов (Лампад [Кёппен 1837: 1-2], Трапезунт [Васильев 1921: 78-79; Мыц 1989: 78-79], Харакс [Фирсов 1990: 261]), а для прочих часто во взаимосвязи с их предполагаемой культурной атрибуцией, путем ассоциирования выявленных при исследовании памятников ситуаций (напр. архитектурно-стратиграфических) с известными историческими событиями (напр. запустение Харакса – начало «скифских» войн [Дьяков 1930: 48]), по «общим» представлениям о морфологии различных объектов (архитектурных сооружений, керамических сосудов) той или иной эпохи (сформированным на основании географически отдаленных аналогий) (см. напр. Фирсов 1990: 262-263), по особенностям местоположения памятников и их взаиморасположения с более или менее датированными предположительно синхронными комплексами (см. напр. Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 110-111), а также по отдельным находкам и/или категориям артефактов (в основном нумизматический материал) без учета их стратиграфического положения и датирующего значения в данном контексте (см. напр. Лысенко 2012: 88). В связи с этим некоторые относительно ранние и поздние погребальные памятники (некрополи эпохи раннего железа из каменных ящиков и раннесредневековые грунтовые могильники) изначально иногда ассоциировали соответственно с рубежом эр – первыми веками н.э. (лит. см. Лесков 1965: 9) и позднеимперским временем (Мосберг 1946: 118, рис. 1), однако благодаря наличию представительного инвентаря их общая хронологическая позиция вскоре стала очевидной. По той же при-

чине не возникло затруднений с датировкой (на уровне периода) известных реальных объектов римского времени (крепость Харакс, Ауткинское святилище, некрополь Ай-Тодор). Наиболее дискуссионной оказалась проблема хронологической и этнополитической атрибуции укреплений. В соответствии с упомянутыми стереотипами исследователи считали их относительно синхронными (созданными по единому плану) (Кёппен 1837: 45) – средневековыми (византийскими) (Кёппен 1837: 46-61), таврскими (Шульц 1949: 64-65; Шульц 1957: 65; Шульц 1959: 252-253), римскими (Дьяков 1930: 47; Репников 1941: 124-126), изначально таврскими, а затем захваченными и перестроенными либо римлянами (Ростовцев 1911: 9), либо в эпоху средневековья (период «феодализма») (Шульц 1957: 65-66). Позже (этапы III–IV), благодаря хронологическим разработкам различных категорий артефактов, связанным с увеличением масштабов раскопок в Крыму и всем Причерноморье, а также публикацией их результатов, идентификация объектов римского времени Южной части Горного Крыма более или менее удачно осуществлялась по археологическому материалу. Попытки установления узких дат отдельных комплексов и внутрикомплексных объектов характерны для этапа IV, причем в зависимости от особенностей морфологии памятников использовались различные методические подходы к этой процедуре. Датировка объектов, содержащих эпиграфические документы, базировалась, в основном, на их всестороннем анализе (см. напр. Зубарь 2000: 190-198). Хронологическая атрибуция «открытых» и некоторых «закрытых» комплексов, при изучении которых эпиграфические памятники не обнаружены, выполнялась по «широким» датам найденных артефактов (Новиченкова Н. 2002: 134-135 и сл.; Мыц и др. 2006: 145-175; Лысенко 2010: 271, 273). К «закрытым» комплексам применялся метод «узких датировок» (с выбором хроноиндикаторов, учетом случаев их взаимовстречаемости и выделением «фаз» развития материальной культуры в регионе) (Гей, Бажан 1997: 31-35). Предпринимались попытки применения метода радиоуглеродного датирования (Булгаков, Булгакова 2006: 42).

В результате реализации всех этих процедур к нач. XXI в. в пределах рассматриваемой территории было выявлено порядка 60 археологических объектов римского времени: 10 святилищ, 8 некрополей, 3 предполагаемых места кораблекрушения, 1 порт-пункт, 1 производственный комплекс, 2 укрепления, 9 поселений и не менее 27 неидентифицированных по функциональной принадлежности пунктов (большинство из них, видимо, представляет собой остатки «поселений» различных типов [Лысенко, 2010]). Из них 6 картографированы и/или атрибутированы лишь по косвенным признакам, на 33 производился сбор подъемного материала, 9 подвергались шурфовке, 13 – раскопкам. 26 объектов малоизучены, их стратиграфия и планиграфия не ясны. 12 (20,0%) обеспечено репрезентативным количеством данных. Наиболее качественные и комплексные исследования выполнены

на этапе IV, однако существенная часть этих материалов не введена полностью в научный оборот (Орлов 1976; Орлов 1983; Орлов 1985в; Жук и др. 1995; Мыц и др. 1998; Лысенко, Тесленко 2006: 8-18, 69-98, 171-175, 217-242; Лысенко, Тесленко 2009; Тесленко, Лысенко, Масыкин 2014а).

Процесс исторической интерпретации археологических данных в целом сводится к выявлению и картографированию «культурно значимых» признаков (фиксируемых археологически элементов «этнической» культуры) (см. напр. Смирнов 2010), выделению на этой основе археологических культур и их последующему комплексному изучению. При этом обычно рассматривается возможность сопоставления сведений о границах ареалов этих культур и упомянутой выше исторической информации с целью определения этнической и/или политической принадлежности их носителей. Иногда результат таких штудий закрепляется в названии культуры, что впоследствии сказывается на объективности её интерпретации (см. Колтухов, Юрочкин 2004: 185). В дальнейшем может проявиться неоднородность (напр. надэтнический/мультикультурный характер либо сложная социально-политическая структура) изучаемого явления и, как следствие, тренд к его дроблению, обычно сдерживаемый историографической традицией и «школой исследователей» (см. напр. Труфанов, Юрочкин 1999: прим. 147). В связи с этим, в зависимости от природы выявленных различий («пространственные» или «хронологические»), в рамках уже существующей культуры выделяют соответственно «варианты», «фазы» или иные части изучаемого феномена (при возможном широком спектре взглядов на наличие/отсутствие генетической однородности «вариантов» или «континуитета» «фаз»/«этапов»), а его наименование постепенно принимает характер условного (см. напр. Колпаков и др. 1990: 59; Иванова 2004). Крайние проявления тенденции – формирование новой культуры и/или полная дезинтеграция выделенной ранее. Могут намечаться и обратные процессы – «слияния» культур, по мнению исследователей оставленных генетически однородным населением. Кроме того, в рамках создания периодизации истории рассматриваемого региона археологические материалы (в частности, отражающие какие-либо катастрофические явления) могут быть соотнесены с данными нарративной традиции об отдельных ярких исторических и природных событиях (напр. землетрясения), что придает им свойства хронологических реперов (см. напр. Зубарь 2000: 198).

Общее простое, но обычно слабо аргументированное «культурное» подразделение археологических объектов иногда производится посредством субъективной оценки стадияльной принадлежности обнаруженного при их исследовании археологического материала. При наличии в его составе эпиграфических документов, а также других относительно сложных по технологии изготовления и/или высокохудожественных изделий, памятник относят к «античной»

культуре (см. напр. Храпунов 1995: 25). Комплексы, в структуре которых присутствуют архитектурные сооружения с «циклопической» и без связующего раствора кладкой стен, обломки лепных керамических сосудов и другие «примитивные» предметы, некоторые специалисты считают «варварскими» (см. Храпунов 2004: 9; Фирсов 1990: 263, 276-278) (а priori или руководствуясь ассоциациями, возникшими в результате сопоставления изучаемых объектов с функционально и морфологически подобными памятниками, культурная и хронологическая принадлежность которых общепризнаны).

В соответствии с оформившимися изначально основными направлениями исследования, в пределах рассматриваемого региона изучались следующие соотносимые с римским временем явления, по формальным признакам или восприятию в какой-то мере сопоставимые с археологическими культурами: культура «Тавров поздней поры» I в. до н.э. – I–IV вв. н.э.; комплексы, связанные с римским военным присутствием в Крыму; памятники, ассоциируемые с пришельцами с Севера. Помимо этого в Предгорьях, северо-западнее исследуемой территории, выделены «Позднескифская» археологическая культура (III–II вв. до н.э. – III–IV вв. н.э.) (лит. см. Храпунов 2004: 26-37; Колтухов, Юрочкин 2004: 48-99; Колтухов 2004; Пуздровский 2007: 9-14 и др.) и её стремящаяся к отделению часть («фаза»?) – группа памятников «Озерное – Инкерман» («Инкерманская» культура, 2 треть III – 1 треть IV – кон. IV – 1 пол. V вв. н.э.) (лит. см. Юрочкин 1997; Юрочкин 2003: 206-210; Юрочкин, Труфанов 2007: 360, 370-371, прим. 21, рис. 1А и др.), юго-восточные границы ареалов которых, видимо, четко не установлены и определяются по Главной гряде Крымских гор, воспринимаемой как труднопреодолимое препятствие (Колтухов 1999: 88), а также по отсутствию соответствующих объектов на её северном склоне, пока недостаточно изученном в археологическом отношении (см. Юрочкин, Труфанов 2007: рис. 1А). Местные античные государственные образования, располагавшиеся у юго-западных и северо-восточных границ Южной Таврики, видимо, больше воспринимались исследователями как историко-географическая, чем как «археологическая» реальность. В связи с этим создается впечатление, что каких-либо специальных критериев для ассоциирования с этими структурами археологических объектов римского времени, кроме упомянутых выше «общеантичных» (эпиграфических, нумизматических, архитектурных), не было сформулировано.

Наиболее цельным явлением, выделенным помимо прочего по естественно-географическим особенностям занимаемой территории и на основании общих представлений о периодизации истории Северного Причерноморья (сформировавшихся в результате комплексных историко-археологических исследований [см. Блаватский 1959]), выглядела культура «Тавров поздней поры», основную часть ареала которой составлял изучаемый регион, а датировка охватывала

весь рассматриваемый период. К ней, видимо, были отнесены одно святилище (Ауткинское), не менее восьми укреплений (внешняя оборонительная стена Харакса, «длинные стены» на перевалах Главной гряды, архитектурные сооружения и культурные напластования «второго строительного периода» крепости на г. Кошка, другие средневековые укрепления – Крестовая/Алупка-Исар, Аю-Даг, Кастель, Сераус, Ай-Йори, Чатыр-Дагское и др.) и некие «пристани» (порты) (Шульц 1949: 64-65, рис. 22; Шульц 1957: 65; Шульц 1959: 251-253). Этнокультурная атрибуция памятников осуществлялась по их местоположению (в «Таврике»), отсутствию явных признаков принадлежности к иной культуре и/или хронологическому периоду, «варварским» морфологическим характеристикам, а также функциональному назначению, соответствующему представлениям исследователей о ходе исторического процесса в регионе, сформированным по данным исторических источников под влиянием политической конъюнктуры (подобраны и интерпретированы в соответствии с необходимостью показать «значение местного населения в историческом развитии полуострова» [см. Колтухов, Юрочкин 2004: 50, 116]). При таком подходе археологические комплексы и, отчасти, нарративная традиция, во многом выступают как иллюстративный материал к идеологически выверенной исторической парадигме. К кон. XX в., в результате существенного свертывания и изменения направления влияния политики на археологию, а также после уточнения хронологии и этнокультурной атрибуции перечисленных объектов (статус «позднетаврского» сохранило лишь Ауткинское святилище) археологическая составляющая «культуры Тавров поздней поры» практически перестала существовать, что снизило достоверность сделанных ранее выводов (см. Айбабин, Герцен, Храпунов 1993: 212-213). В настоящее время с «таврами» Южной части Горного Крыма римского времени ассоциируют, исходя из общего «варварского» облика, лишь пещерные некрополи и большинство святилищ. Основным местом жительства потомков аборигенов считают предгорные поселения (Новиченкова Н. 2002: 174-177; Зубарь 2004: 86-87; Храпунов 2004: 63-65; Зубарь 2005: 233). Таким образом специалисты, учитывая отсутствие в Южной Таврике более или менее значительного количества археологических памятников оседлого «варварского» населения раннеримского периода, соотнесли «тавров» римского времени, а также, косвенно, и упомянутые археологические комплексы, с носителями Позднескифской археологической культуры, обитавшими за пределами рассматриваемого региона.

Римское военное присутствие в Крыму, по мнению специалистов, могло осуществляться по трем основным (возможно взаимодополняющим син- или асинхронным) стратегическим схемам: 1) опосредованный контроль за сильным государственным образованием, способным обеспечивать военно-политическую стабильность достаточно обширного региона (за Боспором через союзных/вассальных правителей), с перманент-

ным (в случае чрезвычайных ситуаций) непосредственным вмешательством (см. Ростовцев 1900: 141-142, 145, 149-151; Блаватский 1959: 32; Зубарь 2003а: 38-39); 2) охрана трасс каботажного судостроения вдоль Таврики без существенных территориальных захватов на суше посредством сооружения системы береговых сторожевых укреплений (Харакс) (Репников 1941: 123-125); 3) оккупация более или менее обширных территорий, в том числе путем возведения новых или занятия существующих крепостей (Херсонес и прилегающие земли) (Ростовцев 1900: 144, 146-149, 151, 154, 156; Блаватский 1959: 30-31). Характерные и значительные археологические следы могли оставить события, связанные со вторым и особенно третьим вариантами действий (см. напр. Костромичев 2010: 8-12). С ними (по большей части с последним) исследователи в разное время ассоциировали находящиеся в пределах изучаемой территории крепость Харакс и два святилища у её стен (Ростовцев и др.), другие укрепления, позже оказавшиеся средневековыми (Ростовцев, Дьяков, Репников), некоторые функционально неидентифицированные памятники (Зубарь 1994: 76-77, рис. 11: 7), некрополь с погребениями остатков кремации на мысе Ай-Тодор (Блаватский, Орлов). Собственно римские объекты были атрибутированы по яркому, хорошо выделяющемуся на фоне местных древностей археологическому и эпиграфическому материалу, а прочие – по местоположению и морфологии, соответствующим реконструируемой по географически отдаленным аналогиям картине тотальной оккупации Римом Таврики (Дьяков) или других действий его военно-морских сил (Репников), а также по массовому керамическому материалу «античного» облика (рис. 3: 3). В нач. XXI в. как достоверно римские обоснованно воспринимаются лишь комплексы Харакса. Они располагаются на юго-западе рассматриваемого региона и образуют южную часть крымского ареала такого рода памятников (Зубарь 2001-2002: рис. 119), обычно связываемого с территорией Херсонесского государства (Бертъе-Делагард 1907: 24-25; Зубарь 2004: 176 и сл.).

Как объекты, оставленные «пришлыми северными варварами», рассматриваются расположенные на юго-западе и в центре Южной Таврики немногочисленные и своеобразные некрополи позднеримского времени с погребениями остатков кремаций. Исходя из прослеженных особенностей погребального обряда специалисты объединяют их в группу памятников «типа Ай-Тодор», которую, видимо руководствуясь в основном своими общими взглядами на ход исторического процесса («автохтонистски-эволюционными» или «миграционистски-революционными») считают либо генетически однородной с известными в Предгорьях (в Инкерманской долине, по границе хоры Херсонеса) биритуальными могильниками, либо воспринимают как особое явление, напрямую связанное с некоторыми археологическими культурами Восточной и/или Северной Европы. Иногда подвергается сомнению и гомогенность группы (см. Мыц и др. 2006: 178-180). Этнополитическая атрибуция этих объектов, основанная на результатах сопоставления их морфо-

логии, хронологической позиции и косвенных данных нарративной традиции, остается дискуссионной (потомки римских военнослужащих из Харакса и/или Херсонеса, славяне, германцы – участники «Скифских» войн, германцы – симмахарии Империи (Херсонеса), германцы – римские ауксиллярии). Разнообразны взгляды на обстоятельства и пути проникновения в пределы рассматриваемой территории оставившего памятники населения, на масштабы (политическое значение) его присутствия, и дальнейшую (после прекращения функционирования некрополей) судьбу (см. Мыц и др. 2006: 180-188). В основном это обусловлено неоднозначностью трактовки сведений древних авторов, на которую всегда оказывала существенное влияние политическая конъюнктура (поиски в Таврике «ранних готов», необходимость «разоблачить готские фальсификации в истории Крыма», найти следы колонизации полуострова славянами, реабилитировать мнение о существенной роли германского этнического компонента в Горном Крыму и обнаружить археологические памятники, иллюстрирующие сведения древних авторов о готах в Северном Причерноморье в III в. н.э.) (см. Колтухов, Юрочкин 2004: 111, 112).

С присутствием в пределах Южной Таврики Боспорского государства и его представителей исследователи соотносят Кутлакское укрепление, некоторые археологические объекты Судака и Таракташское святилище, расположенные на крайнем северо-востоке рассматриваемого региона. Обосновывая эти взгляды, специалисты обращают внимание на местоположение, морфологию (в частности особенности объемно-планировочных решений крепости и храмов) и возможную стадиальную принадлежность объектов, а также на некоторые эпиграфические, нумизматические и другие «античные» находки (Мыц, Лысенко 2001; Ланцов 2005; Масленников 2007: 478-480).

Те же памятники (Кутлак, Таракташ), с учетом «варварского» облика обнаруженных при их изучении керамических комплексов, иногда связывают с поздними скифами (наемники – боспорские пограничники) (лит. см. Храпунов 2004: 116; Масленников 1994: 180-182; Гарбуз 2008: 387, 408). Помимо прочего такая атрибуция, возможно, порождена представлением о абсолютном преобладании «греков» (скорее не как этнической реальности, а как носителей «античной» культуры) (см. Корпусова 1983: 94-96; Масленников 1990: 217-221) среди населения Боспора (в противовес преобладавшей ранее теории его «сарматизации») (см. Блаватский 1959: 32-34). Кроме того, высказывалось возникшее, видимо, под впечатлением от результатов исследования многочисленных памятников Позднескифской археологической культуры предположение о том, что в I–II вв. н.э. рассматриваемая территория полностью или частично входила или была под контролем Скифского государства (Веймарн 1951: 267-269).

Проявление христианизации Южной Таврики в римское время некоторые специалисты, без какой либо существенной дополнительной аргументации,

видят в прекращении или свертывании функционирования располагавшихся в регионе римских и «варварских» сакральных комплексов (святилища Ауткинское [Бертъе-Делагард 1907: 24], Харакс-I [Дьяков 1930: 47-48] и Таракташское [Масленников 2007: 480], некрополи типа Ай-Тодор [Пиоро 1990: 109; Пиоро 1999: 77; Айбабин 1987: 194; Амброз 1994: 39]).

Попытки создания общих согласованных схем развития исторического процесса в Южной части Горного Крыма римского времени, основанных на результатах изучения расположенных здесь археологических объектов соответствующего периода, практически не предпринимались (см. Lysenko 2014). Как правило, эти данные использовались при рассмотрении более или менее частных сюжетов этнополитической истории региона, обычно в контексте перечисленных выше традиционных направлений исследования. Среди касающихся Южной Таврики историко-археологических экскурсов выделяются труды, посвященные таврам (Шульц 1959), Херсонесу (Зубарь 2004) и римскому военному присутствию (Ростовцев 1900; Дьяков 1942; Зубарь 2001-2002), «аланам» и «готам» (Сидоренко 1994: 12-14; Сидоренко 1994а: 66-68; Пиоро 1999: 76-77; Пиоро 1999: 231-233; Айбабин 1999а: 244-245). Реконструкции исторического процесса в них осуществлялись в основном на базе информации нарративной традиции (интерпретация которой неоднозначна, часто обусловлена устоявшимися стереотипами и политической конъюнктурой), эпиграфических документов и нумизматических находок. Для многих из этих работ характерно гипертрофирование роли изучаемых этносов, надэтнических структур и государственных образований, а также восполнение пробелов в исходных данных путем временной или пространственной экстраполяции известных свойств и состояний сходных явлений на исследуемые (см. Ковальченко 2003: 241-242) без всестороннего обоснования корректности процедуры. Так использовались, например, сообщения историков эллинистического времени о «таврах», результаты раскопок расположенных в Предгорьях и на Южнобережье поселений и некрополей Кизил-Кобинской и Таврской культур IX–II(?) вв. до н.э., а также, видимо, Позднескифской культуры III–II вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. (Шульц 1959), общие сведения нарративной традиции о политике Рима на Востоке (Ростовцев 1900), в Германии (лимес), Британии (оккупация) (Дьяков 1941) и на Кавказе (охрана каботажных трасс) (Репников 1941), данные о ходе «скифских» войн, Херсоно-боспорского и Боспоро-херсонесских конфликтов (Сидоренко 1994; Айбабин 1999). При этом археологические материалы Южной части Горного Крыма привлекались в ограниченном объеме, обычно лишь для иллюстрации полученных результатов, иногда без опоры на аргументированную хронологическую, функциональную и культурную атрибуцию комплексов. В связи с этим содержание (структура, выводы) таких трудов (особенно вышедших на этапах I–II) было в значитель-

ной степени предопределено упомянутыми выше тенденциями, возникшими при работе с историческими источниками.

В то же время рост объема данных, полученных при исследовании археологических объектов (III и начало IV этапов), а также изменение политической конъюнктуры позволили специалистам с одной стороны пересмотреть взгляды на значение исторических сведений о «таврах» и «Скифском государстве» римского времени (лит. см. Храпунов 2004: 63-66; Колтухов, Юрочкин 2004: 95-99), с другой – на новом методическом уровне привлечь к разработке проблем, связанных с историей Южной Таврики, большой массив косвенной для этого региона нарративной информации о «готах» в III в. Изменение структуры базы источников спровоцировало смещение внимания исследователей от проблем «культуры местного населения» в сторону тем «римского военного присутствия» и, особенно, «проникновения в Южный Крым готов».

Видимо под влиянием тех же обстоятельств началось формирование нового взгляда на историко-географическое районирование всего полуострова (состоит из «восточного [боспорского], степного и юго-западного» регионов, характеризующихся «своими особенностями этноисторического развития» [Ушаков 2010: 7]), а также на некоторые частные и общие особенности хода исторического процесса в Южной Таврике рассматриваемого периода. Так в трудах IV этапа, посвященных проблемам проникновения и деятельности на полуострове представителей указанных иноземных надэтнических образований, видимо на основании информации о взаиморасположении известных археологических объектов, материалы изучения которых позволяют судить об этих событиях, Юго-Западный и Южный Крым (или Юго-Западный Крым как «западные части Предгорья, Главной гряды и Южного берега» [Ушаков 2010: 10]) иногда рассматриваются как «Таврика в узком смысле слова» – единый политически и «общностью исторических судеб» связанный с Херсонесом регион (см. Высотская 1972: 3; Зубарь 1994: 6-8; Зубарь 1998: 113; Ушаков 2010: 10, 11). За его северную границу некоторые специалисты по истории и археологии принимают «низкую третью... грядку, оседлое население которой отступило на Юг после гибели скифского царства в середине III в.» (Амброз 1994: 31), а восточную проводят по Алуштинской долине, г. Чатыр-Даг и «водоразделу р. Салгир» (Веймарн 1951: 11; Якобсон 1970: 6, 12; Фирсов 1990: 15; Ушаков 2010: 10) (при этом Главная гряда Крымских гор по мнению одних исследователей разделяла [Веймарн 1951: 202; Домбровский 1961: 161; Якобсон 1970: 11; Колтухов, Вдовиченко 1997: 24], а по мнению других – объединяла регион, являясь сухопутной транспортной артерией [Новиченкова Н. 2000: 42]). Возможно отчасти благодаря влиянию этих «географических» построений¹ при определении ареала

непосредственного римского военного присутствия на полуострове, несмотря на то, что крайняя от Херсонеса к «востоку» известная в Южной Таврике стоянка римских войск (Харакс) находится значительно «западнее» традиционных «восточных» пределов Юго-Западного Крыма, было сформулировано не подкрепленное пока соответствующим археологическим материалом (см. Лысенко 2010: 276) предположение о вероятном наличии римского военного поста в Алуштинской долине и граница подконтрольной (со 2 пол. I или кон. II вв.) Херсонесу и Риму территории умозрительно проведена по Алуштинской долине и Кебитскому перевалу (см. Зубарь 1994: 59, 61-62, 76-77, рис. 11; Зубарь 1998: 113-115, рис. 41; Зубарь 2004: 186-187). Вероятно тем же объясняется тенденция к допущению преемственности в расположении в Южной части Горного Крыма стоянок римских войск и некрополей типа «Ай-Тодор», связываемых с германцами (Зубарь 1998: 148-149; Зубарь 2000: 198; Зубарь 2004: 200-203; Зубарь 2005б: 128-129) (или другими романизованными варварами), по мнению некоторых исследователей расселенными здесь в качестве союзников Херсонеса и Восточно-Римской империи (Зубарь 1998: 153; Труфанов, Юрочкин 1999: 242; Юрочкин 1999: 280). Этим в свою очередь, помимо общего сходства погребального обряда, видимо, косвенно «подтверждается» мнение о гомогенности группы памятников типа «Ай-Тодор» и возможное присутствие римлян в Алуштинской долине (см. напр. Karasiewicz-Szczypiorski 2011: 184 etc.). Не исключено, что такие представления имплицитно детерминированы и определенной частью спектра существующих взглядов на локализацию заселенной готами «страны Дори» Прокопия Кессарийского (Южнобережье и/или Юго-Западный Крым с центром на Мангупе) (лит. см. Васильев 1921: 45-49, 69-71, 77-78; Фирсов 1979; Пиоро 1990: 58-66), которые, помимо прочего, базируются и на результатах картографирования некрополей, соответственно типа «Ай-Тодор» (Храпунов 2004: 145-146) и «Суук-Су» (см. напр. Амброз 1994: 64). С южнобережным вариантом размещения «Дори» в какой-то мере согласуется высказанное ранее предположение о том, что «длинные стены» на перевалах Главной гряды могли быть возведены еще в период «римской оккупации» (в финальной части римского времени, таврами, «для защиты от степных кочевников» [Шульц 1959: 253]) и впоследствии частично отстроены при Юстиниане I (Домбровский 1961: 166) для защиты готов Прокопия Кесарийского (Шульц 1959: 257; Соломоник, Домбровский 1968: 17-44).

В шлейфе системы перечисленных допущений находится и недавняя попытка создания модели этнической ситуации на территории юго-западной части Крыма в III – сер. VI вв. на базе письменных, археологических и антропологических источни-

¹ Видимо в какой-то мере базирующихся также на впечатлении от различной степени освоенности и изученности, а также

от своеобразия естественно-географических условий юго-западной и северо-восточной частей Южной Таврики (см. напр. Дюбуа-де-Монпере 2009: 136-137, 141; Подгородецкий 1988: рис. 8: Б – III – 8, 9).

ков (Ушаков 2010: 42-43). В качестве основных для исследования задекларированы материалы археологического изучения погребальных памятников (Ушаков 2010: 10, 38), а из объектов Южной Таврики привлечены некрополи с захоронениями остатков кремаций Ай-Тодор и Чатыр-Даг (Ушаков 2010: 43). Таким образом, в этом труде освещена часть рассматриваемой темы (юго-запад Южнобережья позднеримского времени). При этом, однако, не были учтены результаты исследования других расположенных здесь комплексов, существовавших в III–IV вв. (в частности пещерных некрополей и святилищ), что не позволяет считать исходный материал работы репрезентативным.

В целом можно констатировать, что к изучению Южной Таврики римского времени привлекался широкий круг источников (исторические, эпиграфические, нумизматические, археологические), при интерпретации которых применялись общенаучные и соответствующие специальные методы исследования, однако целесообразность методики этих процедур часто не обосновывалась. В процессе формирования источниковой базы иногда недостаточно внимания уделялось различным аспектам репрезентативности исходного материала, в частности, применению существующих и разработке новых конкретно-проблемных методов его отбора, эмпирического познания и первичного обобщения. Явно недостаточно использовались естественнонаучные методы. Возможности, открывающиеся при их корректном комбинировании с методами наук преимущественно гуманитарного спектра (истории, этнографии, географии, археологии и др.) остались во многом нереализованными.

Общая согласованная (непротиворечивая) схема развития этнополитической ситуации в Южной части Горного Крыма отсутствует, поскольку при написании обобщающих работ выбор пространственных и временных границ исследований в большинстве случаев был обусловлен преимущественной направленностью специалистов на изучение отдельных конкретных субъектов исторического процесса.

Из источников, обычно используемых при изучении Южной Таврики римского времени, наиболее объективными являются эпиграфические, нумизматические и археологические. Эти категории материала дополняют друг друга, постоянно накапливаются в ходе исследования и позволяют корректировать (оптимизировать) трактовку сведений нарративной традиции. Эпиграфические документы, выявленные к нач. XXI в., достаточно обстоятельно изучены и интерпретированы. В то же время значительная часть известных нумизматических и археологических материалов в полной мере не привлекалась к обобщающим построениям. Из них особенно существенны результаты исследований археологических объектов, выполненных в посл. четв. XX – нач. XXI вв., с которыми связаны и многие нумизматические находки. В связи с этим очевидно, что в настоящее время археологические материалы следует считать основным источни-

ком для создания непротиворечивой схемы развития этнополитической ситуации в Южной Таврике римского времени.

Оценивая репрезентативность этих данных следует отметить, что она во многом зависит от общего характера рассматриваемых проблем, а сложность её определения преимущественно обусловлена изначальной неполнотой информации, заключенной в археологических источниках (Клейн 1995: 116-117). Принимая за цель комплексную характеристику Южной части Горного Крыма римского времени и учитывая то, что общее количество и ассортимент располагающихся в регионе археологических объектов рассматриваемого периода не известны, целесообразно в этой работе опираться на материалы одной или нескольких близких категорий памятников, достаточно хорошо изученных, информативных, широко представленных количественно и типологически разнообразных, а также характеризующихся максимальной вариабельностью по сочетанию таких признаков как хронологический диапазон и особенности местоположения (см. Ковальченко 2003: 227). Прочие сведения в этом случае привлекаются к исследованию как вспомогательные. Исходя из такого подхода наиболее репрезентативной частью археологических материалов Южной Таврики 2 пол. I в. до н.э. – IV в. н.э. следует считать результаты изучения сакральных комплексов (святилищ и некрополей), которые составляют около 1/3 от всех выявленных объектов. Общая степень их изученности – не менее 50% (прочих – не более 5%).

Выводы. В итоге за все время исследования Южной части Горного Крыма 2 пол. I в. до н.э. – рубежа IV–V вв. (180 лет) были проанализированы относящиеся к ней исторические источники, обнаружено и в той или иной степени изучено более полусотни располагающихся на её территории археологических объектов (святилища, некрополи, предполагаемые места кораблекрушений, портпункт, производственный комплекс, укрепления, поселения). Выделены основные аспекты истории региона. Из них наиболее полно разработана проблема римского военного присутствия. Вопросы, связанные с наличием/отсутствием и культурой аборигенного населения, влиянием Боспорского государства, а также с деятельностью в Южной Таврике германцев и других «скифов», освещены недостаточно. Практически не рассмотрена возможность проникновения в регион носителей «Позднескифской» археологической культуры. Основная причина существования этих пробелов – недостаточное использование накопленных к настоящему времени археологических материалов, в частности, довольно репрезентативных результатов исследования святилищ и некрополей. Выполненная на современном методическом уровне комплексная характеристика Южной части Горного Крыма римского времени как отдельного объекта изучения отсутствует, поскольку ранее такая исследовательская задача специально не ставилась. В то же время этот

регион, расположенный между относительно неплохо изученными Крымской Скифией, Херсонесским и Боспорским государствами, является одной из наименее исследованных частей Крыма рассматриваемого периода.

Его всестороннее исследование позволит не только составить целостное представление о Таврике римского времени, но и конкретизировать сведения о истории всего полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

- Агбунов М.В. 1992. *Античная география Северного Причерноморья*. Москва: Наука.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 1999. Археологические исследования храма монастыря Святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма. В: *Отчетная археологическая сессия за 1998 год*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 21-29.
- Айбабин А.И. 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. В: Айбабин А.И., Высотская Т.Н., Зубарь В.М. (ред.). *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 164-199.
- Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ I*. Симферополь, 4-86.
- Айбабин А.И. 1996. Население Крыма в середине III–IV вв. *МАИЭТ V*. Симферополь, 290-303.
- Айбабин А.И. 1999. О дате вторжения германцев в Крым. В: Левада М.С. (ред.-упор.). *Сто лет Черняховской культуре*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 242-251.
- Айбабин А.И. 1999а. *Этническая история ранне-византийского Крыма*. Симферополь: ДАР.
- Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. 1993. Основные проблемы этнической истории Крыма. *МАИЭТ III*. Симферополь, 211-222.
- Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. *МАИЭТ IV*. Симферополь, 31-88.
- Андросов С.А. 2004. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны. *Историческое наследие Крыма 6-7*. Симферополь, 171-180.
- Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Олигархия.
- Антонова Е.В. 1990. *Обряды и верования первобытных земледельцев Востока*. Москва: Наука.
- Ашик А.Б. 1848. *Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Часть первая*. Одесса: Типография г. Неймана М.К.
- Бабенчиков В.П. 1958. Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень. В: Смирнов А.П. (ред.). *История и археология средневекового Крыма*. Москва: Издательство АН СССР, 88-146.
- Баранов И.А., Ланцов С.Б. 1993. Исследования Кутлакской крепости в Юго-Восточном Крыму. В: Козак Д.Н. (відп. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 1991 року*. Луцьк: Надстир'я, 7-8.
- Барбаро Иосафат. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е.С. (вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент.). *Барбаро и Контарини в России: К истории итало-русских связей в XV в.* Ленинград: Наука, 113-187.
- Башкиров А.С. 1914. Историко-археологический очерк Крыма. В: *Крым. Путеводитель*. Симферополь: Типография Тавр. Губ. Земства, 156-283.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1907. Случайная находка древностей близ Ялты. *ЗООИД XXVII/V*, 19-27.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК 57*, 1-135.
- Блаватский В.Д. 1933. Предварительный отчет о раскопках Харакса в 1932 г. *ПИМК 1-2*, 55-60.
- Блаватский В.Д. 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. *ВДИ 2(3)*, 321-335.
- Блаватский В.Д. 1951. Харакс. *МИА 19*, 250-291.
- Блаватский В.Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Москва: Изд-во АН СССР, 7-39.
- Брайчевский М.Ю. 1989. *Утверждение христианства на Руси*. Киев: Наукова думка.
- Браун Ф.А. 1899. *Разыскания в области гото-славянских отношений I: Готы и их соседи до V века: Первый период: Готы на Висле*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Брун Ф.К. 1880. Материалы для истории Сугдеи. В: *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России, 1852–1877. Ч. 2*. Одесса: Типография Г. Ульриха, 121-158.
- Буданова В.П. 1990. *Готы в эпоху Великого переселения народов*. Москва: Наука.
- Булгаков В.В., Булгакова В.И. 2006. Подводные скопления печатей в Судаке и Херсонесе: историографический феномен. В: Куковальская Н.М. (глав. ред.). *Материалы III Судакской международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 18-21 сентября 2006 г.). Том II*. Киев–Судак: Академперіодика, 42-48.
- Буров Г.М. 1991. Физико-географические области Крыма и хозяйственно-культурная дифференциация его населения в каменном, бронзовом и раннем железном веке. В: *Научная конференция «Проблемы истории Крыма»: Тезисы докладов. Вып. 1*. Симферополь: Гортитопография, 17-19.
- Буров Г.М. 2008. Ландшафтные зоны Крыма и хозяйственно-культурная дифференциация его древнего и средневекового населения. В: Петрова Э.Б. (глав. ред., сост.). *Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко*. Симферополь: Сонат, 196-204.
- Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму. *ИРАИМК 1/1*.
- Васильевский В.Г. 1912. Житие Иоанна Готского. В: *Труды В.Г. Васильевского в 4 томах. Том 2. Русско-ви-*

зантийские отрывки. Выпуск 2. Санкт-Петербург: Издательство Императорской Академии наук, 351-427.

Веймарн Е.В. 1947. *Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. Пушкина. 1947 год.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Архив Бахчисарайской станции. Инв. кн. А. № 1. Папка 1.

Веймарн Е.В. 1951. *Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья.* Научный архив ИА НАНУ. Рукописный фонд. № 38.

Веймарн Е.В. 1955. *К вопросу о периодизации истории феодальных отношений в Крыму.* Научный архив ИА НАНУ. Рукописный фонд. № 41.

Веймарн Е.В. 1968. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. В: Домбровский О.И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма.* Киев: Наукова думка, 45-82.

Веймарн Е.В. 1971. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму. В: Шевченко Ф.П. (відп. ред.). *Середні віки на Україні I.* Київ: Наукова думка, 61-65.

Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф. 1952. К вопросу о славянах в Крыму. *ВИ 4*, 94-99.

Виноградов Ф.А. 1910. *Римские развалины на Ай-Тодоре.* Санкт-Петербург: Типография В.Д. Смирнова.

Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. 2005. *Laudatio Funebri* из Пантикапея. *ВДИ 2*, 42-44.

Вознесенская Г.А., Левада М.Е. 1999. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка технологического анализа и технология производства. В: Левада М.С. (ред.-упор.). *Сто лет Черняховской культуре.* Киев: Товариство Археології та Антропології, 252-276.

Высотская Т.Н. 1972. *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.* Киев: Наукова думка.

Высотская Т.Н. 2000. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский). *Донская археология 3-4*, 83-92.

Гарбуз И.А. 2005. Амфорная тара поселения римского времени Таракташ в Крыму (по материалам исследований 2002-2003 гг.). В: Ерёмченко В.Е. (ред.). *Альманах молодых археологов 2005 (по материалам II Международной студенческой научной конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири).* Санкт-Петербург: Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История», 148-182.

Гарбуз И.А. 2008. Керамический комплекс поселения римского времени Таракташ в Юго-восточном Крыму. В: *Сугдейский сборник III.* Киев-Судак: Академперіодика, 385-418.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. *Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа).* Москва: ОНТИ ПНЦ РАН.

Голенко В.К. 2007. *Древний Киммерик и его округа.* Симферополь: Сонат.

Голенко К.В. 1963. Находка монет у подножия горы Аю-Даг. *НЭ IV*, 110-117.

Гольдин П.Е., Старцев Д.Б. 2011. Костные останки жертвенных животных из святилища Гурзуфское

Седло. В: Новиченкова Н.Г. (отв. ред.). *III международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме» (Ялта, 28-30 апреля 2011 г.): Тезисы докладов и сообщений.* Ялта: РИО КГУ, 31-32.

Грацианская Л.И. 2004. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio». Cap. 53. lín. 1-492). В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть I.* Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 87-94.

Данилевич В. 1907. Заметки о древностях в окрестностях д. Кикенеиз Ялтинского уезда. *ИТУАК 40*, 56-60.

Дашкевич М., Шнайдер Г. 2005. К проблеме мест производства римской черепицы в Юго-Западном Крыму. В: Сарновски Т. Римская черепица Южного Крыма. *МАИЭТ XI.* Симферополь, 133-140.

Джанов А.В. 2004. Сугдея в III-VII вв. В: Куковальская Н.М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник.* Киев; Судак: Академперіодика, 45-74.

Джанов А.В. 2006. Судакская крепость. Двести лет исследований. В: Куковальская Н.М., Плешков В.Н. (отв. ред.). *Елена Чеславовна Скржинская. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика.* Киев-Судак-Санкт-Петербург: Академперіодика, 322-357.

Домбровский О.И. 1961. Стародавні стіни на перевалах Головного пасма Кримських гір. *Археологія XII*, 155-167.

Домбровский О.И. 1969. Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела Археологии Крыма ИА АН УССР в 1965-68 гг. В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 4. № 547. Папка 911, 1-45

Домбровский О.И. 1969а. Археологическое обследование Гурзуфской котловины. В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 4. № 547. Папка 911, 222-230.

Домбровский О.И. 1969б. Археологические исследования руин Гурзуфской крепости (1963, 1965-67 гг.). В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 4. № 547. Папка 911, 198-221.

Домбровский О.И. 1972. *Крепость в Горзувитах.* Симферополь: Таврия.

Домбровский О.И. 1974. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.* Киев: Наукова думка, 3-56.

Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. 1975. *Аю-Даг – «Святая» гора.* Симферополь: Таврия.

Дорошко В.В. 2005. Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма. В: *Сугдейский сборник II.* Киев-Судак: Академперіодика, 447-453.

- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова Думка.
- Дьяков В.Н. 1930. Древности Ай-Тодора. *Сборник трудов Алушкинского историко-бытового музея I*. Ялта: 5-я Государственная типография Крымполиграфтреста.
- Дьяков В.Н. 1939. Древняя Таврика до римской оккупации. *ВДИ* 3, 72-86.
- Дьяков В.Н. 1941. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. *ВДИ* 1, 87-97.
- Дьяков В.Н. 1942. Таврика в эпоху римской оккупации. *Ученые записки МГПИ* 28/1, 3-92.
- Дьюба де Монпере Ф. 2009. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. – Париж, 1843. – Т. 5, 6. Пер., предисл. и коммент. Т.М. Фадеевой*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Жук С.М., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. 1995. *Отчет об охранных работах Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ в Парментите в 1994 году*. Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1480. Папка 1843.
- Заключение... 1969. – Заключение комиссии по археологическому исследованию средневековой крепости в Гурзуфе. В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 4. № 547. Папка 911, 231-235.
- Заморяхин А. 2003. Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии. В: Зайков А.В. (отв. ред.). *Исседон – Ἰσσηδιῶν: Альманах по древней истории и культуре. Том II*. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 171-183.
- Зеленко С.М. 1999. Работы подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на южном берегу Крыма в 1991–1995 гг. В: Гладких М.И. (гол. ред.). *Vita Antiqua* 1. Киев: ВПЦ «Киевский университет», 65-70.
- Зеленко С.М. 2008. *Подводная археология Крыма*. Киев: ИД «Стилос».
- Зограф А.Н. 1941. Находки монет в святилищах на Черноморье. *СА VII*, 152-159.
- Зубарев В.Г. 2005. *Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции*. Москва: Языки славянской культуры.
- Зубар В.М. 1990. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса. *Археологія* (2), 107-114.
- Зубар В.М. 1991. Новый латинский напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики. *Археологія* (1), 118-127.
- Зубар В.М. 1993а. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці. *Археологія* (1), 66-70.
- Зубарь В.М. 1994. *Херсонес Таврический и Римская империя*. Киев: РИО «Киевской Академии Евробизнеса».
- Зубарь В.М. 1998. *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.)*. Киев: ИА НАНУ.
- Зубарь В.М. 2000. Римская крепость Харакс. *STRATUM plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 176-200.
- Зубарь В.М. 2001-2002. Римское военное присутствие в Таврике. *STRATUM plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 8-179.
- Зубарь В.М. 2002. Еще раз по поводу позднескифской государственности. *МАИЭТ IX*, 501-520.
- Зубарь В.М. 2003. Римское военное присутствие и население Таврики во II – первой половине III вв. В: Гладких М.И. (гол. ред.), Пиоро И.С. (відпов. ред.). *Vita Antiqua* 5-6. Киев: ВПЦ «Киевский университет», 136-152.
- Зубарь В.М. 2003а. Латинские эпитафические памятники Пантикапея. *БИ III*, 38-48.
- Зубарь В.М. 2003б. По поводу датировки надписи из Преслава с упоминанием Боспорской войны. *БИ III*, 198-203.
- Зубарь В.М. 2004. *Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху*. Киев: Шлях.
- Зубарь В.М. 2004а. Римские гарнизоны Таврики. Некоторые итоги и перспективы исследования. В: Новиченкова Н.Г. (ред.-сост.). *Всеукраинская научно-практическая конференция «Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра» (Ялта, 24-26 апреля 2002 г.)*. Материалы. Ялта: РИО КГГИ, 8-13.
- Зубарь В.М. 2005. Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II вв. до н.э. В: Зубарь В.М. и др. (ред.). *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев: Академперіодика, 209-242.
- Зубарь В.М. 2005а. Латинские лапидарные надписи римской крепости Харакс. *НЭ XVII*, 55-69.
- Зубар В.М. 2005б. Про характер контактів Херсонеса і населення Таврики в другій половині III–IV ст. В: Зубар В.М. (відпов. ред.). *Археологія у Києво-Могилянській Академії*. Київ: ВД «Стилос», 126-134.
- Зубарь В.М., Козак Д.Н. 1992. Рец.: Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). – Киев: Лыбидь, 1990. *Археологія* (1), 127-131.
- Зубарь В.М., Шмалько А.В. 1993. Римско-боспорская война и Херсонес. В: Тошев Г.Н. (отв. ред.). *Древности степного Причерноморья и Крыма IV*. Запорожье, 225-230.
- Иванова С.В. 2004. Исторические реконструкции и археологические реалии (ямная культурно-историческая область). В: Турченко Ф.Г. (гол. ред.). *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету XVIII*. Запоріжжя: Просвіта, 330-359.
- Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1, 59-77.
- ИТУАК № 10. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1890.

- Казанский М.М. 1991. О происхождении могильников типа Ай-Тодор. В: *Научная конференция «Проблемы истории Крыма» (Симферополь, 23-28 сентября 1991 г.): Тезисы докладов I*. Симферополь: Гортипография, 56-57.
- Казанский М.М. 1997. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье. В: *Международная научная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6-11 июня 1997 г.): Тезисы докладов*. Симферополь, 48-51.
- Казанский М.М. 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов. В: Терпиловский Р.В. (глав. ред.). *Готы и Рим*. Киев: ИД «Стилос», 26-41.
- Камелина Г.А. 2012. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В.Д. Блаватского в 1935 г.). *ПИФК* 2(36), 46-90.
- Катюшин Е.А. 1994. Об античной Кафе. В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.): Тезисы докладов*. Симферополь, 28-30.
- Катюшин Е.А. 2009. Некоторые особенности внешнего облика боспорских статеров второй четверти III в. н.э. в свете римско-боспорских отношений. *МАИЭТ XVI*. Симферополь, 525-533.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. 2008. Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11. *Древности Боспора* 12/1, 340-362.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В. 2002. К вопросу о плитах с иудейской символикой на Боспоре Киммерийском. В: Зинько В.Н. (ред.-сост.). *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений (Керчь, 20-23 мая 2002 г.)*. Керчь: Центр археологических исследований, 132-138.
- Кёппен П.И. 1836. *Указатель к карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику Петра Кёппена*. Санкт-Петербург: ИАН.
- Кёппен П.И. 1837. *Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. Санкт-Петербург: ИАН.
- Кизилов М.Б. 2011. *Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней*. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ».
- Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.). В: Мыц В.Л. (глав. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена)*. Киев: Стилос, 205-245.
- Клейн Л.С. 1995. *Археологические источники. Классика археологии. Вып. 2*. Санкт-Петербург: ФАРН.
- Клейн Л.С. 2001. *Принципы археологии*. Санкт-Петербург: Бельведер.
- Клейн Л.С. 2005-2009. Панорама теоретической археологии: русский текст с приложениями. *STRATUM plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 11-116.
- Клейн Л.С. 2005-2009. Полевой дневник археолога (памятка). *STRATUM plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 517-525.
- Ковальченко И.Д. 2003. *Методы исторического исследования*. Москва: Наука.
- Колотухин В.А. 1996. *Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века*. Киев: Южногородские ведомости.
- Колпаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О., Вишняцкий Л.Б., Власова Е.В., Ковалев А.А., Чеснокова Н.Н., Шаров О.В. 1990. *Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник*. Москва: ИА АН СССР.
- Колтухов С.Г. 1991. Пізньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму (матеріали до археологічної карти Кримської Скіфії). *Археологія* (4), 76-89.
- Колтухов С.Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь: Сонат.
- Колтухов С.Г. 2004. П.Н. Шульц и его роль в создании концепции Позднескифской культуры. В: Колтухов С.Г., Ланцов С.Б., Пуздровский А.Е. (ред.-сост.). *У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца)*. Симферополь: Издательство Крымского научного центра НАН Украины и МОН Украины, 50-54.
- Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И. 1997. Два кургана в междуречье Альмы и Качи. В: Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь: Таврия, 4-24.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. 2004. *От Скифии до Готии*. Симферополь: Сонат.
- Кондараки В.Х. 1873. *Универсальное описание Крыма. Часть I*. Николаев: Типография В.М. Краевского.
- Кондараки В.Х. 1875. *Универсальное описание Крыма. Часть 15. Том 4*. Санкт-Петербург: Типография В. Веллинга.
- Кондараки В.Х. 1883. *В память столетия Крыма. Этнография Крыма. Том I*. Москва: Типография В.В. Чичерина.
- Корженевский В.В., Клюкин А.А. 2000. *Биоиндикация современных процессов рельефообразования*. Ялта: Ялтинский институт менеджмента.
- КБН – Корпус Боспорских Надписей. 1965. Москва-Ленинград: Наука.
- Корпусова В.Н. 1983. *Некрополь Золотое: (К этнокультурной истории европейского Боспора)*. Киев: Наукова думка.
- Кострицкий М.Е., Терехова В.Н. 1957. К геоморфологии Крымского предгорья. *Известия Крымского педагогического института XXVIII*, 489-521.
- Костромичев Д.О. 2010. *Римська військова присутність у Херсонесі на початку I – у першій половині V ст. (за даними археології)*. Автореферат дис. ... канд. іст. наук. Київ: СНУЕіП.

- Крис Х.И. 1981. Кизил-Кобинская культура и тавры. *САИ ДІ-7*.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. *САИГ 4-4*.
- Кружилин Г. 1968. *Массандра. Отчет*. Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 5. № 870. Папка 1315.
- Кузьменко В.М. 1913. *Новый-Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. С краткими очерками по геологии и археологии местности, 2 схематическими картами, 89 иллюстрациями и планом поселка с его окрестностями*. Москва: Товарищество скоропечатни А.А. Левинсона.
- Кулаковский Ю.А. 1899. Новые данные для истории Старого Крыма. *Записки императорского Русского археологического общества: Новая серия 10 3/4: Труды Отделения археологии древне-классической византийской и западно-европейской 3*, 1-12.
- Кулаковский Ю. 2002. *Прошлое Тавриды*. Киев: Стилос.
- Ланцов С.Б. 1994. Изучение Кутлакского укрепления в Юго-Восточном Крыму. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь: Таврия, 180-183.
- Ланцов С.Б. 1997. Кутлакская крепость I в. до н.э. – I в. н.э. В: Мыц В.Л. и др. (ред.). *Археология Крыма 1*. Симферополь: Южногородские ведомости, 69-79.
- Ланцов С.Б. 1997а. Раскопки боспорской крепости Кутлак. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 185-189.
- Ланцов С.Б. 1999. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлаке – Афинеоне(?) Псевдо-Арриана. *ВДИ 1*, 121-136.
- Ланцов С.Б. 1999а. Античная крепость Афинеон в Таврике. В: Казарин В.П. (отв. ред.). *Материалы Третьей Крымской Международной научной конференции «Пилигримы Крыма. Осень-98 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме)» (Симферополь – Севастополь – Ялта – Алушка – Воронцовский дворец, 21–25 сентября 1998 г.)*. Симферополь: Крымский архив, 162-170.
- Ланцов С.Б. 2004. Башня в юго-восточной части Кутлакского пентагона. В: Куковальская Н.М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, 447-459.
- Ланцов С.Б. 2005. К вопросу о контроле за каботажным плаванием вблизи Судака на рубеже эр. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 226-230.
- Ланцов С.Б. 2007. Пятый сезон работ Кутлакской экспедиции. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1995 год*. Симферополь: Сонат, 92-96.
- Латышев В.В. 1892. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889-1891 гг. *Материалы по археологии России, издаваемые императорской Археологической комиссией 9: Древности южной России*, 1-64.
- Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России: С объяснениями В.В. Латышева*. Санкт-Петербург.
- Латышев В.В. 1899. Рецензия на книгу: Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899. *ФО 16/2*, 89-98.
- Латышев В.В. 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ 2*, 215-314.
- Латышев В.В. 1948а. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ 1*, 223-315.
- Латышев В.В. 1948б. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ 4*, 225-298.
- Латышев В.В. 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ 3*, 205-308.
- Лесков А.М. 1965. *Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры*. Киев: Наукова думка.
- Лысенко А.В. 1999. *Отчет о разведках в Горном Крыму в 1998 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1490. Папка 1853.
- Лысенко А.В. 2003. Пещерные некрополи Горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н.э. – IV в. н.э.). В: Гладких М.И. (гл. ред.), Піоро І.С. (відпов. ред.). *Vita Antiqua 5-6*. Київ: ВПЦ «Київський університет», 85-107.
- Лысенко А.В. 2004. Исследования Чатыр-Дагского некрополя в 2002 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр.* 6. Київ: ІА НАН України; Шлях, 36-39.
- Лысенко А.В. 2004а. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя (последняя треть III – IV вв. н.э.). В: Ланцов С.Б., Пуздровский А.Е., Колтухов С.Г. (ред.). *У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца)*. Симферополь: Крымский научный центр НАН Украины и МОН Украины, 226-239.
- Лысенко А.В. 2005. Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 230-236.
- Лысенко А.В. 2007. Римские монеты конца III – начала IV вв. в южной части Таврики. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь: Универсум, 187-192.
- Лысенко А.В. 2005-2009. Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). *STRATUM plus (4)*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 374-400.
- Лысенко А.В. 2010. «Поселения» римского времени Алуштинской долины / Древняя и средневековая Таврика. В: Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. (отв. ред.). *Археологический альманах 22*. Донецк: Донбасс, 259-277.
- Лысенко А.В. 2011. Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая. В: Козак

Д.Н. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні – 2010*. Киев-Полтава: ІА НАН України, 223-224.

Лысенко А.В. 2012. О формировании нумизматического комплекса святилища римского времени в Аутке (Южный Крым). *STRATUM plus* (6). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 81-104.

Лысенко А.В. 2014. Топонимика Южной части Горного Крыма римского времени. В: Мордвинцева В., Харке Г., Шевченко Т. (ред.). *Археологические и лингвистические исследования: Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь-Ялта, 20-23 сентября 2012 г.)*. Киев: ИД «Стилос», 101-122.

Лысенко А.В., Герасимов В.Е. 2008. О находках штоков античных якорей у мыса Плака в Крыму. *РА* (3), 120-124.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2002. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 59-88.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2006. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2005 г.* Научный архив ИА НАНУ. № 2005/30.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2009. *Отчет о раскопках культового комплекса (святилища) на вершине г. Чатыр-Даг (Эклизи-Бурун) в 2006 г.* Научный архив ИА НАНУ. № 2006/267.

Малицкий Н.В. 1933. Заметки по эпиграфике Мангупа. *ИГАИМК* 71.

Маркевич А.И. 1923. Очерк истории Тавриды. В: Вагин Л.С., Вульф Е.В., Двойченко П.А., Соколов В.В. (ред.). *Крым. Путеводитель*. Симферополь: Крымиздат, 172-226.

Масленников А.А. 1984. Харакс. В: Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. (отв. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР*. Москва: Наука, 50-57.

Масленников А.А. 1990. *Население Боспорского государства в первые века н.э.* Москва: Наука.

Масленников А.А. 1994. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым). *РА* (4), 176-184.

Масленников А.А. 2007. *Сельские святилища Еврпейского Боспора*. Тула: Гриф и К.

Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В. 1930. *Крым. Хрестоматия по истории края. Часть первая*. Симферополь: Крымское государственное издательство.

Махнева О.А. 1969. Раскопки малого храма в Форосе в 1967 г. В: *Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 4. № 547. Папка 911, 70-71.

Махнева О.А. 1971. Новые античные поселения на Южном берегу Крыма. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1968 г.: Информационные сообщения III*. Киев: Наукова думка, 83-84.

Махнева О.А. 1972. Новое античное поселение в пос. Фрунзенском. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Археоло-*

гические исследования на Украине в 1969 г.: Информационные сообщения IV. Киев: Наукова думка, 150-151.

Миллер В.Ф. 1888. Археологические разведки в Алуште и её окрестностях в 1886 году. *ДТИМАО XII*, 119-140.

Могаричев Ю.М. 2003. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму. *ХСб XII*, 287-300.

Могаричев Ю.М. 2014. Начальная история христианства в Тавриде: проблемы и гипотезы. В: игумен Алексей (Смирнов) и др. (ред. колл.). *Православие в истории и культуре Северного Кавказа. Материалы VI международных Свято-Игнатиевских чтений (14 мая 2014 г., г. Ставрополь)* I. Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 48-58.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. 2007. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»*. Симферополь: Антиква.

Мосберг Г.И. 1946. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма. *СА VIII*, 113-119.

Моця О. 2011. *Українци: народ і його земля (етапи становлення)*. Киев: Стародавній світ.

Мыц В.Л. 1981. Могильник IV–V вв. н.э. на южном склоне г. Чатыр-Даг. В: *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981 г.)*. Киев: [б/и], 133-134.

Мыц В.Л. 1983. Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг. В: Высотская Т.Н. (ред.). *Население и культура Крыма в первые века н. э.* Киев: Наукова думка, 153-156.

Мыц В.Л. 1984. *Отчет об охранных работах и разведках в Горном Крыму*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 233. Папка 509.

Мыц В.Л. 1987. Могильник III–IV вв. н.э. на склоне Чатырдага. В: Айбабин А.И., Высотская Т.Н., Зубарь В.М. (ред.). *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 144-164.

Мыц В.Л. 1988. Новый позднеантичный памятник Караби-яйлы. В: *Крымская научная конференция «Проблемы античной культуры» (19-24 сентября 1988 г.): Тезисы докладов*. Симферополь: [б/и], 299-300.

Мыц В.Л. 1989. Позднеантичные памятники Алуштинской долины. В: Вахтина М.Ю. (отв. ред.). *«Скифия и Боспор». Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14-17 марта 1989 года)*. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 77-79.

Мыц В.Л. 1994. Чатырдагский могильник последней трети III – первой половины V вв. н.э. (к вопросу о первоначальном месте расселения готов-тетрактитов). В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.): Тезисы докладов*. Симферополь, 44-45.

Мыц В.Л. 1999. Позднеантичный пещерный некрополь на г. Ай-Никола. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю.,

- Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред. и сост.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Материалы международной научной конференции (декабрь 1999). Санкт-Петербург: Синтез-Полиграф, 319-321.
- Мыц В.Л. 2009. *Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1999. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона. *STRATUM plus* (6). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 123-127.
- Мыц и др. 1997 – Мыц В.Л., Жук С.М., Лысенко А.В., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. 1997. Об охранных работах в Партените. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 202-204.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В. 2001. Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *«Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства»*. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 96-100.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Жук С.М. 1999. Пещерный позднеантичный некрополь на г. Ай-Никола. *ХСБ X*, 169-180.
- Мыц и др. 2007 – Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. 2007. Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ). В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 102-110.
- Мыц и др. 1997а – Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б., Щукин М.Б. 1997. Исследования Чатырдагского некрополя. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 211-221.
- Мыц и др. 1998 – Мыц В.Л., Лысенко А.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. 1998. *Отчет о раскопках позднеантичного святилища у с. Дачное (б. Таракташ) в 1995 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. № 1315. Папки 1677-1678.
- Мыц и др. 2006 – Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История».
- Назаров В.В. 2003. *Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины*. Киев: Стило.
- Нарушевич А. 1788. *Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен*. Киев: Типография Академии Киевской.
- Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. 2002. О нижней оборонительной стене римского укрепления Харакс. *МАИЭТ IX*. Симферополь, 27-36.
- Новиченкова К.В. 2000. Стекланные сосуды VI – I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. В: Ливицкая З.Г. (ред.). *IV Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары*. Симферополь: Таврия-Плюс, 14-20.
- Новиченкова К.В. 2001. Раннее античное стекло на территории Крыма. В: Казарин В.П. (отв. ред.). *Материалы Пятой Крымской Международной научно-практической конференции «Пилигримы Крыма. Осень 2000 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме)» (Симферополь, 7-8 октября 2000 г.) в двух томах. Том I*. Симферополь: Крымский архив, 205-214.
- Новиченкова К.В. 2002. Стекланные гладкостенные чаши из святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло. *МАИЭТ IX*. Симферополь, 15-26.
- Новиченкова М.В. 2009. О римской кольчуге из святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 283-286.
- Новиченкова М.В. 2011. Римская кольчуга Logica Namata I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло. *БИ XXV*, 271-297.
- Новиченкова М.В. 2011а. Фрагменты овальных римских щитов SCUTUM из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: Новиченкова Н.Г. (отв. ред.). *Материалы III международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме»: Тезисы докладов*. Ялта: РИО КГУ, 78-79.
- Новиченкова Н.Г. 1984. Работы Ялтинского краеведческого музея. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1982 года*. Москва: Наука, 307-308.
- Новиченкова Н.Г. 1993. Гурзуфское Седло: атрибутика обрядности святилища в сопоставлении с религиозными воззрениями скифов. *МАИЭТ III*. Симферополь, 228-233, 393-395.
- Новиченкова Н.Г. 1994. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Боспорский сборник* 4, 52-57.
- Новиченкова Н.Г. 1998. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *ВДИ* 2, 51-67.
- Новиченкова Н.Г. 2000. О древнем пути в Горном Крыму. В: Казарин В.П. (отв. ред.). *Материалы Четвертой Крымской Международной научной конференции «Пилигримы Крыма. Осень-99 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме)» (Симферополь, 16-17 сентября 1999 г.) в двух томах. Том 2*. Симферополь: Крымский архив, 38-44.
- Новиченкова Н.Г. 2000а. Браслеты и кольца из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: Ливицкая З.Г. (ред.). *IV Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары*. Симферополь: Таврия-Плюс, 3-9.
- Новиченкова Н.Г. 2001. Скифо-тавры по материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: Казарин В.П. (отв. ред.). *Материалы Пятой*

- Крымской Международной научно-практической конференции «Пилигримы Крыма. Осень 2000 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме)» (Симферополь, 7-8 октября 2000 г.) в двух томах. Том 1. Симферополь: Крымский архив, 214-219.
- Новиченкова Н.Г. 2002. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта: РИО КГГИ.
- Новиченкова Н.Г. 2004а. Латенские вещи из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: Ливицкая З.Г. (ред.). *VII Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары*. Симферополь: «Таврия-Плюс», 23-27.
- Новиченкова Н.Г. 2008. Горный Крым в пограничной зоне античной цивилизации. В: Петренко Л.В. (сост.). *X Дмитриевские чтения (16-17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма*. Симферополь: АнтикВА, 48-68.
- Новиченкова Н.Г., Новиченкова-Лукичева К.В. 2009. Комплексы с оружием и античным импортом II в. до н.э. – I в. н.э. в Горном Крыму и в Прикубанье. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 286-288.
- Новиченкова Н.Г., Новиченкова-Лукичева Х.В. 2009а. Будівельна кераміка з клеймами римської фортеці Харакс. *Археологія* (1), 61-71.
- Новиченкова-Лукичева К.В. 2008. Стекланные украшения из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: Петренко Л.В. (сост.). *X Дмитриевские чтения (16-17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма*. Симферополь: АнтикВА, 69-74.
- Новиченкова-Лукичева К.В. 2011. Стекланные полихромные изделия из святилища на Гурзуфском Седле. В: Новиченкова Н.Г. (отв. ред.). *Материалы III международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме»: Тезисы докладов*. Ялта: РИО КГУ, 81-82.
- Овчаров Д., Овчаров Н. 1988. Мраморная колонна III в. с надписью на латинском языке из Преслава. *Thracia* 8, 122-129.
- Ольховский В.С. 1981. Население Крыма по данным античных авторов. *СА* (3), 52-65.
- Ольховский В.С. 1990. До етнічної історії давнього Криму. *Археологія* (1), 27-38.
- Онайко Н.А. 1961. Сессия отделения исторических наук и пленум Института Археологии АН СССР, посвященное итогам полевых исследований 1960 г. *СА* (4), 286-294.
- Орлов К.К. 1976. *Отчет об археологическом обследовании холма Тоха-Дахыр и урочища Осман в Артеке в 1975 г.* Научный архив ИА НАНУ. № 1975/22 б.
- Орлов К.К. 1978. Исследования Харакса. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1977 года*. Москва: Наука, 366-367.
- Орлов К.К. 1980. Раскопки внутрикрепостной территории Харакса. В: *Археологические исследования на Украине в 1978–1979: Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР*. Днепропетровск, 115-116.
- Орлов К.К. 1982. Исследование римской крепости Харакс. В: *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981 г.)*. Киев: Наукова думка, 85-86.
- Орлов К.К. 1983. *Отчет о раскопках Ай-Тодорского некрополя в 1983 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 2. № 178. Папки 395-396.
- Орлов К.К. 1983а. Раскопки терм Харакса. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1981 года*. Москва: Наука, 298-299.
- Орлов К.К. 1984. Работы Ай-тодорского отряда. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1982 года*. Москва: Наука, 309-310.
- Орлов К.К. 1985. *Отчет о разведках на Южном берегу Крыма в 1982-1984 гг.* Научный архив КФ ИА НАНУ. № 535. Папка 896.
- Орлов К.К. 1985а. *Отчет о работе Южнобережного отряда ИА АН УССР в 1985 г. Текстовая часть. Том I*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 863. Папка 1306.
- Орлов К.К. 1985б. *Отчет о работе Южнобережного отряда ИА АН УССР в 1985 г. Иллюстрации. Том IV*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 863. Папка 1308б.
- Орлов К.К. 1985в. *Отчет о раскопках Ай-Тодорского некрополя в 1984 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 2. № 180. Папки 399-400.
- Орлов К.К. 1985г. Работы Южнобережного отряда. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1983 года*. Москва: Наука, 331-332.
- Орлов К.К. 1987. Ай-Тодорский некрополь. В: Айбабин А.И., Высотская Т.Н., Зубарь В.М. (ред.). *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 106-133.
- Орлов К.К. 1988. Архитектурные комплексы Харакса. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 16-27.
- Отчет... 1894 – Отчет по Музею Ялтинского отделения Крымского Горного Клуба к 1 января 1893 г. *ЗКГК* 4, 18-21.
- Паллас П.С. 1999. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. В: Левшин Б.В. (отв. ред.). *Научное наследство* 27. Москва: Наука, 19-224.
- Панов А.Р. 2002. Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников. *Античный мир и археология* 11, 106-108.
- Парфенов В.Н. 2011. К оценке римско-боспорских отношений в I–II вв. н.э. *БИ XXV*, 143-158.
- Паршина Е.А. 1986. Раскопки Кутлакской экспедиции. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1984 года*. Москва: Наука, 288-289.
- Пиоро И.С. 1990. *Крымская Готия*. Киев: Лыбидь.
- Пиоро И.С. 1997. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время. В: *Международная научная конференция «Херсонес в античном*

- мире. *Историко-археологический аспект* (Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997 г.): Тезисы докладов. Севастополь, 96-97.
- Пиоро И.С. 1998. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время. *ХСб IX*, 138-140.
- Пиоро И.С. 1999. Готи в Гірському Криму. В: Гладких М.І. (гол. ред.). *Vita Antiqua 1*. Киев: ВПЦ «Київський університет», 75-79.
- Пиоро И.С. 1999. Черняховская культура и Крым. В: Левада М.С. (ред.-упор.). *Сто лет Черняховской культуре*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 252-276.
- Подгородецкий П.Д. 1988. *Крым: Природа*. Симферополь: Таврия.
- Подосинов А.В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. Москва: Индрик.
- Попова Е.А. 2012. Городище «Чайка» позднеэллинистического времени и проблема истоков Позднескифской культуры. *ПИФК 2*(36), 3-17.
- Потехіна І.Д. 2009. Поховання немовлят у горщиках біля святилища Таракташ II: антропологічний аспект. *Археологія* (2), 50-54.
- Пуздровський О.С. 1989. Сармати в Неаполі Скіфському. *Археологія* (3), 30-39.
- Пуздровський О.С. 1992. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – перш. пол. III ст. н. е. *Археологія* (2), 125-135.
- Пуздровский А.Е. 1994. Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму. В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.): Тезисы докладов*. Симферополь, 55-56.
- Пуздровский А.Е. 1999. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.). *ХСб X*, 208-225.
- Пуздровский А.Е. 2001. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. *ВДИ 3*, 86-118.
- Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Равдоникас В.И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. *ИГАИМК XII*, 1-106.
- Репников Н.И. 1904. Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении. *ИТУАК 36*, 35-42.
- Репников Н.И. 1909б. Партенитская базилика. *ИАК 32*, 91-140.
- Репников Н.И. 1927. Предполагаемые древности тавров. *ИТОИАиЭ I*(58), 137-140.
- Репников Н.И. 1941. О характере римской оккупации южного берега Крыма. *СА VII*, 121-128.
- Ростовцев М.И. 1900, март. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове. *ЖМНП 328*, 140-158.
- Ростовцев М.И. 1908. Новые латинские надписи с юга России. *ИАК 27*, 55-67.
- Ростовцев М.И. 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. *ИАК 40*, 1-42.
- Ростовцев М.И. 1917. Цезарь и Херсонес. *ИАК 63*, 1-21.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор*. Москва: [б/и].
- Рубрук Вильгельм де. 1911. Путешествие в восточные страны в 1253 г. В: Малейн А.И. (пер.). *Плано Карпини Иоанн де. История монголов; Рубрук Вильгельм де. Путешествие в восточные страны*. Санкт-Петербург, 65-178.
- Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху*. Киев: ИД «Стилос».
- Сапрыкин С.Ю. 2005. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. *ВДИ 2*, 45-81.
- Сапрыкин С.Ю. 2005а. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху (историко-нумизматическое исследование)*. Москва: Институт всеобщей истории РАН.
- Саприкін С.Ю., Баранов І.А. 1995. Грецький напис із Судака. *Археологія* (2), 137-140.
- Сапрыкин С.Ю., Еромолин С.А. 2010. Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея. *ВДИ 3*, 72-84.
- Сарновски Т. 2000. О Боспорской войне в конце II в. н.э. В: Сарновски Т., Савеля О.Я. (ред.) *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. In: Mikocki T. (ed.). *Światowit, Supplement Series A: Antiquity, vol. V*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw university, 246-248.
- Сарновски Т. 2000а. Надгробие вольноотпущенников IOSPE I² 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонес. В: Сарновски Т., Савеля О.Я. (ред.) *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. In: Mikocki T. (ed.). *Światowit, Supplement Series A: Antiquity, vol. V*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw university, 206-211.
- Сарновски Т. 2000б. К вопросу о римской оккупации Южного Крыма в свете новых данных. В: Сарновски Т., Савеля О.Я. (ред.) *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. In: Mikocki T. (ed.). *Światowit, Supplement Series A: Antiquity, vol. V*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw university, 269-272.
- Сарновски Т. 2005. Римская черепица из Южного Крыма. *МАИЭТ XI*. Симферополь, 119-132.
- Сарновски Т. 2006. Плавтий Сильван и «эскадра-призрак» на Черном море в I в. н.э. *ВДИ 1*, 117-130.
- Сестренцевич-Богуш С. 1806. *История царства Херсонеса Таврийского. Том первый*. Санкт-Петербург: Типография Шнора.
- Сестренцевич-Богуш С. 1806а. *История царства Херсонеса Таврийского. Том второй*. Санкт-Петербург: Типография Шнора.
- Сидоренко В.А. 1987. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа». В: Айбабин А.И., Высотская Т.Н., Зубарь В.М. (ред.). *Мате-*

риалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова думка, 133-144.

Сидоренко В.А. 1991. «Готы» области Дори Прокония Кессарийского и «длинные стены» в Крыму. *МАИЭТ II*. Симферополь, 105-118.

Сидоренко В.А. 1994. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики. В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.): Тезисы докладов*. Симферополь, 65-69.

Сидоренко В.А. 1994а. *Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Сидоренко В.А. 2001. Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. *МАИЭТ VIII*. Симферополь, 436-453.

Сидоренко В.А. 2013. Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира». *МАИЭТ XVIII*. Симферополь, 353-404.

Скржинская М.В. 1977. *Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего*. Киев: Наукова думка.

Смекалов С.Л. 2007. Геофизические исследования на памятнике Таракташ. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 131-132.

Смирнов А.П. 1953. К вопросу о славянах в Крыму. *СА* (3), 32-45.

Смирнов А.С. 2010. О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки). В: Каменецкий И.С., Сорокин А.Н. (отв. ред.). *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009)*. Москва: Гриф и К, 253-262.

Соломоник Е.І. 1962. Про значення терміна «тавроскіфі». В: Славін Л.М. (відпов. ред.). *Археологічні пам'ятки УРСР XI. Північне Прочорномор'я в античну епоху I*. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 153-157.

Соломоник Е.І. 1976. Таври і Тавріка (про походження етноніма і топоніма). *Археологія* (20), 46-50.

Соломоник Э.И. 1983. *Латинские надписи Херсонеса Таврического*. Москва: Наука.

Соломоник Э.И., Домбровский О.И. 1968. О локализации страны Дори. В: Домбровский О.И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 11-44.

Стивен А.Х. 1909. Таракташский клад. *ИТУАК* 43, 99-101.

Страбон. 1964. *География в 17 книгах*. Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского. Ленинград: Наука.

Стржелецкий и др. 2003-2004 – Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. 2003-2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *STRATUM plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа, 27-277.

Стюлегар Ф.-А. 2010. Между Скандинавией и Черным морем – краткий обзор старой дискуссии. In: *International conference «Inter Ambo Maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period» (October, 21-25, 2010, Gaspra). Abstracts*. Simferopol, 140-141.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2002. Археологические разведки в Горном Крыму. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2000-2001 рр*. Київ: ІА НАН України, 270-273.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2005. Археологические разведки на территории Маломаякского сельсовета (АРК) в 2004 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2003-2004 рр. 7*. Київ: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 290-294.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2005а. Археологические разведки на территории Ялтинского горсовета в 2004 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2003-2004 рр. 7*. Київ: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 295-297.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2007. *Отчет о разведках на территории Ялтинского и Алуштинского горсоветов в 2004 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. № 1121. Папка 1468.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Масякин В.В. 2014. Новый могильник римского времени в центре Южной части Горного Крыма. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2013*. Київ: ІА НАНУ, 84-85.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Масякин В.В. 2014а. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2013 г.* Научный архив КФ ИА НАНУ. № 1554. Инв. кн. 6. Папка 1919.

Топоров В.Н. 1983. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. В: Иванов Вяч. Вс. (ред.). *Балто-славянские исследования. 1982*. Москва: Наука, 227-263.

Третья... 1890. – *Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности. Отчет*. Сост. Лашков Ф.Ф. Симферополь.

Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. 1999. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н.э. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (ред. и сост.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Материалы международной научной конференции (декабрь 1999). Санкт-Петербург: Синтез-Полиграф, 241-251.

Тунманн И. 1991. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.

Турова Н.П. 2004. Предварительное обследование памятников античного времени в Ялтинской котловине (по материалам разведок 2001 г.). В: Новиченкова Н.Г. (ред.-сост.). *Всеукраинская научно-практическая конференция «Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра» (Ялта, 24-26 апреля 2002 г.): Материалы*. Ялта: РИО КГГИ, 71-78.

- Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Ушаков С.В. 2001. *Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III – середина VI ст. н.е.)*. Автореферат дис. ... канд. істор. наук. Київ.
- Ушаков С.В. 2004. Об этнической принадлежности памятников типа Ай-Тодор. В: Новиченкова Н.Г. (ред.-сост.). *Всеукраинская научно-практическая конференция «Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра» (Ялта, 24-26 апреля 2002 г.)*: Материалы. Ялта: РИО КГГИ, 22-27.
- Ушаков С.В. 2010. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции. В: *Археологический альманах 23*. Донецк: Донбасс.
- Фабр А. 1859. *Достопримечательнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания*. Одесса: Типография П. Францова.
- Филлипенко А.А., Алексеенко И.А. 2000. Клад римских денариев из Балаклавы. В: Сарновски Т., Савеля О.Я. (ред.) *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. In: Mikocki T. (ed.). *Światowit, Supplement Series A: Antiquity, vol. V*. Warschau: Institute of Archaeology Warsaw university, 169-175.
- Фирсов Л.В. 1979. О положении страны Дори в Таврике. *ВВ 40*, 104-113.
- Фирсов Л.В. 1990. *Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма*. Новосибирск: Наука.
- Формозов А.А. 1986. *Страницы истории русской археологии*. Москва: Наука.
- Фронджуло М.А. 1971. Работы Судакского отряда. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1968 г.: Информационные сообщения III*. Киев: Наукова думка, 256-260.
- Хайрединова Э.А. 1994. Об употреблении этнонимов «скиф» и «гот». В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.)*: Тезисы докладов. Симферополь, 76.
- Хайрединова Э.А. 1994а. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. *МАИЭТ IV*. Симферополь, 517-527.
- Хапаев В.В. 2008. Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса. В: Чорев М.М. (ред.) *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма I*. Симферополь: Интернет-издание, 89-116. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf>.
- Харматта Я. 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. В: Блаватская Т.В. и др. (ред. колл.). *Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности (Ленинград, 9-14 апреля 1964 г.)*. Москва: Наука, 204-208.
- [Хвольсон Д.А.] 1884. *Сборник еврейских надписей, содержащих надгробные надписи из Крыма и надгробные, и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия собранные и объясненные Д.А. Хвольсоном, заслуженным ординарным профессором при С-Петербургском университете*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Хенинг Р. 1962. *Неведомые земли: В 4 томах. Том 3*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Храпунов И.Н. 1995. *Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы*. Симферополь: Таврия.
- Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ VI*.
- Цукерман К. 1994. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. *МАИЭТ IV*. Симферополь, 545-561.
- Шангин М. 1938. Новый географический текст. *ВДИ 4*, 252-255.
- Шаров О.В. 2007. *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами*. Санкт-Петербург: Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История».
- Шаров О.В. 2009. Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму. В: Вахтина М.Ю. и др. (ред. колл.). *«Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира»*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История», 459-464.
- Шевченко Н.Ф. 1989. Сарматы в восточном Приазовье. В: Раев Б. А. (ред.). *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Новочеркасск: Красное знамя, 140-147.
- Шувалов П.В. 1999. Монеты между археологией и нумизматикой. *Археологические вести 6*, 374-403.
- Шульц П.Н. 1949. Тавро-скифская экспедиция. *КСИИМК XXVII*, 56-66.
- Шульц П.Н. 1957. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму. *КСИА АН УССР 7*, 62-66.
- Шульц П.Н. 1959. О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами). В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Москва: Изд-во АН СССР, 235-272.
- Шульц П.Н. 1960. Судакский клад. В: *Газета «Путь Ильича» от 23 июня 1960 г. № 58*.
- Щукин М.Б. 2001. Славяно-Сарматская экспедиция. В: Вилинбахов Г.В. (ред.). *Сообщения Государственного Эрмитажа LIX*, 85.
- Щукин М.Б. 2002. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Сти-лос, 7-15.
- Щукин и др. 2003 – Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.В. 2003. Исследования поселения и святилища Таракташ-2 у с. Дачное Судакского района. В: Гаврилук Н.О. (ред.). *Археологический альманах, № 33*

логічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. 5. Київ: ІА НАН України; Шлях, 294-297.

Щукин и др. 2003а – Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.В. 2003а. Исследования поселения и святилища Таракташ-2 у с. Дачное Судакского района. В: Пиотровский Ю.Ю. (ред.). *Отчётная археологическая сессия Гос. Эрмитажа за 2002 год: Тезисы докладов*. Санкт-Петербург: Издательство Гос. Эрмитажа, 54-60.

Щукин и др. 2004 – Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.В. 2004. Исследования поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района. В: *Археологические экспедиции за 2003 год: Сборник докладов*. Санкт-Петербург: Издательство Гос. Эрмитажа, 125-139.

Юрочкин В.Ю. 1997. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму. В: *Международная научная конференция «Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект» (Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997 г.): Тезисы докладов*. Севастополь, 128-133.

Юрочкин В.Ю. 1999. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. В: Толочко П.П. (глав. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100 – летию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Тезисы конференции*. Запорожье: Запорожский ГУ, 279-281.

Юрочкин В.Ю. 2002. Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики. В: Куковальская Н.М. (глав. ред.). *Материалы конференции «Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины» (г. Судак, 16–22 сентября 2002 г.)*. Киев: Академперіодика, 280-283.

Юрочкин В.Ю. 2003. К вопросу о «Готском вопросе». В: Древнее Причерноморье: Материалы международной конференции «V-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского» (Одесса, 12-14 марта 2001 года). Одесса, 201-213.

Юрочкин В.Ю. 2007. Готская епархия (краткий исторический очерк). В: Ясельская Л. (отв. ред.). *Международная церковно-историческая конференция «Духовное наследие Крыма» (памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского) (пос. Партенит, 7-10 июля 2005 г.): Материалы*. Симферополь: Издательство Симферопольской и Крымской епархии, 41-67.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. 2007. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь: Универсум, 359-382.

Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. *МИА* 168.

Ярцев С.В. 2011. Проблема этнической идентификации варваров, напавших на Ольвию во время правления Антонина Пия. *ВДИ* 2 (277), 144-164.

Bowersock G.W., Jones C.P. 2006. A New Inscription from Panticapaeum. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 156, 117-126.

Ebert M. 1909. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus. *Prähistorische Zeitschrift* I, 69-73.

Formaleoni O. di V.A. 1789. *Storia filosofica, e politica della navigazione, del commercio e dell colonie degli antichi nel mar nero. T. II. Venezia*.

Karasiewicz-Szczypiorski R. 2011. Tschatyrdag, an Unknown Roman Sentry Post on the Crimean Coast? In: Papuci-Władyka E., Vickers M., Bodzek J., Braund D. (eds.) *Pontika 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference 21st- 26th April 2008, Kraków. BAR International Series 2240*. Oxford, 183-187.

Lysenko A. 2013. Das Heiligtum Eklizí-Burún der römischer Zeit. In: Bemmann J., Mordvinceva V., Schmauder M. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Bonn, 276-283.

Lysenko O. 2014. Південна частина Гірського Криму за римських часів. Southern Part of the Crimean mountains in the Roman period. In: Iakob M. (Sc. Coord.). *Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. Catalogue of the itinerant exhibition*. Tulcea, 132-135.

Lysenko A., Masyakin V. 2012. Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burun sanctuary) in Age of Augustus. In: M. Iakob (eds.). *The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference*. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale Tulcea, 22-23.

Rostowzew M. 1902. Römische Besitzungen in der Krim und das Kastell Charax. *Klio* II 1, 80-95.

Rostowzew M. 1931. *Skythien und der Bosphorus. Band 1. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen*. Berlin: Hans Schoetz & CO.

Stylegar F.-A. 2011. Weapon graves in Roman and Migration period Norway (AD 1-550). In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds.). *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand, Simferopol: «DOLYA» Publishing House, 217-235.

Vasilev A.A. 1936. *The Gots in the Crimea*. Cambridge, Maas.: The Mediaeval academy of America.

ІСТОРІЯ ДОСЛІДЖЕННЯ ПІВДЕННОЇ ЧАСТИНИ ГІРСЬКОГО КРИМУ РИМСЬКОГО ЧАСУ

Робота присвячена історії вивчення Південного Криму римського часу. Свій внесок у цей процес внесла і О.О. Паршина, ювілею якої присвячена ця збірка, ставши одним з перших дослідників Кутлакського укріплення – одного з найбільш інформативних архітектурно-археологічних об'єктів регіону. У статті обґрунтовано кордони Південної частини Гірського Криму відповідного періоду як окремого об'єкту дослідження, наведено дані греко-римської наративної традиції про географічні особливості та етно-політичну ситуацію в регіоні. Виділено чотири етапи вивчення Південної Таврики 2 пол. I ст. до н.е. – рубежу IV–V ст., що розрізняються по динаміці накопичення фактичного матеріалу і підходам до його обробки, узагальнення та інтерпретації. Виявлено традиційні напрямки дослідження, показано ступінь їх розробленості. Оцінена репрезентативність основних категорій джерел по темі (історичних, епіграфічних, нумізматичних, археологічних, етнографічних, топонімічних). Охарактеризовані можливі методи роботи з ними та деякі результати їх застосування. Сформульовано перспективні для розгляду проблеми. Визначено групи матеріалу, які найбільш доцільно використовувати при створенні комплексної несуперечливої схеми розвитку етно-політичної ситуації в Південній частині Гірського Криму римського часу.

Ключові слова: Гірський Крим, Південна Таврика, римський час, наративна традиція, історія вивчення, епіграфічні документи, нумізматичні знахідки, археологічні об'єкти, методи дослідження.

A. Lysenko

HISTORY OF RESEARCH OF THE SOUTHERN MOUNTAIN CRIMEA IN ROMAN PERIOD

The Southern Mountain Crimea represents a particular cultural-economic zone characterized by a small size and a low agricultural potential. In Roman times (from the 2nd half of the 1st c. BC to the late 4th and early 5th c. AD) this territory is associated by many antique authors with the historical Taurica situated between Bosporus, Chersonesos, and 'Scythia'. The Greek-Roman literary tradition knew here six locations: Kriu Metopon cape, Charax, Lampad harbour, Trapezus mountain (?), Lagira, port of Atheneon (?). All these places were apparently connected with the maritime business as navigational landmarks and populated areas with harbours. As it can be concluded from the written and epigraphic sources, the Southern Mountain Crimea from the 1st c. BC to the mid-3rd c. AD was populated by Tauri (Scythians-Tauri, Tauri-Scythians). Sometimes they practiced a sea piracy and robbery of antique settlements on the sea coast. Among other activities of the Tauri there was mentioned the mountain mobile herding. Bosporan rulers and Roman military troops struggled with this population at least by the 1st quarter of the 1st c. BC. When this task was completed in the late 2nd – early 3rd c. AD, a significant part of Taurica was 'attached' to the Bosporus. After a series of Bosporan-Chersonesean conflicts in the late 3rd – 1st half of the 4th c. AD it came under control of Chersonesos. Some early medieval authors mean that in the Late Antiquity and Early Middle Ages the region was 'under power of Goths', who brought Christianity to the North Pontic region.

There are four stages in the history of research of the Southern Taurica could be pointed out in accordance with nature and dynamics in collecting of factual data, as well as methods of its analysis and interpretation.

Stage I (late 18th – 1st quarter of the 20th c.). In this period the narrative tradition was synthesised, before the archaeological study of the region has been started. Particularly prominent became historical compilations focused mostly on the ethnic history (f. e., Sestrentsevich-Bogush, Kondarakі). In these works a critical approach to the sources was either not undertaken or replaced by a comparison and interpretation of various data in a tendentious way (due to the religious affiliation and / or political opinion of writers). As a result such approach led to the following tendencies in research. All ethnic names in the antique texts were estimated as corresponding to ethnic entities – subjects of the international politics. The Southern Mountain Crimea was thought as suitable for a permanent residence and always densely populated. The culture of its population continued to exist from the Early Iron Age to the Late Middle Ages. There was also formed a number of controversial stereotypes which influenced future studies: 1) the Mountain Crimea was from 'immemorial times' to the Late Middle Ages the main habitat of wild robbers and pirates named Tauri (Tauri-Scythians), who murdered or assimilated newcomers and maintained the political independence; 2) all mentioned in sources ethnic entities were related and, in fact, were the Goths who occupied the Southern Crimea in the 2nd and mid-3rd c. AD, who assimilated or destroyed the Tauri, and lived here until the Late Middle Ages preserving their language and culture; 3) the influence of the ancient states on the region was nominal.

Apart from the ethnic history there were works focused on the political history (f. e., Narushevich). There were suggested following conclusions. The Roman power over the Crimea was total. The Bosporus was the main local military and political power during the most of the Roman period, and claimed to dominate over the entire Taurica. There were Chersonesean and Bosporan zones of influence on the territory of Taurica. After the Bosporan-Chersonesean conflicts the peninsula came under the control of Chersonesos. The role of the Goths in the history of Taurica in Roman times is not clear.

These early studies of the narrative sources already determined directions of the research, which later became traditional: 'A culture of indigenous peoples', 'The Roman military presence', 'Bosporan-Chersonesean relations', 'The penetration of northern Barbarians into the peninsula'.

The archaeological study of the region started by the 1st half of the 19th c. mainly due to the private initiative (the economic development of the territory, the fashion to be interested in classical antiquities etc.). The excavations were carried out rather sporadically and on a low level of documentation. Extensive works were undertaken on the most outstanding object – Roman fortifications identified with the Charax. The accumulated data were analysed and helped to form a unified picture of the Roman military presence in the region (Rostovtzeff). The relatively representative data were obtained also during the study of Autka sanctuary (Bertie-Delagard).

Stage II (2nd quarter – mid-20th c.). The field works were episodic and led by the state, mainly capital, academic institutions. Due to this the systematic and professional excavations of the Charax and Ai-Todor necropolis became possible (Blavatskiy). At this period general works appeared, many of which were created under the influence of political conjecture and focused on the characteristics of the culture of a 'local population' (Repnikov, Dyakov, Shults) and a search for traces of Slavic colonization of the Crimea (Veymarn, Strzheletskiy, Smirnov).

Stage III (3rd quarter of the 20th c.). There were undertaken purposeful archaeological prospecting works in Taurica associated with the spa constructions and led by the local archaeologists (Dombrovskiy, Makhneva). There was revealed a number of various objects of the Roman period, but these materials were not properly analysed and published, which made their use difficult. The information about the antique numismatic finds in the region was summarized (Golenko).

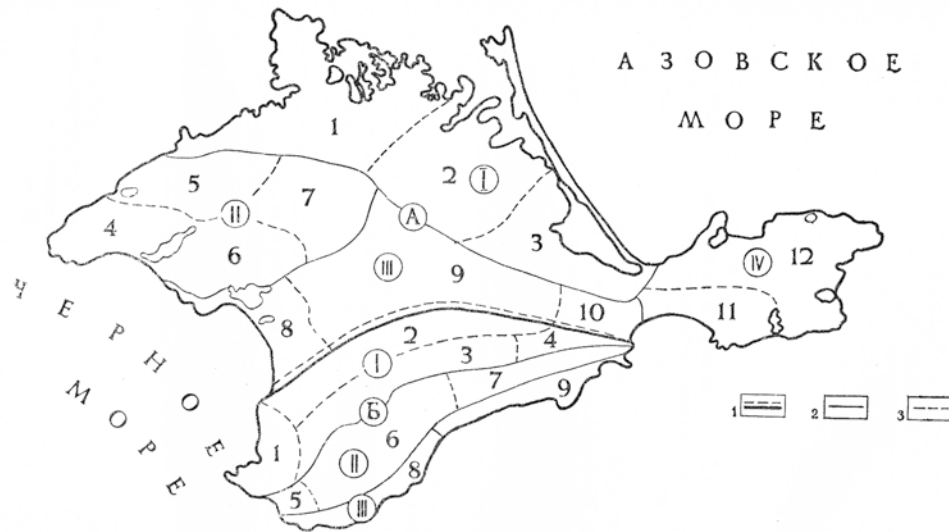
Stage IV (last quarter of the 20th c. to the modern times). There are several permanent archaeological expeditions led by local scientific institutions especially studying the Southern part of the Mountain Crimea (Orlov, Zhuk, Novichenkova, Baranov, Parshina, Lantsov, Myts *et alii*). The degree of knowledge about the Taurica of Roman period increased significantly. There were studied sanctuaries at Gurzuf Pass, Aligor, Taraktash, Eklizi-Burun, Pakhkal-Kaya, necropolises of Ai-Todor and Chatyr-Dag, cave necropolises Glazastaya and Ai-Nikola, fortress Kutlak, Chatyr-Dag-2 settlement, etc. There were published comprehensive general works on the history of the region (Zubar, Pioro, Sidorenko, Ambroz, Sarnowski, Aibabin, Kazanski, Yurochkin, Ushakov *et alii*).

Thus, during 180 years of studying the Southern Mountain Crimea from the mid-1st c. BC to the early 5th c. AD there were analysed all related written sources and more than fifty of archaeological sites located on this territory (sanctuaries, necropolises, settlements, expected places of shipwrecks, fortifications, a port, a production centre). The basic aspects of the history of the region were pointed out. Among them the problem of Roman military presence is most fully worked out. Other questions (a culture of indigenous peoples, the Bosporan influence, activities of the Germanic peoples) are highlighted insufficiently. The penetration of the representatives of the Late Scythian Culture into the region is practically not considered.

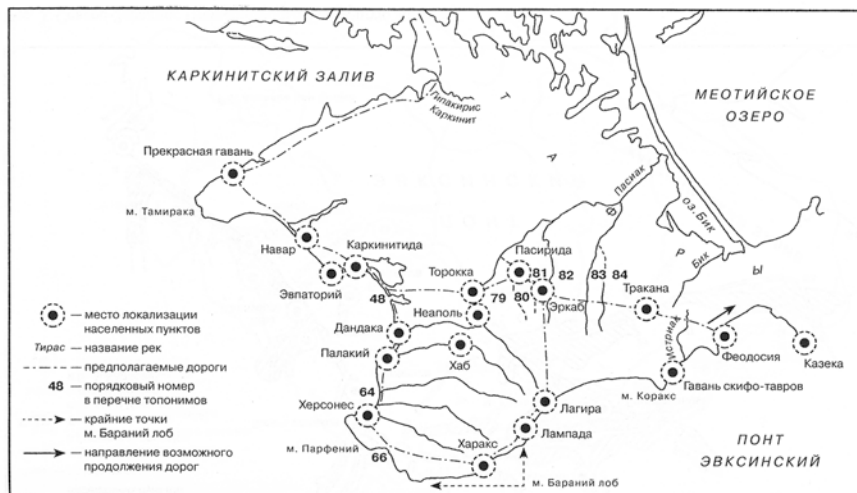
Conclusions. A noncontradictory integral scheme of the ethno-political development of the Southern Mountain Crimea in Roman period is still absent. Most of the published general works are devoted to the spatio-temporal localization of the related to Taurica individual events, subjects and objects of the historical process. In many respects they are based on the information from the literary tradition (interpretation of which is ambiguous due to stereotypes and political conjecture), epigraphic documents and numismatic finds. Many of these works overestimate the role of the ethnic and supra-ethnic entities, and state institutions. They fill gaps in the original data by the temporal or spatial extrapolation of the features of known phenomena on the study cases without full justification of the correctness of the procedure. At the same time the archaeological materials are used to a limited extent, usually only to illustrate the obtained results, sometimes without any reliance on the substantiated chronological, functional, and cultural attribution of the complexes.

Proceeding from this analysis it is obvious that the epigraphic, numismatic, and archaeological sources are most objective for the study of Southern Taurica. They supplement each other, constantly grow in the course of the study, and allow correcting the interpretation of the narrative tradition. Most of epigraphic sources are already quite extensively interpreted. However, much of accumulated numismatic and archaeological materials were not involved in the generalizing analysis. Among them particularly important are results of archaeological studies of the last quarter of the 20th and beginning of the 21st c., which now should be regarded as the main source for the complex characteristic of the Southern Taurica in Roman times. The most representative part of them are sacral complexes (sanctuaries and necropolises), which constitutes about one third of all revealed objects.

Keywords: Mountain Crimea, Southern Taurica, Roman period, literary tradition, history of research, epigraphic documents, numismatic finds, archaeological objects, methods of research.

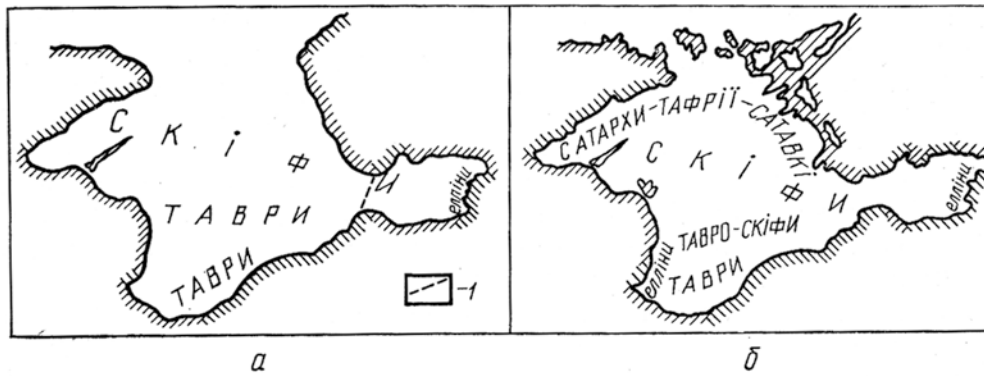

1. Физико-географическое районирование Крыма (Подгородецкий 1988, рис. 8). Крымская степная провинция (А). Северо-Крымская низменная степь (I). Районы: 1 - Западно-Присивашский, 2 - Центрально-Присивашский, Тарханкутская возвышенная равнина (II). Районы: 4 - Тарханкутский, 5 - Бакальский, 6 - Донузлав-Сасыкский, 7 - Самарчик-Чатырлыкский, Центрально-Крымская равнинная степь (III). Районы: 8 - Сасык-Альминский, 9 - Центрально-Крымский, 10 - Индольский. Керченская холмисто-грядовая степь (IV). Районы: 11 - Керченский Юго-Западный, 12 - Керченский Северо-Восточный. Горный Крым (Б). Предгорная лесостепь (I). Районы: 1 - Чернореченский, 2 - Северный предгорный, 3 - Южный предгорный, 4 - Индольский. Главная горно-лугово-лесная гряда (II). Районы: 5 - Западный, 6 - Центральный, 7 - Восточный. Крымское южнобережное субсредиземноморье (III). Районы: 8 - Западный, 9 - Восточный. Границы физико-географических провинций - 1, областей - 2, районов - 3.

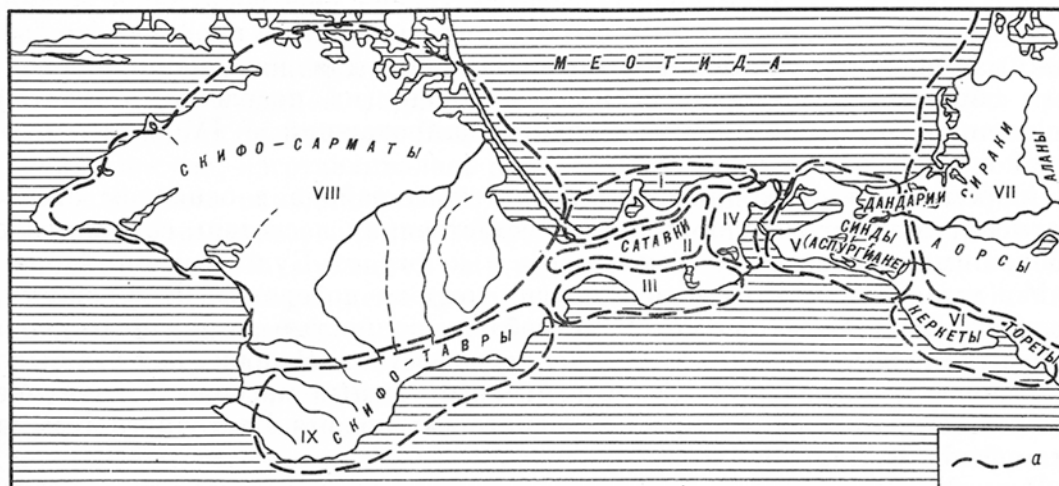

2. Крымский полуостров в античную эпоху (Зубарев 2007, рис. 4).

Рис. 1. Физико-географическое районирование Крымского полуострова и вариант локализации располагавшихся в его пределах и упомянутых в нарративной традиции географических объектов.

1. Етнічна ситуація в Криму (Ольховський 1990, рис. 1): а - VII-VI ст. до н. е.; б - I ст. до - I ст. н. е. Умовні знаки: 1 - рів "нащадків сліпих".

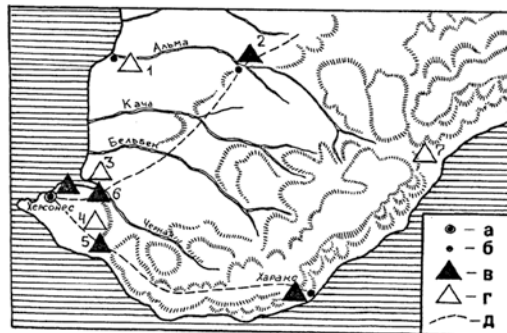

2. Историко-географические зоны Северо-Восточного Причерноморья. Схема (Масленников 1981, рис. 17). I - Крымское Приазовье, II - степная, центральная часть Керченского п-ва, III - Восточное Причерноморье Крыма, IV - Европейское побережье Керченского пролива, V - Таманский п-в, VI - Юго-Восточное Причерноморье, VII - Прикубанье и Восточное Приазовье, VIII - Степной Крым, IX - Горный Крым.

Рис. 2. Этническая ситуация на Крымском полуострове в римское время (по данным письменных источников).

1. Северное Причерноморье (Соломоник 1983, карта 2). I - Дунайско-Днестровский регион; II - Ольвийский регион; III - Херсонесский регион; IV - Боспор; V - Кавказский регион.

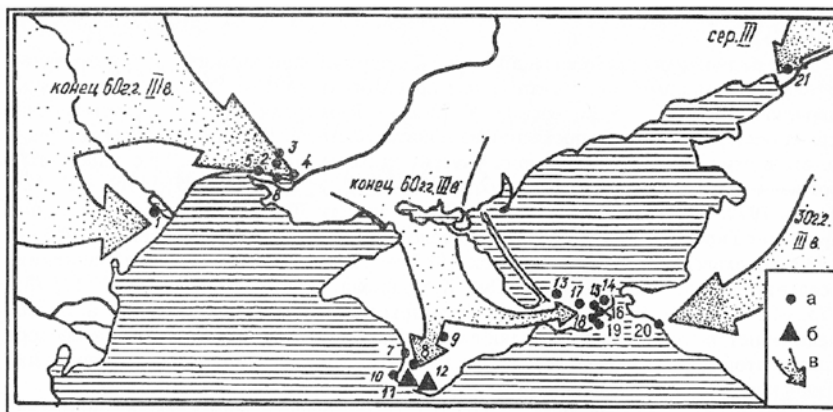

2. Схема размещения римских военных постов и гарнизонов в Южном и Юго-Западном Крыму (Зубарь 1998, рис. 41). 1 - Усть-Альминское городище; 2 - городище Алма-Кермен; 3 - Северная сторона нынешнего г. Севастополя; 4 - Гераклеийский п-ов; 5 - современная Балаклава; 6 - район Инкермана (Сапун гора); 7 - Алуштинская долина. а - античные центры; б - городища; в - места дислокации римских войск; г - предполагаемые места дислокации римских войск; д - древние дороги.

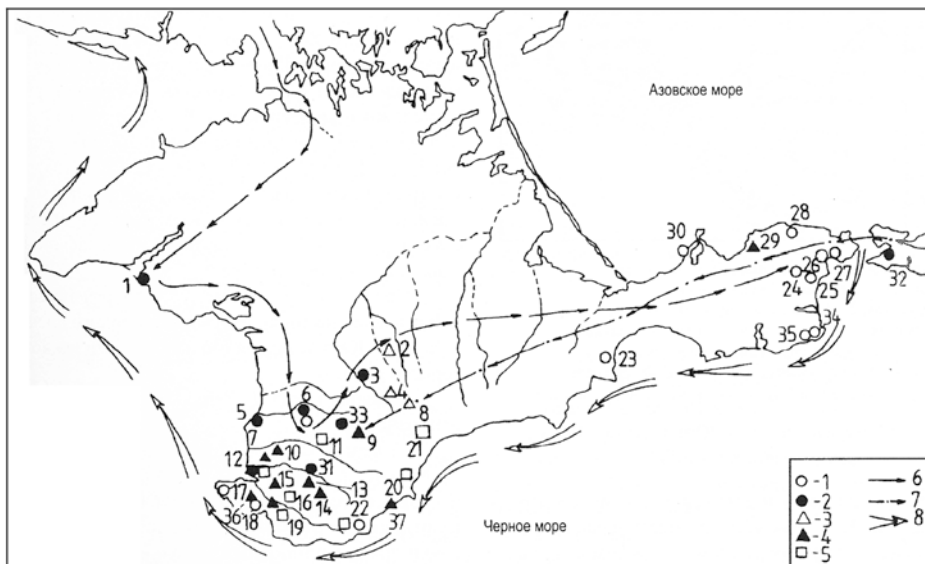

3. Распространение античного импорта в Юго-Западном Крыму во II-III вв. (Зубарь 1998, рис. 56). 1 - городища; 2 - поселения; 3 - границы значительного распространения; 4 - границы менее значительного распространения.

Рис. 3. Представления исследователей о формах и зонах влияния античных государств на Крымском полуострове.

1. “Скифские” войны в Северо-Западном и Северном Причерноморье (Зубарь 1994, рис. 49).
 1 - Тира; 2 - Ольвия; 3 - Козырка; 4 - Золотой мыс; 5 - Петуховка; 6 - Днепровское; 7 - Усть-Альминское городище; 8 - Алма-Кермен; 9 - Неполь Скифский; 10 - Херсонес; 11 - совхоз Севастопольский; 12 - Харакс; 13-19 - памятники Европейского Боспора; 20 - Горгиппия; 21 - Танаис. Условные обозначения: а - городище и поселения; б - могильники; в - направление движения “скифов”.

2. Крым в позднеимское время (Айбабин 1999а, рис. 2). 1 - римские гарнизоны, поселения и некрополи Боспорского царства; 2 - городища и некрополи поздних скифов и сармат; 3 - могильники и поселения алан, возникшие около середины III в.; 4 - некрополи с труположениями и поселения алан, возникшие в 256 г.; 5 - могильники с кремацией и клады германцев; 6 - направление первого вторжения готов в Крым в 252-256 гг.; 7 - направление первой миграции алан в Крым около середины III в.; 8 - поход германцев в 268 г.
 1 - Южнодонузлавское городище; 2 - Нейзац; 3 - Неаполь Скифский; 4 - Дружное; 5 - Усть-Альма; 6 - Алма-Кермен (Заветное); 7 - Суворово; 8 - Перевальное; 9 - Озерное; 10 - Тенистое; 11 - клад монет у с. Долинное; 12 - Бельбек I-III; 13 - Красный Мак; 14 - Мангуп; 15 - Инкерман; 16 - Совхоз 10; 17 - Херсонес; 18 - Балаклава; 19 - Черная Речка; 20 - Партенит; 21 - Чатыр-Даг; 22 - Харакс; 23 - Феодосия; 24 - Илурат; 25 - Тиритака; 26 - Боспор; 27 - Мирмекий; 28 - Зенонов Херсонес; 29 - Заморское; 30 - Семеновка; 31 - Танковое; 32 - Фанагория; 33 - Скалистое III; 34 - Китей; 35 - Кыз-Аул; 36 - Килен-Балка; 37 - Гурзуф.

Рис. 4. Представления исследователей о передвижениях «скифов» по Крымскому полуострову.